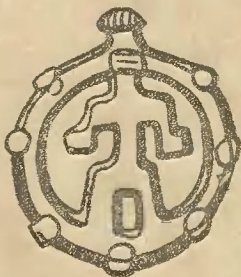

М. А. МИСИКОВ

**Этнографические
сведения
об осетинах**

M. Muenzel

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
при Северо-Осетинском государственном университете

М. А. Мисиков

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
СВЕДЕНИЯ
ОБ ОСЕТИНАХ**

«арвАсин»
Владикавказ
2011

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Р. С. Бзаров

Мисиков М.А.

М 65 Этнографические сведения об осетинах. – Владикавказ: арвАсин, 2011. – 157 с.

ISBN 978-5-91139-204-8

Книга подготовлена к печати в ознаменование 130-летия со дня рождения ее автора – Магомета Асланиковича Мисикова, известного ученого-медика, антрополога и этнографа, видного общественного деятеля и организатора науки.

В настоящее научно-популярное издание вошел этнологический раздел труда М. А. Мисикова «Материалы для антропологии осетин», изданного в Одессе в 1916 г. Этнологический раздел книги, названный автором «Этнографические сведения об осетинах», отличается редкой объективностью и ценнейшими деталями. В нем впервые была предпринята попытка целостного этнографического описания, включающего хозяйство, общественную жизнь, культуру жизнеобеспечения осетин.

ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-91139-204-8

© Институт истории и археологии РСО-А, 2011

© Бзаров Р. С. Вступ. статья, примечания, 2011

О ПРОФЕССОРЕ М. А. МИСИКОВЕ

Магомет Асланикоевич (Михаил Аркадьевич) Мисиков (1881–1938) – доктор медицины и профессор, знаменитый врач и организатор здравоохранения, выдающийся ученый-исследователь и организатор науки, один из виднейших деятелей осетинской культуры XX столетия.

Возможно, это имя недостаточно известно новейшим поколениям. И немудрено, – труды М. А. Мисикова никогда не переиздавались, его вклад в становление науки, культуры и образования в Осетии долго замалчивался. К тому же и сам он отличался чрезвычайной скромностью, был равнодушен к собственности и бюрократическим должностям, держался вдалеке от политики, чуждался заигрываний с властью.

Сменились эпохи, и теперь, по прошествии времени, ясно видна неотвратимость возмездия, которое ожидало идеалиста-бессребренника, служившего одной лишь общественной пользе. Человек, который бесплатно лечил людей, по зову сердца занимался наукой и организацией здравоохранения, самоотверженно строил национальную культуру, – словом, неизменно заботился об интересах народа и будущем родины, – конечно, не мог избежать судьбы, обычной для осетинской интеллигенции второй четверти XX века, и был физически уничтожен советским государством.

Впрочем, власти предержавшие не особенно преуспели, пытаясь стереть из народной памяти славу доктора Мисикова. Доброе имя и в этом случае оказалось сильнее политики. Магомет

Мисиков навсегда вошел в тот краткий список рыцарей без страха и упрека, чьи жертвы скрепляют фундамент любой состоявшейся культуры.

Будущий ученый родился 15 июля 1881 г. в селении Шанаевском 2-го участка Владикавказского округа Терской области (ныне селение Брут Правобережного района Республики Северная Осетия-Алания).

Мисиковы (осет. *Мысыкатæ*) принадлежат к древнейшей и знатнейшей, исконной части аланского колена *Сидæмонтæ*, которое, по народному преданию, происходило от Сидамона – старшего из сыновей Ос-Багатара, легендарного правителя и прародителя народа. Как повествует этногоническое предание, у Сидамона было пятеро сыновей: Фатта, Наджи, Цасмаг, Сахагон и Ксурон, и родословие Мисиковых восходит к Цасмагу¹.

Социально-политической основой горных обществ XV–XVIII вв., сложившихся после разрушения средневекового Аланского царства, была гражданская община – самоуправляющийся общественный организм, обладающий суверенными правами. Население общины делилось на три колена, каждому из которых принадлежала своя часть территории. Три колена связывали свое происхождение с прародителем Ос-Багатаром и назывались по именам его сыновей. Согласно арийскому разделению социальных функций, потомкам Кусагона традиция отводила роль жрецов и судей, роду Царазона приписывала особую воинскую доблесть, а наследников Сидамона связывала с производительным трудом и богатством. Три колена считались равными по благородству происхождения и правам, но на роль феодалской элиты выдвинулись преимущественно представители колена *Сидæмонтæ*. Причина проста: согласно древнему правилу,

¹ ЦГА РСО-А, ф. 291, оп. 1, д. 6, л. 3, 50–51.

носители производительной функции имели наиболее обширную территорию, то есть контролировали больше земельных угодий, которые в традиционном аграрном обществе были основным средством производства и составляли главное богатство. В суровых условиях гор это обстоятельство имело решающее значение.

Первоначальная родина Мисиковых – Алагирское общество. Там, в селении Уаллаг-Унал, сохранилась их башня и остатки фундаментов жилых строений. Там их предки не просто выжили в тревожную и драматическую эпоху XVI–XVII вв., но и сумели утвердить свой высокий статус членов благородного сословия (осет. *уæздан*). Однако к середине XVIII в. Мисиковы исчерпали возможности социального возвышения в родной общине. Владея пахотными и сенокосными землями, имея подвластных людей, они по-прежнему пользовались общинными пастбищами. Чтобы закрепить экономические и сословные привилегии, было необходимо достичь самостоятельного владения пастбищными угодьями, то есть создать независимую от общинных связей базу скотоводства, главной отрасли горного хозяйства. Для этого существовало два пути: или выделить пастбища в фамильную собственность из общинного фонда, или приобрести их на стороне. В любом случае предстоял еще территориальный разрыв с родной общинной средой – ведь невозможно создать феодальную вотчину, не разорвав вековые соседские и родственные связи, не выслевшись из Уаллаг-Унала.

Как раз во второй половине XVIII в. в Тагаурском обществе начался сложный процесс размежевания земель, находившихся в собственности аристократии. Часть земельных угодий оказалась выставлена на продажу, и несколько фамилий алагирской знати приняли активное участие в торгах². Переезд Мисиковых в Тагаурское

² Бзаров Р. С. Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе: Ир, 1988. С. 68–75, 88–89.

общество произошел не позже конца XVIII в. Они обосновались там, предварительно выкупив в селении Даллаг-Тменикау полный набор необходимых земельных угодий с пастбищами, пашнями и сенокосами. Только земельная собственность, включающая все виды угодий, позволяла избежать на новом месте любых форм подчиненности и сохранить высокий сословный статус узданов. Подчеркивая полную завершенность вотчинного строительства и гордую самодостаточность своей высокой социальной позиции, Мисиковы не стали подселяться к старожилам, а фактически основали собственное поселение. Именно с их переездом появилось селение Астауккаг-Тменикау – «Среднее», расположенное между Даллаг («Нижним») и Уаллаг («Верхним») селениями. И, конечно, они возвели башню, само право на которую в те времена оставалось завидной привилегией и надежно удостоверено принадлежность к благородному сословию.

В середине XIX в. со слов представителей фамилии была записана информация о том, что родоначальник *Мысык* имел троих сыновей – их звали Зайт, Габан и Темур³. От них происходили три ветви фамилии. Потомство старшего Зайта и младшего Темура целиком переселилось в Даллаг-Тменикау. Потомки Габана, среднего брата, разделились. Часть из них участвовала в переселении, другие остались в Уаллаг-Унале. Все потомки трех братьев, переселившиеся к тагаурцам, сохранили общее фамильное имя – *Мысыкатае*, впоследствии записанное в русских документах как «Мисиковы». Тех же потомков Габана, которые остались среди алагирцев, до середины XIX в. называли одновременно и Мисиковыми, и Габановыми, поэтому со временем за ними закрепилась отдельная фамилия *Габантае*.

В конце 50-х гг. XIX в. Мисиковы насчитывали 16 семей⁴. Большинство из них переселились на равнину и жили в селениях

³ ЦГА РСФСР-А, ф. 291, оп. 1, д. 26, л. 69.

⁴ Там же, д. 2, л. 26–28.

Фыдхуз (Редант), Зилга и Брут, но неизменно подчеркивали свою связь с горной вотчиной в Тменикау. С 40-х по 70-е гг. XIX в. российская администрация подробно изучала сословные и поземельные права осетин. Высшее сословие Тагаурского общества, состоявшее из 11 коренных фамилий уазданов, получило эксклюзивное право именоваться алдарами (осет. *алдар* – «князь»). Закрепления сословных привилегий добивались еще несколько уазданских фамилий тагаурцев, но из них одни только Мисиковы заявили притязания на алдарское достоинство.хлопоты оказались безуспешны, однако стоит обратить внимание на твердость, с которой недавние алагирские переселенцы отстаивали свое равенство с тагаурской аристократией, подавая от имени «Алдарской фамилии Мисиковых» ходатайство «сопричислить нашу фамилию к роду Тагаурских Алдар, принадлежность к которому подтвердят под присягой все наши односельцы»⁵. Основы такой самоуверенности понятны – это, во-первых, изначальная принадлежность к благородному сословию и, во-вторых, полноценное вотчинное землевладение, выкупленное у тагаурских алдаров.

В посемейном списке Шанаевского селения, составленном в 1886 г., значатся Мисиков Аслануко Кокилович с младшим братом Сосламбеком и сыном Магометом, а также содержится безымянное упоминание: «Лиц женского пола 2». Семейство Аслануко Мисикова проживало в «деревянном доме со службами и усадьбой» и обрабатывало 15 десятин земли, приходившихся на его долю в качестве наследственного общинного надела⁶. Записи посемейного списка отражают положение Мисиковых в качестве равноправных членов Шанаевского сельского общества, созданного земельной реформой 1864 г. Двое «лиц женского пола» – это, надо полагать, мать и сестра Магомета. Вскоре мать умерла

⁵ ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 12, л. 74.

⁶ Там же, ф. 30, оп. 1, д. 71, л. 29–30.

(мальчику было шесть лет), и отец женился во второй раз. Мачеха Госада (Белеккон), относившаяся к Магомету как к родному сыну, подарила ему сводных братьев Шамиля, Ахмата, Мухтара.

По воспоминаниям сестры, Годта Мисиковой-Козыревой, Магомет был послушным, открытым и добросердечным мальчиком, любимцем всей семьи. Его разнообразные способности и особая любознательность проявились с раннего детства. Он отличался любовью к народной музыке и прекрасно танцевал. Отец каждый вечер рассказывал детям сказки, и Магомет не мог наслушаться, ему всегда хотелось продолжения волшебных приключений⁷.

Начальное образование Магомет получил в двухклассной (четырёхлетней) сельской школе. Решающее влияние на талантливого мальчика оказал его дядя, младший брат отца Сослан (Сосланбек) Мисиков, постаравшийся дать Магомету хорошее образование. В посемейном списке указано, что Сослан «служит в гор. Кутаисе при военном губернаторе»⁸. Туда он и увез племянника, чтобы подготовить его к поступлению в гимназию. Домашние навсегда запомнили, с какой любовью Госада собирала Магомета, когда Сослан увозил его учиться: сшила ему штаны и рубаху из своего сукна, ноговицы и кожаные чупяки, барашковую шапку⁹.

Блестящий офицер, герой русско-японской войны, Сослан Мисиков удостоился высшего народного признания – героической песни. Он погиб, посчитав бесчестьем оставить на поле боя тела своих солдат. По уставу командир мог оставить погибших на попечение похоронной команды. Сослан же всегда поступал по осетинскому обычаю. И на этот раз, не желая рисковать жизнью подчиненных, он под обстрелом сам вернулся на оставленные позиции. Павшего героя привезли в Осетию и с почестями

⁷ Мах дуг. 2000. № 8. С. 116, 121.

⁸ ДЦА РСО-А, ф. 30, оп. 1, д. 71, л. 29–30.

⁹ Мах дуг. 2000. № 8. С. 117.

предали земле в родном селении. К тому времени племянник уже окончил гимназию в Кутаисе и учился на медицинском факультете Новороссийского университета в Одессе. Свою главную книгу «Материалы для антропологии осетин» профессор М. А. Мисиков с благодарностью посвятил памяти дяди.

Новороссийский университет был открыт в 1865 г. в Одессе, успешно претендовавшей на роль неофициальной столицы Новороссии – обширных территорий Северного Причерноморья, которые вошли в состав Российской империи в XVIII – начале XIX в. Медицинский факультет Новороссийского университета был открыт в 1900 г. Когда в следующем 1901 г. Магомет Мисиков окончил гимназию и отправился в Одессу поступать в университет, медицинский факультет осуществлял всего лишь второй набор.

Еще студентом Магомет работал демонстратором сначала при кафедре нормальной анатомии, затем при кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии. Окончив университет в 1907 г., он в январе 1908 г. поступил в Одесскую городскую больницу интерном, а через год был назначен там уже помощником прозектора.

Возвращаться домой дипломированный врач не спешил – он справедливо считал: чтобы быть полезным Осетии, надо учиться дальше, нужно заниматься наукой, необходимо совершенствовать умения и навыки практического врача.

Коллеги скоро оценили организаторские способности и педагогический талант М. А. Мисикова. С 1912 г. он читал лекции по анатомии и физиологии человека в высшем фармацевтическом техникуме, фельдшерском училище и зубоврачебной школе (где вскоре возглавил педагогический совет). В том же году возглавил лекционный комитет Одесского научно-технического общества, где с 1908 г. состоял лектором. В 1917 г. занял должность

проектировщика и был избран старшим врачом Одесской губернской больницы.

В *Curriculum vitae* – краткой биографии 1916 г., включенной в издание «Материалов для антропологии осетин»¹⁰, о М. А. Мисикове сказано: состоит членом Медицинского общества при Императорском Новороссийском университете, Одесского общества врачей, Химического отдела в Одесском отделении Императорского Русского Технического общества, заведует бесплатной лечебницей Одесского отделения Императорского Русского Технического общества, созданной для семейств тех, кто был призван в войска (шла Первая мировая война).

Приезжая в отпуск на родину, Магомет продолжал работать и здесь. Он вел прием и ездил по вызовам, но, конечно, не смог ограничиться только помощью больным – с присущей ему энергией молодой врач развернул профилактическую и просветительскую работу. Сохранилось его прошение, поданное 11 июня 1913 г. начальнику Владикавказского округа по поводу разрешения читать лекции о туберкулезе в родном Шанаевском и соседних селениях Какадуре (Даргкохе) и Хумалаге¹¹. К прошению приложена «Программа лекций члена-сотрудника Общества борьбы с туберкулезом доктора М. А. Мисикова». Лекции должны были «сопровождаться демонстрацией препаратов и световыми картинами». Конечно, разрешение было дано и лекции прочитаны. Стоит напомнить, что для демонстрации «световых картин», ныне называемых слайдами, в те времена требовалось громоздкое оборудование, а препаратами называли препарированные и помещенные в специальный раствор органы, которые принято показывать в массивной стеклянной посуде. И ведь все это нужно было привезти с собой.

¹⁰ Мисиков М. А. Материалы для антропологии осетин. Одесса, 1916.

¹¹ ЦГА РСФСР, ф. 11, оп. 65, д. 1459, л. 39.

Областью научных интересов М. А. Мисикова еще в студенческие годы стала анатомия человека и антропология. Приезжая на каникулы, а потом в отпуск, Магомет собирал материал для диссертации, записывая этнографические наблюдения и совершая экспедиции к склеповым некрополям в горах. Конечно, будущая диссертация не могла быть сухим, оторванным от жизни академическим трактатом, призванным всего лишь подтвердить высокую квалификацию и научные достижения соискателя ученой степени. Не таков был ее автор, которого согревало желание связать медицину с насущными интересами родного народа, а естественнонаучное знание соединить с задачами осетинской культуры. Не бросая службу в городской больнице, преподавательскую деятельность и общественную работу, он выдержал все необходимые испытания, входившие в экзамен на подготовку к ученой степени доктора медицины. Докторская диссертация, посвященная антропологии осетин, была защищена в 1916 г.

Замечательно, что антропологию доктор Мисиков понимал в самом универсальном, сегодняшнем смысле, не отделяя ее физические аспекты и медицинские закономерности от особенностей культурно-исторической среды, от повседневной жизни народа. Книга «Материалы для антропологии осетин», вышедшая в том же году в Одессе, содержит самое обширное и наиболее полное к тому времени этнографическое описание Осетии.

Антропология как наука о человеке и его культуре, о закономерностях существования людей в природной (естественной) и рукотворной (искусственной) среде оформилась в последней четверти XIX в. Научные подходы М. А. Мисикова веком позже были бы названы комплексными и междисциплинарными. Сверенные с актуальными интересами социального и культурного развития Осетии, они вместе с тем легко укладывались в общее русло российской модернизации. Иными словами, М. А. Мисиков не просто шел в ногу с европейской наукой, исполняя профессиональ-

ный долг. Последнее доступно очень многим. Ведь ни этнической или интернациональной, ни столичной или провинциальной науки не существует: наука на всех одна. Куда сложнее занять ясную социокультурную позицию, поставив и медицину, и гуманитарное знание на службу конкретному обществу.

Минуло целое столетие, и современному читателю нужно объяснить: то было время форсированного строительства национальной культуры, призванной обеспечивать новые культурные потребности развитого (государственного, рыночного, аграрно-индустриального) общества. Вторая половина XIX и первая четверть XX века стали для Осетии эпохой *Национального возрождения* – так принято называть исторический период, когда завершается формирование развитого национального самосознания и происходит окончательный переход от традиционной народной (то есть устной, фольклорно-этнографической) культуры к письменной, профессиональной, ученой культуре современной нации. Когда на смену провинциальной патриархальности приходят гражданские, национальные формы общественных связей. Именно эти процессы в жизни общества и носят гордое название модернизации. При отсутствии политической и экономической автономии, в условиях административного разделения Осетии профессиональная письменная культура превратилась в важнейший фактор национальной консолидации, в единственный способ осознания и отстаивания национальных интересов. Персонифицированным символом и первым лидером Национального возрождения был Коста Хетагуров, а главной задачей – строительство собственной профессиональной национально-культурной инфраструктуры, то есть системы образования, культурных и научных учреждений, издательского дела и средств массовой информации.

Исследовать осетинскую традицию методами передовой науки, осмыслить ее в реалиях нового времени и поместить в стратегический контекст национального развития – вот та общая

культурная цель, которая заставила молодого осетинского врача удивить ученый совет Новороссийского университета. Доктор Мисиков оказался заправским новатором – он не только объединил биологическое (в том числе медицинское) и культурное описание своего народа, он еще вторгся в «чужую» профессию, чтобы написать этнографический «автопортрет» осетин. Он и тут стал первопроходцем, потому что целостное и бескомпромиссное самописание, созданное впервые, разом перевернуло угол зрения, превратило антропологию в часть осетинской культуры. А сам автор стал основателем национальных научных школ в двух областях – естественнонаучной и культурной антропологии.

Советская наука принципиально отрицала актуальность антропологии как единого междисциплинарного знания о человеке, ограничивая ее биологическим аспектом и относя культурную проблематику к сфере этнографии. Противопоставление вполне пролетарской этнографии (от греч. «этнос» – народ) и классово чуждой социальной и культурной антропологии (от греч. «антропос» – человек) имело очевидный политико-идеологический смысл, помешавший (вместе с клеймом «врага народа») объективной и своевременной оценке вклада М. А. Мисикова в осетиноведение.

После ареста в 1938 г. его забыли на три десятилетия. Лишь в последней трети XX в. имя М. А. Мисикова вновь появилось в открытой печати. Значение его книги, как важного источника по этнографии осетин, было отмечено Б. А. Калоевым: «В 1916 г. вышел труд первого осетинского антрополога и известного в Осетии врача профессора М. А. Мисикова, содержащий наряду с антропологическими данными весьма ценные этнографические сведения»¹². Высокую историографическую оценку «Материалов

¹²Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 1971. С. 7.

для антропологии осетин» предложил А. Х. Магомедов: «Из работ дореволюционных авторов-осетин труд Мисикова – самый обширный и наиболее полный по охвату вопросов. В нем рассмотрен почти весь круг этнографических проблем: хозяйство, материальная культура, семейный быт, общественные формы и отношения. <...> Превосходное знание автором осетинского быта, понимание им наблюдаемых явлений и научная эрудиция помогли Мисикову правильно истолковать освещаемые вопросы, показать картины общественного быта, ускользавшие от внимания многих исследователей»¹³.

Не будем обманываться, теоретические основы и методические приемы описания осетинской традиционной культуры, использованные М. А. Мисиковым, за прошедший век безвозвратно устарели. Ушли в прошлое колониальная историография и наивно-романтическая литература о Кавказе, поневоле привязывавшие автора к идейному и терминологическому контексту эпохи. Хорошо заметно, например, как, выросший в традиционной семье, он мечется между ясным пониманием осетинского монотеизма и дилетантскими описаниями народной религии в тогдашней историографии, но все-таки не позволяет себе даже упомянуть неприемлемое для осетина слово «язычество». Как, говоря об осетинских поселениях, он иногда сбивается на типовое для отечественного кавказоведения определение «ауль», хотя именно аулов (тюркское название отдельных поселений большой патриархальной семьи) в Осетии никогда не было. Как механически использует слово «лезгинка» – просторечно-газетный эпитет кавказского танца. Не выдерживают критики европоцентризм и сциентизм, также характерные для большинства деятелей начала XX в. Сказалось, конечно, и отсутствие специальной обществоведческой, культурологической подготовки, не позволившее выйти за пределы материала, собранного в родной автору северо-восточной Осетии.

¹³ Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974. С. 32–33.

Почему же при этом ничуть не потускнел смысл проделанной М. А. Мисиковым работы? Почему его все интереснее читать? И почему у внимательного читателя неизбежно рождается твердая уверенность в том, что нехитрые этнографические сюжеты минувшей жизни обладают вневременной ценностью? Ответ заключается не только в подкупающей искренности и самоотверженной честности автора, которому и в голову не приходит приукрасить портрет родного народа, спрятать недостатки или выпятить достоинства. Дело еще в том, что как раз в силу «гуманитарного непрофессионализма» М. А. Мисикову удалось передать в своих описаниях естественную гармонию народной жизни. Критический взгляд европеизированной естественнонаучной интеллигенции оказался в этом случае удобным инструментом конверсии, своеобразной системой линз и зеркал, позволившей конвертировать уходящую традиционную культуру в востребованный дискурс эпохи модерна. В самом важном, идейном и культурном, смысле «Этнографические сведения об осетинах» сродни наивному искусству: труд М. А. Мисикова занимает в истории осетинской антропологической мысли такое же место, какое отведено в литературе Сека Гадиеву, а в изобразительном искусстве – Сосланбеку Едзиеву.

Инвентаризация заслуг Мисикова-первооткрывателя, которая еще предстоит его коллегам-этнографам, начата в свое время В. С. Уарзиати: «Подробный процесс приготовления пива впервые был описан профессором Магометом Мисиковым»¹⁴. Он впервые описал и способы приготовления других традиционных блюд и напитков, а также снадобья и приемы осетинской народной медицины. Он впервые описал возрастные классы и некоторые обряды перехода. И систему терминов, относящихся к культуре жизнеобеспечения. И важную часть медицинской,

¹⁴ Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семантика. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007 | С. 151, 304, 318, 322.

ботанической терминологии. И множество бесценных деталей из разных сфер народной жизни.

Революционная эпоха застала новоиспеченного доктора медицины в Одессе, пережившей за годы гражданской войны и красную гвардию, и еврейскую боевую дружину, и австро-немецкую интервенцию, и украинских гайдамаков, и англо-французский десант, и, наконец, установление советской власти с неизбежной Чрезвычайной Комиссией. Все революционные и первые советские годы М. А. Мисиков оставался в Одессе. Его знания были востребованы, карьера продолжалась. К тому же безукоризненная общественная позиция завоевала ему высокий авторитет и всеобщее доверие. Достаточно сказать, что в 1917–1918 гг., в самое тяжелое время разрухи и голода, молодой доктор заведовал всеми общественными столовыми Одессы – того самого знаменитого города университетской, музыкальной и литературной интеллигенции, той самой портовой и воровской Одессы-мамы. А в 1919 г. он возглавлял Санпросвет Одесской губернии, заведовал всеми школами по ликвидации санитарной безграмотности и курсами красных сестер.

Победившая советская власть в 1921–1922 гг. преобразовала императорский университет в несколько профильных вузов, медицинский факультет Новороссийского университета стал Одесским медицинским институтом. М. А. Мисиков читал там курсы анатомии и физиологии человека, патологоанатомии, антропологии. После гражданской войны он выступил организатором народных университетов в городе Одессе и Одесской губернии, в 1924 г. был избран председателем Одесского научно-технического общества (в нем состояло около 100 ученых, половина из которых были профессорами вузов), вошел в состав губернского руководства профсоюза научных работников.

Что удерживало его от немедленного возвращения на родину в тяжелые годы разрухи и революционной неразберихи? Нет сомнения, главной причиной задержки в Одессе были драматические события гражданской войны на родине. Магомет вырос

в селении, где добрая половина жителей, принадлежавшая к традиционной осетинской знати, едва ли не уступала односельчанам в благосостоянии. Он прекрасно знал, что в самой Осетии нет никаких оснований для навязанных ей кровавых конфликтов. Ему не хотелось выбирать между братьями, между друзьями, которые вдруг оказались по разные стороны баррикад. Он слишком хорошо понимал, что политическое разделение губительно для небольшого народа.

Конечно, свою роль сыграли и семейные обстоятельства: ведь в Одессе Магомет женился и воспитывал двух падчериц – он даже состоял председателем родительского комитета при женской гимназии. В 1911 г. родился сын Георгий¹⁵. Переехать с такой семьей в самый центр бурлящего Кавказа – непростая по тем временам задача. По семейному преданию Мисиковых, супруга Магомета настаивала на эмиграции. Возможно, зная отношение новой власти к интеллигенции, она предчувствовала неизбежность трагического несовпадения душевных качеств и устремлений мужа с политической конъюнктурой – все равно, в Одессе или в Осетии. Магомет, естественно, не согласился оставить родину. Семья уехала без него.

Осенью 1924 г. М. А. Мисиков вернулся в Осетию и поселился во Владикавказе, который только что стал столицей Северо-Осетинской Автономной Области. Не дожидаясь почетных предложений и не задумываясь о профессиональной карьере, первым делом он бросился исполнять свой врачебный долг. Нескончаемой вереницей шли к нему люди, нуждавшиеся в помощи, присылали нарочных из далеких сел. Он принимал всех и в любое время, ездил по Осетии, сам покупал и раздавал лекарства,

¹⁵ В семейном архиве Донателлы Мисиковой-Флик, дочери Георгия (она живет в Лондоне), сохранилась выписка из метрической книги, согласно которой ее отец родился 25 июня 1911 г., его родители – «доктор из потомственных дворян Михаил Аркадиев Мисиков и законная жена его Анна Евфимиева, оба православного вероисповедания».

изучал и прописывал народные средства, читал популярные лекции, публиковал на осетинском языке разъяснительные тексты, издал брошюру о туберкулезе, который оставался страшным бичом для людей, измученных войной и разрухой. Бескорыстная врачебная практика и санитарно-просветительная работа снискали доктору Мисикову всенародную славу, но, конечно, не освободили от других, не менее важных занятий.

В начале декабря 1924 г. М. А. Мисиков обратился в правление Горского педагогического института (ныне Северо-Осетинский государственный университет) с просьбой поставить на обсуждение вопрос о своем избрании профессором по кафедре антропологии. В приложенном к заявлению жизнеописании – специальная приписка: «Приехал на Кавказ специально для широкой разработки вопроса об антропологии осетин». В январе 1925 г. состоялась первая пробная лекция М. А. Мисикова по курсу антропологии, в феврале – по курсу педологии: качество лекций оказалось таким, что в обоих случаях лектор был освобожден от чтения обязательной второй лекции и получил поручение вести соответствующие курсы¹⁶. Правление пединститута возбудило перед Главпрофобром¹⁷ ходатайство о предоставлении М. А. Мисикову профессорской кафедры по антропологии, ссылаясь на его труды в этой области. Москва решила не открывать во Владикавказе новую кафедру, а доктора медицины М. А. Мисикова назначить на должность профессора по анатомии (в следующем учебном году ему было передано и чтение курса по анатомии человека)¹⁸.

¹⁶ ЦГА РСФСР-А, ф. Р-961, оп. 1, д. 6, л. 1–6. Копии документов, хранящиеся в этом архивном деле, собраны Н. А. Гиоевым, автором книги «На страже здоровья» (Орджоникидзе: Ир, 1980), включающей первый биографический очерк о М. А. Мисикове.

¹⁷ Главное управление профессионального образования в составе Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) РСФСР.

¹⁸ Там же, л. 7–16.

С 1925 г. М. А. Мисиков – профессор кафедры нормальной анатомии и лечащий врач Горского педагогического института, член Совета пединститута от профессорской курии. С 1926 г. по совместительству – заведующий кафедрой физиологии человека, с 1927 г. еще и председатель естественно-исторической¹⁹ предметной комиссии.

Известный фольклорист Александр Бязров с теплотой вспоминает о том, как внимательно Магомет лечил студентов, какой популярностью пользовались его медицинские лекции, сколько людей собиралось на публичные сеансы гипноза, блестящим мастером которого был артистичный красавец-профессор²⁰. По рассказам современников, он считал себя прежде всего врачом и требовал, чтобы его без стеснения вызывали в любое время, если кто-то нуждается в помощи²¹.

Научную, лечебную и организационную работу профессора М. А. Мисикова в области медицины еще предстоит описать в деталях. Однако восстановить его имя в числе (если не во главе) тех, кто закладывал основы медицинского образования в Осетии, необходимо уже сегодня – это долг справедливости²². Активным участием в создании государственных учреждений здравоохранения и средних медицинских учебных заведений он завоевал непререкаемый профессиональный и общественный авторитет.

И все же медицина была лишь частью его жизни – ведь телесное здоровье не может служить самоцелью, оно неотделимо от

¹⁹ Естественной историей было принято обобщенно именовать всю совокупность наук о природе.

²⁰ Мах дуг. 2000. № 8. С. 128–129.

²¹ Там же. С. 127; № 11–12. С. 234.

²² Известны имена всех, кто закладывал основы медицинского образования в Осетии, и, при полном уважении к позднейшим основателям медицинского института, их состав наверняка был бы иным, если бы до светлого часа открытия дожили доктора М. Мисиков, К. Гарданов, Л. Газданов, Е. Туганов, И. Тлатов и др.

душевной чистоты людей и высоты народного духа. Двенадцать последних лет, прожитых профессором на родине, стали выдающимся вкладом в развитие институтов национальной культуры и научного осетиноведения.

В 1925 г. М. А. Мисиков избран заместителем директора, заведующим Естественно-историческим отделом, председателем музейной комиссии (заведующим музеем) и членом редакционной коллегии в создаваемом научно-исследовательском институте краеведения²³, где была сосредоточена вся работа по изучению природы, истории, культуры и экономики Осетии. Иными словами, он возглавил два крупных направления деятельности – изучение природных богатств и музейное строительство.

Осетинский НИИ краеведения был создан в феврале – марте 1925 г. путем преобразования Осетинского историко-филологического общества. При обществе, существовавшем с апреля 1919 г., а затем при научно-исследовательском институте формировался и музей, включавший два отдела: материальной и духовной культуры. Институт краеведения состоял из трех отделений – естественно-исторического, культурно-исторического и экономического. Заведующим Естественно-историческим отделением с момента его основания стал М. А. Мисиков²⁴. Доклад о производственном плане Естественно-исторического отделения он сделал на заседании коллегии института 24 апреля, а на следующем заседании 5 мая 1925 г. было принято решение: «Производственный план по Естественно-историческому отделению²⁵, представленный Мисиковым М. А., утвердить с тем, чтобы выделить музейно-издательскую секцию, подчеркнуть выпукло и выдвинуть на первый план естественно-историческое обследование Осетии»²⁶.

²³ НА СОИГСИ, ф. 13, оп. 1, д. 34, л. 2, 4.

²⁴ ЦГА РСО-А, ф. Р-49, оп. 1, д. 593, л. 13, 25, 39.

²⁵ См. Приложение 1 в настоящем издании.

²⁶ ЦГА РСО-А, ф. Р-49, оп. 1, д. 593, л. 65.

Его работа и здесь не ограничивалась должностными обязанностями и узкими профессиональными рамками. Прекрасный знаток языка и народной культуры, М. А. Мисиков принимал участие в важнейших гуманитарных научных проектах, в числе которых, например, завершение и подготовка к изданию «Осетинско-русско-немецкого словаря» академика В. Ф. Миллера²⁷. М. А. Мисиков щедро делился и своим опытом полевой экспедиционной работы. Обсудив составленную им Программу по собиранию сведений об осетинских дзуарах, коллегия Института краеведения постановила «просить т[оварища] Мисикова составить общую программу о собирании материалов о религиозных верованиях осетин»²⁸. Музыкально одаренный и прекрасно знавший репертуар народных исполнителей, М. А. Мисиков с удовольствием помогал известному композитору В. И. Долидзе в собирании и изучении осетинских мелодий.

Широкий диапазон научных интересов и организационной деятельности отразился и в нескольких сохранившихся приказах о служебных командировках профессора М. А. Мисикова – «в район Даргавс, Какадур, Ламардон, Джимара и другие селения» летом 1925 г., на съезд краеведов в Батуми (сентябрь – октябрь 1925 г.), в ленинградский институт академика Павлова (январь 1928 г.), на Всесоюзный съезд патологов в Баку (июнь 1930 г.)²⁹.

Конечно, он никогда не жалел о том, что вернулся домой, – только здесь все тяготы и неудобства, включая разлуку с сыном, искупались возможностью быть полезным Осетии. Надо полагать, какое-то время ему даже казалось, что жизнь действительно налаживается. Он вновь женился. Его женой стала Фаризат Магометовна

²⁷ См. предисловие А. А. Фреймана в кн.: В.Ф.Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. V.

²⁸ ЦГА РСО-А, ф. Р-49, оп. 1, д. 593, л. 142.

²⁹ НА СОИГСИ, ф. 13, оп. 1, д. 34, л. 19, 39; ЦГА РСО-А, ф. Р-961, оп. 1, д. 6, л. 14, 21–22, 27.

(Анна Александровна) Газданова, вдова героя Первой мировой войны, командира Осетинского конного полка Василия Хетагурова. Фаризат происходила из очень известной образованной семьи, ее отец ротмистр Магомет Газданов был автором нашедшей статью³⁰, сыгравшей в конце XIX в. роль манифеста осетинской демократической интеллигенции. Семейная жизнь профессора складывалась хорошо, две дочери Фаризы, рано оставшиеся без отца, нашли в нем внимательного воспитателя и надежного старшего друга.

Национальное возрождение продолжалось в Осетии и после установления советской власти, которая первоначально исходила из признания права народов многонациональной страны строить собственную культуру. Первые годы общей согласной работы дали прекрасные плоды: заработали первые вузы и техникумы, росла сеть медицинских, образовательных и культурных учреждений, была создана система государственного делопроизводства на осетинском языке, состоялся переход начальной школы на родной язык обучения, выходили книги, газеты, журналы... Главным препятствием для культурного строительства оставалось административное разделение Осетии – его преодолевали, создав надежную схему культурно-образовательного единства: все решения Юга и Севера принимались совместно, их исполнение координировалось. Когда в марте 1925 г. на ликвидационном заседании Правления Осетинского историко-филологического общества, преобразуемого в Институт, обсуждалось «Положение об Осетинском научно-исследовательском институте краеведения», то решение об утверждении Положения было записано только третьим пунктом. Первые два пункта судьбоносного постановления гласили: «1) Просить Юго-Осетию реорганизовать Юго-Осетинское научно-литературное общество

³⁰ Газданов М. К вопросу о происхождении тагаурских алдар // Терские ведомости. 1891. № 39–41.

в Южно-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения. 2) Производственные планы обоих институтов подвергнуть обсуждению в обоих институтах для их согласования»³¹. Создаваемый во Владикавказе Институт краеведения демонстративно назвали Осетинским, а не Северо-Осетинским, следуя решениям первых национальных съездов, состоявшихся в 1917 г. Борьба за полное территориально-административное и национально-культурное единство Осетии продолжалась, – впрочем, до отрицательного вердикта высших органов партийной и советской власти оставалось всего несколько месяцев.

Окончательный срыв наступил на рубеже 20-х и 30-х гг. XX в., когда началось постепенное свертывание национально-культурного строительства, а затем последовали репрессии против его идеологов и активных деятелей. Эпоху Национального возрождения насильственно прервали, не дав ей завершиться. Судьба профессора М. А. Мисикова была предрешена.

Несколько раз его пытались спровоцировать на идейно-политический конфликт, чтобы создать почву для публичных обвинений во враждебной деятельности. Достаточно привести здесь текст заявления, с которым беспартийный М. А. Мисиков 28 января 1935 г. обратился к руководству пединститута и в областной комитет коммунистической партии:

«Ввиду незаслуженного оскорбления, нанесенного мне по категоричному заявлению профессора Беме всеми студентами 3-го курса биологического отделения, выразившегося в том, что я, будто бы, в своей вводной лекции мистически настроивал студентов, в то время как эта часть лекции была исключительно антропометрической, это во-первых, – во-вторых, в том, что поведение и профессора Беме, и его ассистента Треугафта носили характер явного натравливания студентов на меня, я считаю

³¹ ЦГА РСФСР-А, ф. Р-49, оп. 1, д. 593, л. 25.

политически вредным и преступным для себя после создавшейся вокруг меня нездоровой атмосферы выступать среди студентов указанного курса с лекциями.

Аналогичная травля на меня была при троцкисте Бунегине, неправильное политическое руководство которого в свое время я первый осмелился отметить и который, как выяснилось потом, хотел свое темное прошлое замазать выступлением против меня.

На основании изложенного и в связи с начавшейся травлей на меня я считаю единственно правильным устранить себя из состава преподавательского персонала. Прошу назначить день для сдачи кабинета»³².

Очередной инцидент был исчерпан, и провокаторы временно отступили, готовясь к решающему нападению. Жить М. А. Мисикову оставалось три с половиной года.

Его арестовали 10 мая, и после четырех месяцев жестоких пыток он погиб в застенках 7 сентября 1938 г. Народная молва связывала арест ученого с его отказом помогать чекистам, которые хотели, будто бы, научиться побольнее пытать людей, – это наивное удостоверение порядочности и есть, наверное, высшая общественная награда.

130-летний юбилей, к которому приурочен выход этой книги, – достойный повод задуматься о месте, которое деятельность профессора М. А. Мисикова занимает в истории осетинской культуры. Времена меняются, и нынешняя Осетия вновь не сможет обойтись без национального возрождения, без отцов-основателей профессиональной научной и культурной деятельности, без истории национального духа, одним из чистейших воплощений которого навсегда останется светлый образ Магомета Мисикова.

Руслан Бзаров

³² ЦГА РСФСР-А, ф. Р-961, оп. 1, д. 36, л. 24.

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
СВЕДЕНИЯ
ОБ ОСЕТИНАХ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осетины и Осетия издавна привлекают к себе внимание людей науки и просвещенных туристов. Несмотря на довольно большое количество исследований, глубоко затрагивающих этот интересный и своеобразный край в отношении физических особенностей населяющих его жителей, их этнографии и обычного права, археологии, истории, языка, — многое еще остается во всем этом неясным, неполным, без точных определений и верных толкований.

Объясняется это тем, что, с одной стороны, большинство исследователей были чужестранцы, которые вследствие своего кратковременного пребывания среди осетин не могли понять многих обычаев и давали им подчас чудовищные объяснения, с другой — и тем, что число исследователей из лиц местного происхождения очень невелико; в то время как верное толкование обычаям и нравам могут дать, скорее всего, образованные люди из туземцев.

Правда, громадное большинство этих работ имеет в главной своей массе много ценного материала, и пользоваться ими следует, но для того чтобы разобраться в противоречиях уже имеющегося материала, необходимо ясное понимание жизни осетинского народа.

Вопрос о собирании этнографического материала для всего Кавказа давно назрел и требует неотложно образованных работников из туземцев, которые бы записали многообразные проявления жизни народов этого еще мало исследованного края. Тем более это необходимо, что вместе с проникновением [европейской] культуры старая жизнь бесповоротно меняется, выливаясь в новые формы.

Улучшение путей сообщения способствует смешению между собой отдельных народностей, и таким образом стусеваются расовые особенности племен.

Ввиду сказанного необходимо спешить с собиранием как этнографических, так и антропометрических данных для каждой народности, чтобы на основании большого цифрового материала было возможно создать расовую характеристику племен Кавказа, так как в противном случае с течением времени эти характерные особенности потеряются для науки. <...>

В отношении этнографии мною собран довольно богатый материал, как [в] результат[е] личных наблюдений, так и на основании объяснений, какие получал и от интеллигентных осетин-стариков. Мне, как осетину, было легче понимать своих сородичей, нежели тем иностранцам, которые жили среди осетин непродолжительное время, не знали их языка с его многочисленными оттенками и, как чужие, не могли уловить народного духа.

В предлагаемой работе обращено также внимание на осетинскую народную медицину, причем многое, как описание трав и указание на применение их для лечения, впервые указано мною. <...>

Современная Осетия занимает часть Терской области (т. е. западную половину Владикавказского округа) и часть Тифлисской губ[ернии] (часть Душетского и большую часть Горийского уезда)¹. На северной границе поселения осетин граничат с кабардинскими [селениями], с казачьими станицами, с аулами ингушей, чеченцев. На востоке по сию сторону Кавказского хребта осетины граничат с ингушами и кистами по течению р. Терека, на перевале – с хевсурами и пшавами; со стороны южного склона в бассейне р. Арагвы осетинские поселения перемешаны с грузинскими; на западной границе

Осетинский округ примыкает к верховьям реки Риона, а по течению р. Уруха, в Предкавказье, – к поселениям горских татар – балкарцев; таким образом, занимая пространство не более 210 кв. миль, осетины оказались окруженными со всех сторон разнородными народностями, говорящими на других языках и исповедующими иную, чем осетины исповедовали, религию.

[Северные] осетины в административном отношении распадаются на несколько обществ: *Дигорское*, по бассейну р. Уруха, на сем склоне Главного Кавказского хребта; *Оллагирское*¹¹ – к востоку по ущельям р. Ардона; *Куртатинское* – в ущельях р. Фиадона и его притоков; *Тагаурское* – в ущельях Гизельдона и Геналдона. Названные общества представляли и представляют в настоящее время самостоятельные не только географические, но и административные деления; последнее обстоятельство и способствовало выделению этих обществ в независимые политические организации.

Территория, занятая осетинами, распадается на две неравные части: горную, занимающую почти $\frac{3}{4}$ всей территории Осетии, и остальную равнинную.

Главный Кавказский хребет, начинающийся в Осетии, питает реки края, которые, прорезывая горные хребты, образуют многочисленные ущелья. Горная полоса Осетии представляет наиболее суровые условия для жизни: здесь короткое лето при суровой продолжительной зиме; земля мало пригодна для возделывания растений; искусственно подготовленная, она очень скоро гибнет благодаря частым обвалам, ливням и т. п.; богатство горной Осетии в альпийских пастбищах и сенокосах, [оно] дает основание для усиленного занятия скотоводством.

В иных условиях находится равнинная часть Осетии: почва ее образует супесчаный чернозем; почва, освобожденная от покрывавших равнину лесов, представляет собой богатую и плодородную поверхность, годную для возделывания

всевозможных растений; прекрасно орошенная многочисленными реками и речонками, ниспадающими с гор, равнинная Осетия страдает от излишка атмосферных осадков.

Зимы в равнинной Осетии сравнительно мягки, летняя температура, благодаря близости вечных снегов, умеренна. В силу всех этих обстоятельств вегетационный период настолько продолжителен, что возможно возделывание пшеницы, кукурузы, а в некоторых местах даже винограда. Минеральные богатства Осетии, по-видимому, весьма обильны, что видно по остаткам древних шахт в Дигории и [на склонах горы] Кион-Хох, где, очевидно, производилась разработка серебросвинцовой руды; теперь серебросвинцовая руда разрабатывается в Оллагирском ущелье. Но минеральные богатства Осетии далеко не определены и не разработаны; надлежащая их эксплуатация – дело будущего.

Общего этнического названия ни в прошлом, ни в настоящем у осетин не имеется^{III}. Наиболее распространенное этническое имя **ирон** [в един. числе], **ир** [во множ. числе]; так называют себя тагаурцы, куртатинцы, оллагирцы в отличие от дигорцев [ед. ч. **дигорон**, мн. ч. **дигорæ**]. Грузины их называют *оси*, страну *Осети*, откуда и пошло [русское] название Осетия, осетины.

Ученых исследователей давно уже интересовал вопрос о природе осетинского языка. Классическими исследованиями В. Ф. Миллера^{IV} окончательно установлено, что осетинский язык принадлежит к иранской ветви индоевропейских языков; оказалось далее, что среди живых иранских языков осетинский успел сохранить архаические формы как в фонетике, так и в морфологии; мало того, в иранской группе индоевропейских языков осетинский является единственным дожившим до нас потомком северо-западной ветви. К этой ветви принадлежал язык азиатских сарматов и понтийских скифов.

<...>

ЖИЛИЩА И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Осетия делится, как известно, на горную и плоскостную полосу. Смотря по местоположению, и жилища строятся раз-но: в горах преобладает камень, а поэтому там постройки боль-шею частью выстроены из плитняка, гранитного и других камней; на плоскости, в противоположность горной полосе, чаще всего встречаются деревянные постройки, попадаются и кирпичные или же из так называемого саманного камня.

Архитектура горного дома самая простая: четырехуголь-ный каменный ящик с плоской¹, довольно толстой, до 1½ ар-шина толщины, земляной крышей. Дома строятся обычно трех- и двухэтажные. Осетины-горцы стараются строить свои дома так, чтобы задней или боковой стеной служила скала. С одной, а иногда с двух сторон дома обыкновенно идет общий навес. Последний является продолжением крыши дома. Если семья многочисленна, а это чаще всего бывает в горах, то дом строится в длину; если же место не позволяет, или находят некрасивым или неудобным для себя вытягивать всю пост-ройку в длину, то дальнейшие пристройки производят под прямым углом к первой линии построек.

Редко среди плоскокрыших горских аулов виднеются дома с клинообразными крышами, покрытыми черепицей или даже железом, — это дома интеллигентных или зажиточных осетин.

На плоскости осетины строят свои дома скорее на евро-пейский лад. Архитектура на плоскости более изысканная: тут встречаются дома преимущественно одноэтажные, редко

¹ Крыши делаются плоскими ввиду частых ветров.

двухэтажные, а еще реже трехэтажные; на воротах, на ставнях окон заметны узоры, вообще [наблюдается] стремление придать своему дому более красивый внешний вид. На плоскости, как и в горах, большая часть домов выстроена на довольно высоком фундаменте из камня. Покрывают дома плоскостных осетин большею частью черепицей, редко железом, встречается еще много домов, покрытых соломой. В последнее время уже редкий осетин мирится с соломенной крышей.

Как в горах, так и на плоскости осетин приобретает свой уголок – комнатку – после женитьбы, а до этого он спит где попало и как попало; а так как осетины женятся по старшинству, то, если для осетина ко времени женитьбы не имеется своей комнаты, он должен предварительно выстроить или, вернее, пристроить себе уголок, и только после этого он имеет возможность привести себе жену.

Главная часть дома, из скольких бы комнат он ни состоял, где бы он ни строился – в горах или на плоскости, – это *хадзар* [*хадзар*].

В старину осетин себе строил только одну комнату (*хадзар*). В ней он женился, плодился и женил своих детей. За неимением большего мирился с этим.

Хадзаром у осетин называется самая большая комната в доме. Он служит для варки пищи, в нем гонят *араку* [*арахь*] (местного производства водка), выжимают брагу, выцеживают осетинский квас (*тшенег кьумысел*), квасят и створаживают молоко, взбивают масло, получают сыр и т. д. Большая часть дневной жизни и домашних хлопот хозяйки проводится в *хадзаре*, в нем едят и пьют, а часто принимают и близких гостей: родственников, соседей и односельчан.

В *хадзарах* старого типа огонь разводится или посередине, или, чаще, у одной из стен. В том и другом случае необходимой принадлежностью очага является железная цепь (*рехыс*), на которой висит котел (*аз*) для варки пищи, или железная

четырёхугольная плита (*къей*) для предварительного высушивания хлебных лепешек перед печением, иначе в них застревают много золы и кусков угля. Упомянутая выше цепь считается священной²; отсутствие ее в домах старого типа равносильно разорению, так как цепи нет только в том *хадзаре*, в котором нет жизни³. Над очагом имеется воронкообразная, кверху суживающаяся постройка – род трубы, через которую выходит дым. В некоторых домах старого типа отсутствует специальное приспособление для выхода дыма, и последний выходит из-под крыши. В *хадзарах* новейшего типа часто встречаются печи с плитой. Таким образом, исчезает необходимость в железных цепях, а с ними у осетин утрачивается чувство страха и почитания к священной когда-то цепи.

В *хадзаре* старого типа правая сторона считается мужской половиной, левая – женской; в мужской половине необходимой принадлежностью считается большая скамейка (*бандон*) – род деревянного дивана, на спинке которого часто красуется примитивная резьба. На женской половине не полагается скамейки, и женщины, по обычаю, не имеют права садиться на мужской половине в присутствии мужчин. В доме всякого осетина можно найти простейшего типа четырехугольные деревянные скамеечки, низкий круглый столик, обыкновенно на 3-х ножках (*фынг*); у одной из стен стоит на особых, обмазанных глиной, подставках в уровень пахового изгиба *арынг* – род широкого корыта, служащий для приготовления теста и содержащийся чисто; в углу стоят глиняные кувшины (*дурин*), медные или чугунные кувшины (*гогон*), которыми молодые осетинки носят на плечах воду⁴.

² «*Ацы рехысы ардыстен*» – «клянусь этой цепью» – большая клятва у осетян.

³ Когда осетинка разозлится на собаку соседа, то обращается к ней со словами: «*Дæ рехыс фелас дæ сыдзыл*», т. е. «потащи цепь очага за собой» = да разорится дом твоего хозяина.

⁴ В горах молодые осетинки редко носят воду в кувшинах, там за водой идут большей частью женщины средних лет и носят воду на спине в цилиндрических бочках (*къуыстил*).

На балках (*хъайван*) в хадзарах старого типа, иногда и нового, висит *алгъац* – род сковороды с металлической ручкой, служащий для жарения хлебных лепешек.

По одной линии на той же балке висит несколько шарообразных, несколько сплюснутых сальников (*фиу*)⁵ для копчения и сушки. В таком виде их можно хранить долгое время, и они не подвергаются порче. Применяют копченый сальник для приправы всяких супов и кушаний; сальник этот обладает специфическим запахом, который очень нравится осетинам; не привыкшие к этому запаху неохотно поедают пищу с такой приправой.

Если *хадзар* большой, то можно в одном из углов видеть бочки разной величины и кадки для сусла, из которого выжимают брагу (*брегъ*), гонят араку. Если прибавить к этому большее или меньшее количество деревянных и глиняных мисок (*къус*), ложек (*уидыг*), тарелок (*таебегъ*) то деревянных, то металлических или глиняных, то этим скажем все, что касается обстановки осетинского *хадзара* старого типа. Далее неотъемлемой принадлежностью *хадзара* является *къебиц* – небольшая комнатка-кладовая. Последняя всегда сообщается с *хадзаром* дверью, но настолько маленькой, что взрослым приходится сильно нагибаться, когда проходят в нее. В *кабице* хранятся все съестные припасы: мука, соль и необходимые на ежедневные расходы овощи. Тут же в глубине, в одном из углов стоит, смотря по состоянию, больших или малых размеров *хендыг*, род цилиндрической бочки для хранения сыра в соленом виде. Комнатка эта большей частью совершенно темная или редко имеет в одной стене маленькое окошечко, чуть пропускающее свет.

Хозяйка (*æфсин*), самая старшая женщина в семье, *кабицу* тщательно запирает от детей и других членов семьи и ключ хранит у себя. Благодаря царящей темноте, дети, а иногда и

⁵ Когда режут скот, то жир сальников и других мест брюшной полости солится и пластами складывается, затем обвязывается бечевкой и вешается для копчения.

молодые хозяйки, питают какой-то непонятный страх перед этой комнаткой-кладовой, тем более, что существует у осетин поверье, по которому домовой – *хадзары хицау* – дух очага данного дома пребывает в *кабице*. Сюда обычаем воспрещен ход мужчине: ему не подобает заниматься «бабьим делом».

Таким образом, *хадзар* – самое главное строение в доме: он служит одновременно кухней, гостиной, столовой и спальней.

Слово *хадзар* в настоящее время приобрело значение богатства, имущества вообще⁶.

Ныне всюду в Осетии замечается, как *хадзар* на наших глазах начинает распадаться на свои составные части и как каждая из этих частей принимает новую, так сказать, культурную форму. *Хадзар* у современных осетин начинает походить на кухню в общепринятом смысле: он служит теперь, главным образом, для варки пищи, а ночью является спальней или помещением для слугителя, если таковой имеется, или для младшего члена семьи, еще не женатого. Те же предметы, которые хранились в *кабице*, перешли ныне в шкаф.

В недавнее прошлое в *хадзаре* жил, да и теперь местами живет, глава семьи. Все остальные части дома являются последующими пристройками и не пользуются таким почетом, как *хадзар* старого типа. Благодаря тому, что осетины женятся по старшинству, пристройки к *хадзару* сообразно с этим делаются с известной последовательностью. Ближе к *хадзару* строится комната (*уат*) с небольшими сенями для старшего сына, для следующего сына пристраивается комната к комнате старшего сына и т. д.

Комнаты женатых сыновей имеют своеобразную обстановку, и о ней следует упомянуть. Обыкновенно в сенях (*сена*) стоит печь (*пец*), которая тыльной поверхностью вдается в комнату и служит для отапливания последней. Тут же, прямо против

⁶ «*Стыр хадзар скодта*» – «сделал большой дом» = разбогател.

дверей, иногда заходя в свободную от дверей стену, расположены полки вдоль стены для тюфяков, подушек и одеял, и все это завешано белой чистой простыней, редко цветной материей. Постельная принадлежность осетина не рассчитана исключительно на семейные нужды, а имеется значительный запас и для гостей. Причем постельная принадлежность для гостей всегда отличается новизной и чистотой. Оставшаяся часть свободной стены занята седлом (*саргъ*) с его принадлежностями, плетью (*exc*). Тут же лежат за дверьми: больших размеров медный таз (*стыр тас*)⁷ и малый таз (*чысыл тас*) с медным или чугунным кувшином (*хъуывгъан*) для мытья рук. Обстановка собственно спальни (*хуыссенуат*) довольно проста: обыкновенно против единственных входных дверей стоит двухспальная деревянная кровать, довольно чисто устланная, с одним или двумя рядами подушек. Вся стена над кроватью закрыта ковром – дорогим или дешевым, смотря по состоянию.

На одной из свободных стен довольно большое, но дешевое зеркало со столиком. На нем небольших размеров сундук, который открывается со звоном, а в последнее время машина для шитья – «Зингер».

Между стеной и кроватью угол занят праздничной одеждой хозяина и хозяйки, и все закрыто белой простыней или какой-нибудь цветной материей. Оружие висит на ковре у кровати или на свободной стене. На стенах еще развешивают местного производства соломенные, часто украшаемые фигурами рогожи (*ерджен*), являющиеся предметами украшения и служащие также для подстилки. В горах же чаще всего развешиваются на стенах шкуры различных зверей (медвежьи, олени, диких коз и др.).

Под кроватью или на особо устроенных полках, также закрытых длинной и узкой материей, корзинки с очищенной шерстью для выделки сукна и войлока. У стены расставлены два или три

⁷ Редкая осетинка не получает при выходе замуж этого таза; у осетин нет бани, и купаются в этих медных тазах.

стула. Полы в *хадзарах* старого и нового типа земляные. В комнатах старого типа полы также земляные, но в новейших большею частью дощатые, некрашенные. Все содержится чисто.

В нижнем этаже домов, расположенных в горной Осетии, помещается скот, а на плоскости для скота устраиваются хлевы на противоположной от жилого помещения стороне двери. При этом стараются, чтобы двери для входа в хлев находились против дверей комнат дома. Это делается для того, чтобы лучше можно было следить за скотиной в ночное время.

Над входом в хлев устраивается *хосдон* на высоких столбах для свалки сена. Рядом с домом или хлевом располагается курятник, *каеркдон*, плетенный из хвороста или составленный из досок, с множеством длинных шестов для кур и несколькими корзинами с сеном для сноски яиц.

У ворот устроена небольшая комната для гостей, *уазегдон*.

От описанных выше комнат эта отличается бедной обстановкой: вдоль одной стены стоит род деревянного дивана, служащего и для сиденья, и для спанья; у входа вешалка и виллообразная толстая палка в рост человека для того, чтобы хозяева могли опираться на нее во время довольно долгого стояния перед гостями. В одной из стен возвышается камин наподобие описанного выше. В магометанских гостиных на одной из стен висят шкуры для совершения намаза.

Вот все, что имеется в *уазагдоне* осетина. Обыкновенно недалеко от такой гостиной устраивается сортир (*псунæ*) дощатый или плетеный, покрытый черепицей или соломой. На плоскости для женщин сортир устраивается в садах.

Кроме хлева закрытого, зимнего, осетин устраивает еще *хьамдон*, летнее помещение, открытое сверху. На некотором расстоянии от селения имеется еще один вид хлева, тоже открытое помещение, *бонхерен*, денник, куда скот выгоняется после ночного пребывания в зимнем помещении и, за неимением подножного корма, целый день остается здесь и кормится сеном.

Перед домом по сторонам улицы стоят сапетки (*кьуту*) для насыпания кочанов кукурузы.

Двор осетина-горца небольшой. Наоборот, на плоскости он бывает больших размеров. Двор обнесен на горах каменной оградой или оплетен хворостиной; на плоскости, кроме того, дворы огораживаются досками (*хьадкьул*) или изредка каменной стеной, *сис*. Причем на плоскости камни при постройке соединяются цементом, в горах же они накладываются один на другой без всякого цемента. В одном из углов двора лежат кучи навоза, которого за зиму скопится довольно много в узких дворах горца, и [он] отравляет воздух зловонными испарениями. Навозом удобряют в горах почву, а на плоскости земля не нуждается в искусственном удобрении и навоз вывозится за село, где сваливается в небольшие кучи, которые с течением времени сжигаются.

За домом тянутся на плоскости большой или малой величины огород и фруктовый сад. Горцы бедны фруктовыми садами: каменистая почва неблагоприятна для произрастания фруктовых деревьев. На плоскости в долине рек Ардона и Фиагодна разведены превосходные фруктовые сады, которые даже при недостаточно хорошем уходе дают большой урожай, а по качеству фрукты получили всероссийскую известность.

Особенно вкусны оллагирские яблоки и груши. Можно сказать с уверенностью, что если бы все на плоскости занялись разведением фруктовых деревьев, то даже при минимальном уходе получились бы через каких-нибудь пять-шесть лет хорошие результаты, а при некотором, более или менее умелом, уходе качество фрукт[ов] было бы не хуже оллагирских, об этом свидетельствуют многочисленные образцовые сады.

Дома на плоскости расположены близко друг от друга, стена в стену, в горах же есть дома, в одиночку разбросанные по селу. И селения на плоскости более правильно расположены, местами даже по плану, в горах же беспорядочно лепятся по скалам и склонам гор.

ОДЕЖДА

Одеваются осетины, как и многие племена Кавказа, в черкеску. <...> Черкеска – это род шерстяного халата, длиной до середины голени⁸, без воротника. Вверху черкеска, *цухъа*, строго облегают стан и с уровня сосков до поясницы застегивается на особые из ниток петлички. Начиная с поясницы и ниже черкеска довольно широка, открыта спереди и ложится в красивые складки. Рукава широки и закрывают руки до концов средних пальцев. На уровне сосков расположены с обеих сторон газырницы, *бæрцагъудтæ*, вышиной в ладонь взрослого человека, а в длину тянущиеся от средней линии спереди до средней аксиллярной линии^v по бокам. Газырницы состоят из небольших карманчиков, вышиною каждый в 6–8 сантиметров и 1–1½ сантиметра в ширину. В этот карманчик вкладываются газыри, *бæрцытæ*, вроде полых цилиндров из дерева, наподобие гильзы, которые в старину играли роль пулехранительниц, пороховниц, а ныне служат предметом украшения.

Газыри устраиваются гораздо длиннее газырниц, так что концы их выступают на 1–2 сантиметра, а так как выступающие концы являются предметом украшения, то их издревле стали разукрашивать на разные лады: эти концы делаются то из кости, то из дерева, выкрашенного в черный цвет и для блеска покрытого лаком, то из серебра позолоченного, то из золота. Среди современных осетин немало встречается лиц, у которых вместо настоящих газырей воткнуты простые палочки, но часто щегольски разукрашенные на видимых концах.

⁸ В зависимости от моды черкеска делается то длиннее, то короче.

В последнее время встречаются газырницы вышиною в 4 сантиметра с вставленными в них гильзами, но это больше у молодых франтов.

Под газырями пришивается с обеих сторон род широких, но не глубоких карманов для специальных пороховниц, устроенных из дерева в виде небольшого сплющенного конуса. Свободные края черкески и рукава обшиваются тесемкой (*алдымбыд*), сплетенной из ниток. Если черкеска праздничная, то, кроме плетеной местной тесемки, употребляются галуны, тоже сработанные молодыми осетинками из серебряных и золотых ниток. По цвету черкеска бывает темно-бурая, коричневая, черная, синяя, серая, серо-зеленая. Сукно для черкески выделяется из шерсти барана или козла.

Под черкеской осетин носит бешмет – *куырат* – тоже род халата с красивым стоячим воротником в 4–5 сантиметров вышиной. *Куырат* застегивается спереди по средней линии от шеи до поясницы. Так же, как и черкеска, он тесно облегает стан до поясницы, ниже свободно спускается, ложась в складки, а спереди открыт. Рукава у бешмета уже и короче и обычно застегиваются тесно в области лучезапястных суставов. С боков в бешмете делают 1–2 кармана ниже поясницы и слева в области соска, род бокового кармана. Бешметы делаются из разноцветного ситца, шерсти, парусины, шелка и чесучи, покупаемых в городе. Большею частью бешметы шьются на подкладках, за исключением парусиновых и чесучовых бешметов, когда подкладка ограничивается талиею. Цвета предпочитают более темные.

Под бешметом в громадном большинстве случаев современный осетин носит рубашку, обыкновенно из дешевой бумажной материи. Таких рубашек у осетина 1–2, и носит он их до тех пор, пока не изнашивает. Если он хоть сколько-нибудь чистоплотен, то еженедельно или, по крайней мере, в две недели раз отдает [рубашку] в стирку, летом стирают чаще.

Шаровары, *халаф*, – это следующее необходимое одеяние

осетина, вроде русских штанов, но более широкие в поясице, внизу же обычно закрытые в голенищах обуви. В верхнюю поясичную часть вдевается плоская, тоже местного производства, белая тесемка, которой шаровары стягиваются и связываются, и вследствие этого вверху ложатся густо в складки. Шьются шаровары из разных ситцев, шелка, парусины, предпочитается темный цвет. Нередко осетины носят и подштанники, *мидегаг хелаф*, правда, последние делаются из более дешевых сортов материи.

На ногах осетины носят из сафьяна чувяки, *дзабыртсе*, наподобие туфель без подошвы, причем одна пара – наружная – более мелка, другая пара, надеваемая на голое тело, более глубока, *местсе*^{VI}; продолжением последней служат голенища, выходящие над щиколотками. Вдоль тыльной поверхности *дзабырта* украшаются плетеными из серебра или золота круглыми тесемками – это более праздничный наряд. Такие серебряные тесемки обшиваются вдоль свободных краев как одного, так и другого вида обуви. Надевать такую обувь, когда она еще новая, весьма неудобно. Дело в том, что осетинки часто шьют чувяки и за глаза. При этом главное внимание обращают на то, чтобы слишком не укоротить обувь, в остальном осетинки хорошо знают, что сафьян легко растягивается. Впервые, когда приходится надевать чувяки, впечатление таково, что чувяки малы и не найдут на ноги. Перед тем как надевают, их смачивают внутри водой и после смазывают мылом, затем смачивают водой с мылом голые ноги и, наконец, приступают к самому тяжелому процессу – натягиванию. Приходится иногда с полчаса потрудиться, пока их натянешь на ноги; причем, чем больше труда приложили при надевании, тем красивее будут сидеть они на ногах. После всего им дают просохнуть на ногах, прохаживаясь из угла в угол, и обувь готова даже для ежедневного ношения. Уже при надевании не приходится долго возиться: с помощью пальцев надеваются

легко. Чувяки красиво и тесно, не причиняя никаких страданий, облегают ноги и, сделанные из тонкого сафьяна, легки до неощутимости при ношении.

Мужчины обыкновенно носят чувяки из черного сафьяна, женщины же, в особенности девицы, носят иногда и из цветного сафьяна. Кроме такой нарядной обуви, осетин для ношения во время черных работ имеет другую обувь, более грубую, – это *уелфадджын дзабыртæ*. Последняя отличается от вышеупомянутой обуви тем, что имеет отдельно пришитую подошву из предварительно обработанной по местному способу шкуры крупного рогатого скота. Подъем по краям обшит сафьяновой полоской в два пальца шириной, а в середине – сукном, к тому же имеет суконные голенища выше мыщелков^{VI}. Эта обувь надевается очень легко и сидит некрасиво, хотя некоторые осетинки умудряются и ей придать изящество.

Снаружи на голени осетины носят ноговицы, *зенгейттæ*, из сафьяна – наподобие ботфортов, на штрипках, длиной до коленной чашки или немного выше. Одевают большей частью в нерабочее время. Для более торжественных случаев их разукрашивают серебряными и золотыми тесемками на разные лады, особенно по краям, сверху, снизу и вдоль середины, спереди. Ноговицы носят как летом, так и зимою. Во время полевых работ или поездок в лес за дровами осетины надевают суконные ноговицы, *фæсмын зенгейттæ*, а зимой к тому же так называемые набедренники, *уерагдарентæ*, для надевания на нижнюю треть бедра и коленный сустав (зимой во время езды на лошади эта область легко открывается). В горах особенно часто, реже на плоскости осетин носит еще *æрчыиаг дзабыртæ*. Обувь эта напоминает первую, но делается из высушенных и затем особо обработанных шкур. Набивают ее сеном, соломой и в таком виде надевают. На голове осетины носят барашковую шапку, *уелдзарм худ*. Если шапка

предназначена для ежедневного употребления, то она делается из шкуры обыкновенного барана или овцы, если же для езды по гостям, то шьется из шкур молодого барашка (каракуля). В том и другом случае шкура предварительно подвергается особой обработке. Летом, кроме того, особенно во время полевых работ, носят для защиты от солнца войлочную широкополую шляпу, *нымсетхуд*. Ценность таких войлочных шляп зависит от ценности материала, из которого их готовят, и от отделки. Обычно их делают из простой овечьей шерсти, а иногда из козлиной нежной шерсти – вроде пуха, и тогда [шляпа] ценится дорого. Цвета папах большею частью черные, хотя попадаются среди них серые и коричневые. Войлочные шляпы черного или белого цвета. Осетины, как во время полевых работ, так и дома, зимой и летом носят постоянно шапку. Многие авторы это явление стараются объяснить тем, что среди осетин много паршивых и что они таким образом скрывают свой недостаток. Правда, среди осетин парша – болезнь довольно распространенная (приблизительно около 3% всего населения), но объяснить постоянное ношение шапок исключительно этим – неправильно. Лично я полагаю, что на постоянное ношение шапок оказала влияние магометанская религия; отчасти это можно объяснить и тем, что осетины находились в исключительно тревожных условиях жизни: постоянные набеги соседей, беспрерывные войны – все это способствовало тому, что они каждую минуту должны были быть начеку и на первый зов в полной готовности пуститься в путь; не могу себе представить осетина без шапки на коне. Да и теперь, когда осетин ложится спать, кладет свое оружие, а иногда и шапку под подушку; ему одинаково нужны оружие и шапка.

Сверху одежды осетин надевает бурку – *нымсет* – род длинного до лодыжек непромокаемого плаща из войлока, тоже местного производства, но без воротника. С внутренней стороны шерсть

коротко острижена, снаружи остается нетронутой. Среди *ны-мат* есть более ценные, кабардинские, [и] менее ценные, местные. Цвета эти бурки обыкновенно черного. Передние полы до поясницы и спина подшиваются подкладкой, большею частью легкой шерстяной альпагой^{viii}, края спереди обшиваются галунами. На Кавказе этот род одежды имеет громадное значение: зимой он защищает от холода и ветра, летом от жары и дождя. Утомленный путник без опасения простудиться может на бурке спать, закутавшись при самых неблагоприятных условиях непогоды, даже ложиться на сырую землю. Во время дождя и летней жары осетин носит еще башлык – *басылыхъ*, который так же, как и вся одежда, выделяется осетинками. По цвету башлыки бывают коричневые, черные, серые, белые, красные. На заостренном конце сверху красиво свешивается сплетенная из шелковых ниток белая или черная, а иногда золотая или серебряная кисть. Свободные края башлыка обшиваются также серебряным, золотым или просто сплетенным из ниток шнурком. Спереди, для того чтобы полы не развевались, пришивается круглая тесемка, которая стягивается нитяным валиком местного производства и красиво свисает, оканчиваясь кисточкой небольших размеров.

Описанная одежда носится преимущественно летом, весной и в начале осени.

Зимой же обыкновенно надевают овечий тулуп, *каериц*, шерстью внутрь.

Шкуры обрабатывают предварительно по местному способу.

Вместо же летнего бешмета некоторые носят зимой бешметы на вате. Впрочем, более состоятельные носят тулупы, покрытые сверху какою-нибудь материею черного цвета.

Конечно, одежда осетина во время тяжелых работ резко отличается от описанной выше формы: на полях часто можно встретить осетин в одних рубахах и панталонах, но говорить, что это осетинская национальная одежда, либо по этому судить

о том, что осетины народ грязный, едва ли правильно. Безусловно, бедная часть населения, как всюду, за неимением средств живет грязно, но осетины со средним для сельского населения состоянием, не говоря уже о людях с состоянием выше среднего, по духу чистоплотны.

Опоясывается осетин кожаным, до 3 сантиметров ширины, выкрашенным в черный цвет, поясом. С боков и спереди он бывает разукрашен разнообразными металлическими (медными, серебряными, золотыми) пуговками и язычками. Справа и слева свешиваются по несколько кожаных, шириною до 1¹/₂ сантиметра, длиною около 12 сантиметров, ремешков, также усеянных пуговками и язычками.

Перехожу к одежде женщин.

Осетинки одеваются в длинные халаты, которые похожи на черкеску: так же без воротника, так же тесно обхватывают талию и затягиваются спереди до поясницы, открыты спереди, как и черкеска, но без газырниц и не из овечьей шерсти. Халат такой носит название *къаба* и шьется из разноцветного шелка, шерсти, ситца в виде цельного платья, которое в длину достигает пола. Рукава короткие, довольно узки, затягиваются в области лучезапястного сустава. Под *къаба* осетинки надевают дома простую юбку, шерстяную, фланелевую или ситцевую. В гости и на танцы женщины, в особенности девушки, юбки надевают из ярко разноцветного шелка. Преимущественно любят цвета: желтые, красные, оранжевые, синие, голубые, розовые и мешанные всех оттенков. На талию надевают особые тальники, туго, наподобие корсета, затягиваясь в них. В недавнем прошлом, да и теперь довольно распространено во многих местах горной Осетии вшивать в тальники соответственно грудям узкие, в 2 пальца ширины, деревянные пластинки для того, чтобы или производить давление на развивающиеся груди, или придавливать уже развившиеся: область грудей не должна выступать – это считается неприличным.

Дома надевается нагрудник из простой материи с воротником, роль которого закрывать вырезку на груди, в гостях же и на танцы эта вырезка закрывается серебряными крючками *аегънаджытæ*, вызолоченными или золотыми, прикрепленными на цветном бархате. Каждый крючок имеет треугольную форму и постепенно суживается по длине сверху вниз, от шеи до поясницы. Многие надевают еще нарукавники, *дыстæ*, из шелка такого же цвета, как и юбка. Нарукавники связываются в области лучезапястных суставов, довольно широки, до 1 аршина в диаметре внизу, длина до лодыжек. Красиво взмахивает ими молодая осетинка, когда она, преследуемая кавалером в танце-лезгинке, быстро и плавно мчится впереди него.

Далее носят рубашку из простой материи с рукавами до локтевого сустава и шаровары из цветной материи. Редкая осетинка имеет две перемены белья: обыкновенно ограничиваются одной парой, стирают ее по мере того, как загрязнится, и так до тех пор, пока не износят.

Кстати скажу, что редко посторонний глаз увидит, как сушатся женские шаровары: это считается неприличным, и осетинки следят зорко за тем, чтобы случайно прохожий мужчина не увидел. Если же несчастьем суждено было случиться и украли женские шаровары, то о позоре такой фамилии разносится постыдная поговорка, которая долгое время не сходит с уст.

На ноги надевают осетинки такие же чувяки, как и мужчины, по большей части без голенищ, преимущественно из черного сафьяна, редко из цветного. Для танцев и гостей края обуви разукрашиваются галунами. Когда же тонкий сафьян протирается в каком-нибудь месте, то осетинка сама же подшивает подошвой из высушенной шкуры. Иногда осетинки носят, особенно во время домашних работ, чувяки с подошвой и подъемом, сшитым из кусков сафьяна (*уæлфадджын дзабыртæ*).

На голове осетинки носят бархатные шапочки в виде усеченного конуса, спереди разукрашенные галунами на разные лады. Этот наряд чаще всего носят при выходе замуж и в танцах. Дома же носят род обыкновенной вуали, *хыз*, а замужние и вдовы обвязывают головы коричневым шелковым или другим, темного цвета, платком. Неудобно замужней осетинке или вдове молодой, тем более старой, обнажать волосы. Наоборот, девицам это не ставится в упрек. Смысл этого явления надо понимать так: замужняя и вдова за своей нравственностью должны следить больше, так как они уже знают, что такое «добро и зло»; девицам же простительно, когда они наивно обнажают часть своего девственного тела. Это летом. В более холодное время года носят шелковые, шерстяные большие платки. Зимой же дома и в дороге надевают теплые шали. Вот весь головной убор осетинки. Опоясываются женщины в серебряные, часто вызолоченные, пояса, *рон*, отправляясь в гости и на танцы; дома – тесемкой или кусочком какой-нибудь материи. Считается похвальным, если невестка, имея возможность, привозит с собой золотой пояс, крючки и долгое время, даже во время домашних работ, одета в них.

Отроки и юноши одеваются несколько иначе. Первые большею частью щеголяют в рубашках, редко в бешметах. Последние до 15–17 лет редко надевают черкеску, обычно ходят в бешметах. Зимой в барашковой шапке, летом в войлочной шляпе. Девочки одеваются вообще так же, как и взрослые.

ОРУЖИЕ

Кинжал, *хъама*, – неразлучный друг осетина. Можно сказать, и днем и ночью осетин не расстается с ним: днем он носит его на боку и спереди, надевая его на пояс с левой стороны особым кольцевидным ремешком, а ночью кладет обязательно под подушку. Осетин украшает свой кинжал, смотря по состоянию, медью, серебром, золотом, частями или целиком. Издавна крымские и татарские кинжалы считаются самыми ценными. В последнее время местная администрация многократно запрещала ношение оружия вообще, а потому осетины принуждены для формы носить деревянные кинжалы, которые с виду ничем не отличаются от настоящих кинжалов. К несчастью для осетин, они не могут расстаться с оружием. Сколько горя причиняют осетины друг другу тем, что убивают или калечат своих врагов. Несомненно, не будь оружия, они бы устроили кулачную расправу во время сильного прилива гнева, и таким образом дело бы уладилось. Можно сказать с уверенностью, что осетины среди других народностей северного Кавказа являются самым сдержанным народом, но, выведенный из себя, осетин теряет голову и хватается за кинжал, ища в нем успокоения. Конечно, запрещение носить оружие – это один из лучших способов предотвратить многие кровопролития, но проведение такого распоряжения имеет смысл и значение тогда, когда оно одинаково касается всех племен северного Кавказа. А то часто бывало так, что запрещают осетинам ношение оружия, а ингушам позволяют. Последние живут по соседству с осетинами и часто тревожат их ночными набегами. Понятное дело, что получается при

таком положении вещей: осетины беспомощны сопротивляться им, и ингуши могут свободно распоряжаться имуществом осетин. При таких условиях нет никакой возможности заставить осетин не носить оружия. И действительно, отбирали, бывало, все вооружение, а через некоторое время оно опять появлялось. Впрочем, даже повсеместное запрещение едва ли поможет. Только цивилизация искоренит ношение оружия, и о проникновении ее-то и следует особенно стараться – тогда кинжал заменится пером. Справа к поясу прикреплен сафьяновый чехол, *хуымтӕыр*, с воткнутым в него пистолетом, *дамбаца*, или в последнее время револьвером. Через правое плечо перекаладывается кожаный ремешок шириной в палец, на котором висит [шашка] *æхсаргард*⁹ в уровень пояса слева. Иногда ремешок обвязывается сверху пояса. Украшают ремешок так же, как и пояс, разными металлическими пуговками и привесками. Шашки имеют вид длинного до лодыжек слегка вогнутого к лезвию ножа. Соответственно этому искривлению и ножны представляются изогнутыми. При таком изгибе сила удара может быть максимальной. Ручку и ножны как у кинжала, так и у шашки разукрашивают медью, серебром и золотом, частично или целиком. Самыми ценными считаются клинки крымские или турецкие с арабскими надписями, или же те, которые, сгибаясь сильно при надавливании на рукоятку, быстро обратно выпрямляются. Особенно достоин похвалы тот осетин, который носит при себе шашку острую до такой степени, чтобы волос или, по крайней мере, носовой платок, положенные на лезвие, разрезались на две части при малейшем движении, сотрясении. Почти во всяком доме имеется, кроме перечисленного вооружения, винтовка, *тонн*, или берданка казенного образца. Ввиду того, что осетину

⁹ Слово *æхсаргард* состоит из двух слов: *æхсар* = отвага, смелость, и *кард* = нож [меч], что обозначает *нож [меч] отваги*.

приходится иметь дело с врагом, иногда на большом расстоянии, то, понятное дело, для него является более ценным то вооружение, которое достигло большого совершенства: с таким оружием он и на охоту пойдет скорее, и врага не подпустит близко.

Иногда осетин свое ружье кладет в особый войлочный чехол с длинною шерстью кнаружи и перекидывает его через левое плечо (правое должно быть свободно) дулом кверху, во избежание несчастного случая. Характерно то, что всякий осетин, владеющий хорошо оружием, считает для себя за правило, подавая револьвер или пистолет, хотя бы он и не был заряжен, держать дуло книзу. Никогда владеющий оружием осетин не направит шутя дуло своего пистолета или револьвера в человека, если даже он и уверен в том, что пистолет не заряжен. У осетин серьезно поговаривают, что порой сатана, неведомо для людей, заряжает ружье. Под ножнами кинжала или шашки вставляются маленькие ножи для мелких нужд в дороге: то хворостину срежет в дороге, то хлеба нарежет во время привала или предложит кому-нибудь для таких же надобностей. Стыдно для осетина без особой нужды пользоваться кинжалом или шашкой: не для этого они предназначены.

ПИЩА — ХÆРИНАГ

Осетины, несомненно, живут впроголодь, — не потому, что им нечего есть, а потому, что «стыдно печься о животе»¹⁰, как говорят. Человек, о котором известно, что он любит поесть как следует и поспать, становится предметом насмешек. С малых лет осетин приучается небрежно относиться к еде: он постоянно слышит со стороны старших насмешки по адресу любящих поесть и сам становится таким же.

Встав рано, чуть свет, он наскоро съедает кусок чурека, *нартхоры кæрдзын*, или хлеба, *дзул*, если таковой случайно имеется наготове, с молоком, *æхсыр*, сывороткой, *сылы*, [пахтаньем], *мисын*, или куском сыра и отправляется на работу. Можно сказать с уверенностью, что редкий осетин уходит сытым от такой закуски: он только перебивает аппетит. Если, по расчетам, он вернется через 4–5 часов, тогда он ничего съестного не берет с собой, если же задержится немного дольше, то захватит с собой кусок чурека [или] *дзула* с куском сыра, и этого достаточно на целый день.

Обыкновенно к 12 часам осетин садится позавтракать, *аходæн*, своей скудной пищей. Нет никакой физической возможности ввести достаточное количество еды, потому что она груба, и он заполняет желудок ключевой водой и чувствует некоторое удовлетворение. Правда, во время сенокоса, пашни, жатвы, сбора кукурузы осетины едят лучшую пищу. Если работают недалеко от аула, то хозяйки снабжают работающих к 12 часам теплой пищей, если же работают на

¹⁰ Живот в смысле заботы о желудке.

расстоянии многих верст от дома, то хозяйки на ночь заготавливают всё нужное и чуть свет снабжают идущих на работу теплой пищей. Когда осетин сам производит свою работу или когда работы будет не больше чем на 3–6 часов, он получает пищу менее изысканную.

Собственно говоря, осетин за целый день наедается вдоволь только вечером перед сном, *æхсæвæр*. Хозяйка к приходу мужа-работника начинает хлопотать, чтобы ему приготовить супу или какой-либо похлебки, *хъæрмхуыпп*.

Утомленный работой за целый день, почти голодный, он приходит домой, доканчивает свой рабочий день тем, что, сосчитав скот, загоняет его в хлев и запирает всюду ворота и двери; затем принимается за ужин. Ужин, обыкновенно, незаметный: подаются на стол куски свежее испеченного чурека или *дзула*, сыр или *цæхдон*, соус (из соли, молока или воды с чесноком или луком) и похлебка. Часто делаются к столу растительные супы из фасоли и гороха. В свободное от работы время осетин еще меньше ест. Пищей для осетин служит кукурузный хлеб, чурек, *кардзын*. Приготавливают его таким образом: берут муку и обливают ее горячей водой; помешивая постепенно, получают тесто, затем из него делают круглые лепешки и кладут их для просушки на четырехугольную железную пластинку, которая до этого нагревалась. После этого пекут их или в горячей золе, или в *тебæ*, род закрытой сковороды. В настоящее время осетины уже не так часто едят кукурузный хлеб в таком виде, а обыкновенно смешивают его с пшеничной мукой. Более состоятельные едят чистый пшеничный хлеб (*дзул*).

Приготовление последнего ничем не отличается от только что описанного. Из кукурузной муки готовят еще *хæлтъанæтæ*, – род галушек, но гораздо больше их, трех- или четырехугольной формы. Кукурузное тесто разрывается на куски и бросается в кипящие растительные супы, которые кипятят

полчаса-час. Готовят из кукурузной муки еще кушанье вроде молдаванской мамалыги: кипятят смесь муки со скисшей коровьей сывороткой (*хуырх*), и получается кислое вареное тесто, *сир*, которое едят с маслом. Из крупной кукурузной муки варят на воде кашу – *кас*; едят ее с молоком.

Несколько разнообразнее пицца готовится из пшеничной муки. Чаще всего готовят *дзул*, о нем я уже говорил выше, когда же к такому хлебу прибавляют дрожжей, то получается *сенхызенджын*.

Следующая еда – это *уелибсех* – пшеничная лепешка. Тесто готовится как обыкновенно, далее оно уплощается ладонями или особой круглой палочкой до толщины мизинца, начиняют смесью из малосольного или соленого сыра с разными хорошо пахнущими травами, перцем и небольшими кусками сала, и все закрывается тестом; получается лепешка с сыром внутри. Пекут ее в горячей золе, *артыфых*, вернее *фсенычы фых*, или жарят в сале, *сойыфых* или же на масле, *царвы фых*. Начинка бывает разная: картофельное пюре с разными пахучими травами, кусками сушеного сала, солью – *картофдэжын*; мелко изрубленное мясо со всякими травами для запаха – *фыддэжын*; мелко изрубленные кабачки с сушеными кусками сала – *наседэжын*; вареный шпинат, приправленный солью и кусками сала, – *цсехсераджын*. Когда начинка состоит из большого количества сыра, то носит название *хебиздэжын*. Последний отличается от обыкновенного *уалибаха* тем, что готовится в исключительно торжественных случаях по одной штуке, в то время как *уалибах* готовится довольно часто и не менее трех за один раз. Лепешки всех видов обычно едят с маслом. Бывает, что к тесту прибавляют смесь яичных белков и желтков, получается более сдобное тесто, и из него готовят хлеб, *дзул*, или уплотненные куски такого теста бросают в кипящее масло, и получаются хрустики, *дзуакатсе*. Кроме перечисленных кушаний из теста готовят овальной

формы лепешки с начинкой из сыра или мяса и бросают их в кипящую воду — это так называемые *хъæбынтæ*. Их готовят также в исключительно торжественных случаях.

Мясные блюда у осетин немногочисленны. Прежде всего, осетины любят мясо в чистом виде, без всяких приправ. Варят большие куски бараньей или бычачьей туши, иногда и целиком, и в таком виде подают на стол. Часто, однако, после варки расчлениают туши по суставам пред подачей на стол; мясо иногда приправляют. Курицу, например, очень часто подают под вкусным соусом, *цырд*.

Из мяса, особенно часто из баранины, жарят на вертеле, *уæхст*, общеизвестный теперь шашлык, *физонæг*. Последний готовится так: режут баранину кусочками, солят, нанизывают на *уæхст* и жарят на раскаленных угольях.

Курицу под соусом приготавливают следующим образом: сварят курицу, расчлениают на мелкие куски, бросают в котел со сливками, приправленными обязательным количеством перца, сухими листьями мяты и других пахучих трав; все нагревают до кипения, постоянно помешивая, и соус готов. Потроха варятся отдельно и в мелко нарезанном виде подаются в супе — *лывзæ*^{IX}.

Суп осетины едят всегда в конце еды, приправляя его также разными пахучими травами и перцем, часто подливают к нему и молоко; любителям кислого прибавляют по желанию кислую сыворотку, *хуырх*. Некоторые внутренности, особенно часто легкие, печень, почки, обвороченные пластом сала, подают в виде шашлыка. Супы варятся из говядины, курицы; растительные — из фасоли, гороха. Мясные супы бывают очень вкусны оттого, вероятно, что в них варится большое количество мяса. Только непривыкшим кажется странным столь большое количество перца.

Можно подумать, что перец высыпается для того, чтобы скрасить вкус, на самом же деле супы у осетин очень вкусны, и

надо объяснить это странное явление особым пристрастием к перцу и вообще к острому. Как увидим ниже, осетин примешивает перец и к водке. Растительные супы готовятся исключительно для себя: никогда осетин не будет угощать своего, даже ближайшего, гостя супом из фасоли или гороха. Готовят их просто. Наливают в котел воды и всыпают в него миску очищенного и промытого гороха или фасоли и кипятят, пока зерна не разварятся; протирают затем сквозь решето, заправляют свежим маслом, для улучшения вкуса вливают туда же молока. Казалось бы, к таким-то растительным супам и следовало бы примешивать перец, но это редко случается: их едят без обычных приправ. К супам следует отнести похлебку, *хамбохь*. Готовят ее из воды и муки, кипятят их вместе и для вкуса бросают туда же куски сушеного сала. Довольно вкусен осетинский суп из лапши. В кипящую воду бросают тонко нарезанные пласты из пшеничного теста и прибавляют несколько мисок молока и долго кипятят.

Из свежего малосольного сыра готовят вкусное кушанье: полученный с вечернего и с утреннего молока сыр бросают в котел с небольшим количеством воды, подсыпая понемногу муки, нагревают до тех пор, пока не начнет тянуться в длинные нити; при этом хозяйка не перестает мешать в одном каком-либо направлении. Кушанье готово тогда, когда масса начнет выделять масло, и носит название *дзыкка*. Едят его с кукурузным или пшеничным хлебом.

Из яиц осетинки готовят яичницу обычным способом. Часто употребляют яйца в печеном виде: ставят их одной стороной к огню в горячей золе и следят за печением их. Когда появляются прозрачные капли воды на обращенной к огню стороне, то поворачивают на другую сторону. Такие печеные яйца едят особой, сделанной из дерева лопаточкой, *цъодзы*.

Молочные продукты, употребляемые осетинами в пищу, многочисленны: первое место в еде занимает сыр. Собранный

молоко нагревается слегка и створаживается телячьим желудком. Вынутый из убитого теленка желудок вскрывается по большой кривизне, промывается, а затем волочат его слизистой оболочкой по холодной золе, после чего вешают на балке под крышей и сушат. Такой желудок служит для квашения молока на много месяцев.

Самый процесс заквашивания состоит в том, что в нагретое слегка молоко кладется такой желудок, предварительно промытый от золы в воде, и им размешивается молоко. Минут через 20–30 молоко застывает, и тогда хозяйка, умыв руки до локтей, начинает медленно руками собирать в одну кучу выпавший сыр. На глазах начинает отделяться прозрачная желтоватая сыворотка от казанка, и сыр через минут 25 вынимается. Хозяйка начинает выжимать сыворотку и продолжает это до тех пор, пока из сыра не перестанет выделяться сыворотка, таким образом из молока получают два продукта: сыр и сыворотка.

Сыворотка употребляется как в свежем виде, так и в скисшем; кроме того, скисшей сывороткой осетинки моют волосы, так как, по их мнению, сыворотка размягчает волосы и хорошо смывает грязь. Когда осетину или осетинке нездоровится, то они часто купаются в теплой сыворотке.

Осетинка из молока взбивает масло, для которого молоко собирается за несколько дней, пока не скиснет. Когда молоко скисло достаточно, его вливают в цилиндрическую кадку, *хъуылаг*^x, длиною до 2 аршин, в диаметре до $\frac{1}{2}$ аршина, открытую сверху. В ней имеется поршень с небольшими отверстиями, и им начинают двигать вверх и вниз. Двигают до тех пор, пока масло не взобьется и не начинает круглыми мелкими хлопьями приставать к стержню поршня. После этого подставляют мелкое сито и через него фильтруют. Взбитое свежее масло осетины не едят, а растапливают и солят, наливают в банки и прячут для обыденного употребления или для продажи.

Второй продукт – белая густоватая кислая жидкость, маслянка, употребляется или в чистом виде, или же приготавливают из нее творог. Для этого маслянку нагревают и процеживают. Кроме перечисленных продуктов, осетинки довольно часто готовят из молозива вновь отелившейся коровы *хъуымыз*. Молоко от такой коровы при сильном нагревании выделяет сыроподобное вещество в виде крупных хлопьев, которые свободно плавают в сыворотке. В таком виде разливают его по мискам и тут же теплым едят.

Из вышеописанного видно, что осетины едят мясо у себя дома нечасто, на самом деле выходит, что большую часть дней года осетин все-таки питается мясом. Дело в том, что осетин, за редким исключением, хорошую пищу: мясо, хлебные лепешки – не будет есть сам со своей семьей, а обязательно пригласит кого-нибудь из своих соседей или родственников. Если к этому прибавить, что число случаев, когда осетины устраивают у себя празднество, довольно велико и что каждый осетин считает своим долгом делить хорошую пищу с соседом и родственником, то будет понятно, что мясная пища не так редко употребляется ими.

НАПИТКИ

Самые общеупотребительные напитки у осетин: *арахъ* — водка; *брагъ* — брага; квас — *махсымае*, *кбуымал*; и пиво — *благены*. Особенно часто употребляются первые три вида напитков. Мне кажется, что на значительную заболеваемость туберкулезом среди осетин безусловно влияет чрезмерное употребление *араки*. Кроме перечисленных напитков, правда, не так часто, осетины готовят иногда двойную *араку*, как показывает само название, значительно превосходящую просто *араку*, и *цъах махсымае*, тоже вроде осетинского кваса, но хмельное. Из всех народов Кавказа умеют гнать *араку*, готовить брагу и местное пиво только осетины¹¹. Ввиду сложности процесса их приготовления надо допустить, что предки осетин имели некоторую культуру, которая утерялась во времена тяжелых исторических пертурбаций, оставив жалкие остатки после своего исчезновения.

Привожу способ приготовления осетинских напитков.

Готовят *араку* из кукурузы, проса, ячменя и редко из картофеля. Зерно мелется крупно и смешивается с достаточным количеством теплой воды. Смесь оставляют для брожения от 4 до 7 дней, варят хорошо и дают простыть до известной температуры на ощупь; затем всыпают крупно смолотый солод в

¹¹ Правда, в настоящее время некоторые народы, живущие по соседству с осетинами, гонят также *араку* и [стали] готовить брагу, но мне неизвестно, чтобы какая-нибудь другая народность, кроме осетин, умела приготовить пиво. Из этого можно сделать такого рода вывод, что в приготовлении и пива, и *араки*, и *браги* пионерами являются осетины, а остальные народы позже переняли от них.

теплое сусло и смешивают. Всю жидкость вливают в большую кадку — *гарз*, закрывают, чтобы масса не остывала. Через 10–12 часов сусло начинает сильно бродить, а через 4–5 дней приступают к гонке *араки*. После брожения сусло перебивают в большие медные котлы и кипятят, часто помешивая из боязни, чтобы на дне котла не пригорело, иначе *арака* будет пахнуть гарью. Когда сусло начинает кипеть, котел герметически закупоривают особой деревянной куполообразной крышкой, на передней стороне которой имеется полая конусовидная ручка, около 1 аршина длины. Сейчас же из отверстия этой ручки, что на крышке, начинает валить пар густой горячей струей. На расстоянии приблизительно 1½ аршина от кипящего котла стоит большая кадка с холодной водой. Через эту кадку в средней части ее насквозь проходит медная труба, которая идет слегка наклонно от котла и выступает из кадки по одну и по другую сторону на ½ аршина. Дымящийся конец крышки вставляется в ближайшее отверстие медной трубы и плотно замазывается. Таким образом горячий пар устремляется через медную трубу в кадку. Благодаря тому, что пар приходит в соприкосновение с холодной трубой, он начинает собираться в капельки, и его собирают небольшой струей в кувшины со стороны свободного конца медной трубы. Кто-нибудь из детей специально стоит у кадки с короткой палкой и мешает беспрестанно воду в кадке, вода палкой по трубе для того, чтобы вода вокруг медной трубы не нагревалась сильно, иначе *арака* будет улетучиваться в виде пара. Для большей успешности перегонки зимой в кадку бросают куски льда и снега. Летом приходится менять воду. Хозяйки уже по опыту знают, что гнать *араку* из данного котла можно до известного предела. Если гнать дальше этого предела, то получается низкий сорт *араки*, которая содержит так мало спирта, что в огне не воспламеняется. Это обычная проба у хозяек. Как только проба перестанет загораться в огне, осетинка приостанавливает гонку.

Котел выносят, и содержимое разливают в длинные корыта во дворе; к вечеру сусло стынет, и домашний скот его поедает с жадностью.

Так называемое *двойно* получается путем вторичной перегонки¹².

Другой не менее часто употребляемый напиток – *браг*, *махсыма*, *кумал* – предварительно готовится так же, как сусло для *араки*, но вторично не кипятится и хмель в него иногда примешивается, иногда нет. С момента, когда начинается брожение, можно уже получить осетинскую брагу: для этого берут бродящее сусло, процеживают его сквозь очень густое сито, после чего получается мутная, довольно густая, сладковатая на вкус жидкость. Последняя для питья еще не годится. Через 4–5 часов жидкость начинает бродить, и с этого времени она хороша для питья.

Некоторые хозяйки настолько удачно готовят осетинскую брагу, что даже и непривычный человек будет пить ее с большим удовольствием. Часто к сухим остаткам сусла прибавляют воду, смешивают и опять цедают. Получается напиток вроде русского кваса – *тхенэг къуымæл* – менее ценный напиток. Бывает, что брагу оставляют на неделю, вся муть тогда оседает на дно, и получается новый напиток – очищенная брага (*цъæх махсыма*), которая также относится к числу почетных напитков.

¹² Берут сусло из кадки с таким расчетом, чтобы на одно ведро сусла приходилось два кувшина араки первого перегона.

БАГÆНЫ – ПИВО

Осетинское пиво готовят из ячменя и кукурузы. Лучшего качества пиво получается из пшеницы.

Для приготовления пива берут крупно смолотый кукурузный или ячменный солод, всыпают в большой медный котел (*цæджджинаг, тæпæнбын*) и вливают туда же теплой или холодной воды. После этого немедленно приступают к варке пива. Все содержимое котла кипятят на большом огне в продолжение 6–10 часов, беспрестанно мешая. Затем начинают пробовать, закончилась ли варка, для этого берут особую черпалку и в нее набирают кипящее питье, дают отстояться. Когда на поверхности чашки появляется бурая прозрачная жидкость, то приступают к следующему моменту получения пива. Тушат огонь и начинают фильтровать горячее сусло через особые фильтры, которые устраивают так: берут корзины грубо сплетенные, обкладывают слоем соломы дно и бока настолько, чтобы лучи не проходили, а затем ставят одну или несколько таких корзин под особое корыто, на дне которого имеется отверстие. Горячее сусло, фильтруясь через слой соломы, дает жидкий темно-бурый, сладкий на вкус фильтрат, *сытды*. Это чистый сорт. Опять в корзинки, на сухие остатки фильтра, наливают воды и опять фильтруют до тех пор, пока будет ощущаться сладость. Это второй фильтрат. После этого чистый фильтрат вновь наливается в котел, предварительно хорошо вымытый, и измеряют уровень жидкости от верхнего края котла; потом подливают к первому фильтрату второй и опять кипятят. Когда смесь из названных фильтратов начинает кипеть, всыпается в котел хмельный цвет в размере

одного сита и варится до тех пор, пока жидкость не достигнет измеренного уровня первого фильтра. Как только это условие выполнено, варка заканчивается, затем жидкость пропускается через корзины, чтобы задержать хмель в приготовленные для этой цели бочки, и ждут, пока остынет до нужной температуры. Далее берут немного этой жидкости в чашку и смешивают с хмельным осадком осетинского пива, *цырв*. Получается *сентуан*, который вливают в теплый отвар. Посуду укутывают теплыми одеялами и предоставляют напитку бродить. Обычно через 5–9 часов начинается брожение с обильным образованием пены. Через некоторое время брожение заканчивается, и пиво очищается с образованием небольшой густоты, *цырв*, на поверхности. Теперь пиво переливают в чистый сосуд, пропуская его через сито, дабы задержать случайно оставшиеся еще куски хмеля, и употребляется для питья. Среди всех напитков пиво считается у осетин благороднейшим хмельным напитком и готовится для исключительно торжественных случаев. Когда осетин делится своими впечатлениями, то говорит, что он «*чуть не лопнул от пива*»; этим он намекает, до какой степени всего было вдоволь.

Осетинское пиво, хорошо приготовленное, довольно легко пьется, приятного сладковато-горького вкуса, имеет свой специфический аромат. От большого количества можно опьянеть. Если пиво плохо приготовлено, то после выпивки многие страдают головной болью. Готовят пиво преимущественно в горах, и только среди горских осетин встречаются специалисты по варке его, хотя теперь и на плоскости стали готовить пиво и, по-видимому, не хуже, чем в горах.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ И ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

После окончательного покорения осетин русскими во внутренней организации многих осетинских обществ произошли резкие изменения.

Во главе каждого общества, состоящего из одного или нескольких селений, стоит выборный старшина и его помощники^х. Лишь в исключительных случаях за какие-либо проступки общества назначается правительственный старшина. Многие распри между членами общества разрешаются старшиной. Кроме того, в сельских обществах имеются выборные судьи. Последние выбираются из среды почитаемых всеми стариков. Я не буду касаться этой стороны общественной жизни осетин, так как это не входит в мою задачу, да она к тому же вкратце выше описана.

Правительство, не желая этим нововведением резко нарушать местный обычай, предоставило обществам как на плоскости, так и в горах иметь, кроме правительственных судей в лице старшин, еще и выборных судей из среды почетных, всеми уважаемых стариков. Разбирают выборные судьи мелкие недоразумения между членами данного общества. Решение их подтверждается старшиною и для санкций посылается высшей местной администрации.

Меня больше всего интересует, так сказать, самородная, обычаем освященная общественная организация. В этом смысле необходимо отметить, что аулы, состоящие из семей одного рода, подчиняются в большинстве случаев старшему по летам в роде. Если в селениях несколько родов, то каждый из последних имеет своего старшего.

Есть целый ряд преступлений, часто довольно крупных, в которые администрация не вмешивается. В таких случаях собираются старейшие двух фамилий, между которыми произошли распри, для разрешения возникшего недоразумения. Бывает так, что выборные старики из двух фамилий, по взаимному соглашению, приглашают еще несколько лиц в качестве судей и советчиков из других фамилий. Таким образом, у осетин власть представителей родов ограничена, так сказать, мирской сходкой из стариков разных фамилий села. Если недоразумения произошли между членами одной и той же фамилии, то дело, обыкновенно, разрешается старейшим этой фамилии.

Семейная жизнь у осетинского народа совершенно патриархальна. Во главе семьи стоит отец или мать. После смерти их главенство переходит к старшему сыну. Сын, который не роняет своего достоинства своим из ряда выходящим неуважительным отношением перед младшими фамилии, является полным господином дома: ни одно дело, ни одно предприятие не совершается без предварительного согласия старшего.

Такой старший, *хистар*, является своего рода любимым всеми царьком. Семья, как бы она ни была многочисленна, при нем не распадется: сплошь и рядом в Осетии можно встретить многочисленную семью, среди которой имеются 2–4 и больше женатых сыновей. Любо смотреть, какой мир и согласие царят в этой поистине благословенной семье. Всего вдоволь в доме: покой и любовь у очага.

Уважение к старшим среди осетин – это одно из самых отрадных явлений. Порой можно получить истинное удовольствие при виде того, как образованный осетин, доктор, присяжный поверенный или генерал встает перед простым, но старшим летами, осетином. В доме, когда глава семьи садится за еду, младшие члены стоят перед ним и услуживают ему, он расспрашивает их о домашних делах, дает советы или

выражает осторожно свое неудовольствие. Если между сыновьями и отцом разница в годах не очень большая и если в доме за столом никого из посторонних нет, более старших сыновей, начиная от 40 и выше лет, [отец] может усадить с собой, с левой стороны, но когда есть посторонний зритель, все обыкновенно стоят.

Жена главы семейства хотя и пользуется некоторыми правами старшинства при жизни мужа, но эти права относятся только к той области, которая находится в ее ведении, т. е. чисто хозяйственные заботы. После смерти мужа во многом, если не во всем, считаются с ней как с главой семьи, хотя фактически главой считается самый старший из мужчин. Куда бы старший ни шел, долг каждого проводить его на некоторое расстояние, пока он многократно не попросит его оставить одного. При этом младшие, если рядом идут двое, ходят с левой стороны, если с ними идет еще и третий, то порядок хождения таков: слева от старика идет старший из провожающих, а младший справа. Если старика провожают трое, то порядок опять меняется: слева идет самый старший, справа следующий по возрасту, а самый младший идет вторым от старика с левой стороны, и т. д. Когда со стариком встречается всадник, младший летами, то он должен соскочить с лошади, не доезжая до старика, и, ведя лошадь под уздцы, идти старшему навстречу. Первым приветствует старик, а младший скромно, еле слышно отвечает. Затем поворачивается и провожает пешком старика, но последний многократно отсылает его идти своей дорогой и благодарит за внимание. Отойдя шагов 100, младший вскакивает на лошадь и едет далее. При встрече со старшими женщинами младший проделывает то же самое. В больших собраниях рассаживаются за столом по старшинству. Первое слово принадлежит старику, которому преподносят чарку араки или другого напитка; старший берет *араку* в правую руку, пшеничную лепешку с ляжкой мяса, если к столу

подана таковая, в левую руку, встает, снимает шапку, все следуют его примеру, и начинают молиться: «Пошли, Господи, – говорит он приблизительно, – счастье и благоденствие этому дому, этому народу. Да умножится скот его. Дай нам хлеба столько, чтобы они могли вспоминать в торжественные для Тебя дни Твое Святое Имя».

«Уастырджи, – обращаются этим словом к святому Георгию, – когда кто-нибудь из этого дома уедет куда-нибудь, то не оставь его без своей поддержки, сопровождай его по правую руку. Уехавшие же да вернутся обратно в свои дома такими счастливыми, какими возвращались некоторые».

«Аларды, помилуй и ты нас. Лица Своего не поворачивай к нам: будем молиться твоему затылку».

Когда старший идет по улице и встречает молодежь, сидящей на скамье, то все вскакивают со своих мест, оправляются, всякая болтовня приостанавливается, смех прекращается, и все стоя пропускают мимо старшего. Последний поворачивается к ним лицом, благодарит их за внимание и, рукой указывая на скамью, просит их сесть. Отошел старик, и все уселись, и веселый разговор продолжается. Впрочем, обычай вставать – это долг каждого перед всеми, не исключая женщин старше 13 лет. Очень часто можно видеть малых детишек до 7–8 лет включительно, которые бросают свои игры и вскакивают, когда старшие поравнялись с ними. В доме жена старика никогда не садится за одним столом с ним, даже когда и посторонних нет. Невестки в присутствии старшего стоят в самых отдаленных углах дома, не говоря ни слова, или молча возятся по хозяйству, самые же младшие вовсе не показываются на глаза. Бывает, что старший обращается к невестке за чем-нибудь, тогда волей-неволей ей приходится отвечать, и она это делает, но обращаясь к кому-нибудь из близко стоящих членов семьи, ибо неприлично отвечать громким голосом главе семейства. Третье лицо передает громко ответ невестки.

Невестка не смотрит в лицо старшему, а стоит полуоборотом к нему, опустив глаза и наклонив голову. Дочерей своих и внучек выдает замуж старший, т. е. отец. Все время он распоряжается судьбой девиц в доме по своему усмотрению: старшие двух фамилий улавливаются между собой и решают судьбу девушки.

Старики руководствуются чисто практическими соображениями, говоря: жених из хорошей фамилии может прокормить свою семью и среди молодежи своего круга не ударить лицом в грязь. Девушки со всем этим мирились, любовь до последнего времени не признавалась совершенно. Ныне редко не считаются с мнением девицы. Устраивая браки своих сыновей и братьев, старший принимает [во всем деятельное] участие: все делается его именем, при переговорах с родными девицы всюду упоминается имя старшего. Старший имеет власть и над младшими других фамилий: он их может пожурить за непристойное поведение, но в известной приличной, допустимой форме. Тогда младший стоит пристыженный, не возражая ничего, или ласково-робко старается оправдаться.

Если собрался старший куда-нибудь в гости, то его провожают 1–2 младших члена семьи или родственники, которые прислуживают ему в дороге: придерживают лошадь и стремя, когда он сходит с нее или садится на нее.

Во время больших пиршеств и свадеб старшие являются сдерживающим элементом, вот почему редко можно встретить младших в неприлично пьяном виде.

Когда старший пьет воду, то все женщины, сидящие в этой комнате, встают, пока он не допьет стакана. Когда старший чихает, женщины тоже встают, он их благодарит и просит сесть.

Умирает старший, и тяжелое горе овладевает домом и всей фамилией. Много домашнего скота убивается в этот день, много пшеничных лепешек печется, варится пиво и готовится арака. В продолжение трех дней и больше угощают всех, вспоминая

славные дни его жизни. Главенство после этого переходит фактически к старшему в семье, хотя во всем спрашивают жену покойного и очень считаются с ее мнением. Проходит много лет после смерти старшего, а память о нем все живет среди членов его семьи: новый старший клянется его славным именем и не всуе, женщины при произношении в их присутствии имени покойного встают, встает даже присутствующий и стар и млад.

Молодость осетин проводит разнообразно. Уже с десятилетнего возраста помогает отцу во время полевых работ на сенокосе. С 14–15 лет принимает более активное участие в делах хозяйства. К этому времени он уже носит форму, часто в полном объеме: черкеску, кинжал и пистолет. Начиная с 18 лет он должен пройти стаж удальства, т. е. принять участие в воровстве домашнего скота и лошадей¹³. К этому времени, чувствуя необычайный прилив энергии, силы молодецкой, он не знает, куда применить ее; бушующая натура зовет его на подвиги, и он идет. Уже давно далекие предки завещали ему воровство, которое сопровождается известным риском для жизни. Правда, в настоящее время многое изменилось, культура заглянула во многие уголки устарелой осетинской жизни, кое-что уничтожила, заменив его более ценным современным, но многое все-таки осталось.

Воровство начинает приобретать оттенок постыдного, но все же остается. Всматриваясь в это постыдное явление, невольно начинаешь обращать внимание на следующее обстоятельство: все из молодых осетин, которые занимаются воровством, являются лицами несравненно выше стоящими как по внешности, красоте, так и по своим умственным качествам: он ловок, статен, к тому же хитер, разговорчив, и нельзя ему отказать в уме. Черкеска на нем сидит образцово, танцует великолепно, носит

¹³ В Южной Осетии теперь это не замечается.

лучшее оружие, владеет им умело, сидит всегда на лучшей лошади. Джигитовкой не превзойдет его никто, в делах хозяйства работник безукоризненный. Словом, обладает лучшими качествами для осетина из своего круга. Наоборот, та часть молодежи, которая не занимается воровством, производит впечатление менее выгодное: она одевается хуже, работоспособностью не отличается, хотя и возится целый день, но толку мало, у нее меньше и физической, и умственной силы, неуклюжая походка и т. д.

И впечатление таково, что скромная половина молодежи потому не занимается воровством, что не считает себя способной на это дело, которое все-таки требует до некоторой степени отваги и увертливости, а не потому, конечно, что она считает воровство делом низко стоящим с нравственной точки зрения. Да и наши старшие часто хвалят воров, называя их удалыми молодцами, что также является будирующим элементом для такой молодежи. Несомненно, среди осетинской молодежи есть, как исключение, и такие, которые сознательно считают для себя позором заниматься этим низким делом – воровством; но, к сожалению, они пока в меньшинстве.

Проходят годы, и осетин заканчивает к 30 годам свои шалости. За это время он во многих аулах побывал, приобрел большое количество знакомых, познакомился со многими из своих родственников, разбросанных в разных аулах, видел много девиц и наметил себе некоторых. Кровь в жилах бежит медленнее, мятежный еще недавно дух ищет покоя: его тянет к семейной жизни, и он должен жениться.

Уже с давних пор считается для осетина позором остаться холостым; «умер не женатым» – тяжелая фраза для оставшихся родных покойного.

ЖЕНИТЬБА – УСКУРÆН

Обыкновенно осетин высмотрит предварительно себе невесту на танцах, *хъазт*, но так как ближе он не имеет возможности иным путем переговорить с ней, то будущий жених старается найти кого-нибудь из близких родственников будущей невесты для того, чтобы при помощи их устроить более близкое свидание и этим путем узнать хоть сколько-нибудь свою будущую спутницу жизни и ее взгляд относительно предполагаемого брака. Остаются обыкновенно втроем, и начинается разговор. Первым говорит посредник, обращаясь прежде к жениху, а потом к невесте: «Вот вы хотите провести свои дни до самой смерти вместе с другом, женой». Обращаясь к невесте: «И вы готовы искать себе повелителя на своем жизненном пути». К обоим: «Переговорите, не стесняясь, друг с другом». Если она согласна, то обыкновенно говорит, что она не смеет такие дела решать сама, в то время как у нее старшие в роде, и что она не будет прекословить решению старших. Для окружающих такой ответ равносильен «да». Если же она не согласна, то обыкновенно говорит, что она не считает себя готовой для такого важного шага, и просит об этом не поднимать больше разговора. Такой ответ равносильен «нет», и это один из поводов к похищению.

Из слов девицы жених будет знать, какой ответ получил, и, если ответ положительный, дает понять своему отцу и матери о своем намерении жениться на такой-то из такого-то села и фамилии. При этом говорит родителям не сам, а кого-нибудь посылает. Отец может согласиться или не согласиться, смотря по тому, насколько стоит ниже по происхождению

фамилия будущей невесты в сравнении с фамилией сына. Если ничто не мешает, то отец жениха или тот из родственников, которого он найдет подходящим вместо себя, в сопровождении еще одного родственника и кого-нибудь постороннего отправляются в дом невесты. Бывает так, что они в этот же вечер сговариваются, дают деньги в счет будущего калыма как знак состоявшегося обручения.

Но иногда отец невесты не дает определенного ответа, назначая день, когда они могут прийти вторично для окончательного сговора^{xii}, а теперь ему необходимо переговорить с родственниками. Отец невесты, так или иначе, их хорошо угощает, и они расходятся до следующего срока.

Назначается срок до двух недель или немного больше. К этому времени опять являются те же лица, и если сговариваются относительно калыма, то обыкновенно не бывает другого препятствующего делу момента, и происходит обручение молодых. Опять их угощают, и, веселые, шумно беседуя, расходятся по домам. Иногда назначают срок, когда будут переводить невесту из дома родительского в дом жениха.

ОТПРАВКА НЕВЕСТЫ – ЧЫНДЗХАСДЖИТА ХЪУЫЦДАГ

Дом невесты уже за месяц начинает готовиться к встрече *чындрхасджита* [ед. ч. *чындрхассаг*], т. е. лиц, сопровождающих невесту.

Смотря по тому, как приглашал дом невесты дом жениха, число *чындрхасджита* бывает разное. Иногда их набирается до 100–150 всадников, иногда и меньше; если невеста из того же села, то все направляются к дому невесты. Большая часть *чындрхасджита* состоит из молодежи, а меньшая часть из стариков.

В высшей степени торжественно бывает шествие этой толпы всадников: наряженные в национальные костюмы, на хороших лошадях, празднично настроенные, они все бывают удивительно красивы.

Старшие являются сдерживающим элементом для молодежи, которая способна на эксцессы. Когда вся эта процессия приблизится к селу, где живет невеста, то они предварительно располагаются за селом на некотором расстоянии и посылают к родным невесты послов с известием о том, что прибыли *чындрхасджита*. Из дома невесты выходят навстречу гостям несколько почтенных стариков в сопровождении молодых для того, чтобы приветствовать прибывших, и приглашают их. Я забыл сказать, что вместе с *чындрхасджита* всегда бывает специально назначенная для перевозки невесты арба-одноколка, в последнее время в нее садятся и две-три девицы, обыкновенно одна – сестра жениха или близкая родственница его, другая – сестра или родственница шафера, сам шафер – главное лицо, товарищ^{xiii} шафера и две или три

девицы. Сидящие в этой арбе обыкновенно отправляются за несколько часов раньше. За ними прибывают все остальные гости в полном порядке; быстро соскакивает со своих коней молодежь, из которой некоторые помогают старшим сходить с их лошадей. Их всех встречают шумно, весело. Начинаются в доме невесты угощения для приехавших. Пируют суток двое, в крайнем случае одни сутки. Пьют, едят без перерыва. Молодежь танцует во дворе, часто стреляя из ружья, револьверов, пистолетов и берданок. Формальности совершает мулла^{XIV} в присутствии двух свидетелей: со стороны жениха – шафера первого, а со стороны невесты – шафера второго. Далее мулла заносит в книгу [запись] о согласии невесты. Эта запись может быть произведена и во время обручения.

В день увода невесты последнюю, покрытую шалью, выводят с плачем, шафер [первый] торжественно выводит ее из комнаты и, прежде чем посадить на арбу, ведет к дому стариков, *хадзар*, для того, чтобы она простилась с родителями. Она им кланяется, ее накрывают, и она надолго, а иногда навсегда расстается с родными. Шумя и распевая специально для этого дня составленные песни, вся процессия двигается к дому жениха. Песни поются непрерывно, стреляют и джигитуют по пути.

С приездом в дом жениха начинается опять пир, не менее обильный едой и напитками. Особенно торжественным считается второй день.

Первый вечер все утомлены, а потому, поздравив дом жениха с прибытием нового члена семьи, большею частью расходятся.

[СВАДЬБА В ДОМЕ ЖЕНИХА] – ЧЫНДЗЕХСÆВ

Это пиршество второго дня. В доме жениха к этому времени собираются все односельчане и гости, приехавшие из села, откуда невеста, и начинается пир на славу. Более пожилые, приехавшие из других сел, пьют и едят в стороне; во дворе идут танцы и стреляют, а подчас и джигитуют расходившиеся осетины. Бывает, что развеселившиеся старики (старшие) пожелают вспомнить доброе старое время – свою молодость – и начинают танцевать. Молодежь начинает особенно усиленно бить в ладоши, как бы подбадривая этим самым стариков, и действительно, молодежь достигает своего, и расшевелившиеся старики, довольно плавно подчас, танцуют лезгинку. Часто при этом молодежь стреляет в знак уважения к танцующему. Такая стрельба бывает и тогда, когда танцует какая-нибудь из ряда выходящая красавица или гость. К вечеру невесту накрытой, а в последнее время и без покрывала, ведут из ее комнаты (ее комната считается особой) опять те же [два] шафера в родительский дом жениха, *хадзар*, как бы в знак знакомства со стариками. Тут мать жениха с соседками или родственницами ее поджидают с тремя сырными лепешками. Один из стариков берет лепешку и с *аракой* или пивом в руке начинает молиться Богу, прося у Него счастья для нового члена семьи. Затем невеста подходит к своей свекрови и, взяв из приготовленной смеси масла и меда кусок, кладет в рот ей и некоторым из окружающих ее женщин. Свекровь в свою очередь делает то же самое – это знак согласной и приятной совместной жизни, и отводят ее обратно в ее комнату. Поздно ночью гости расходятся. Во все это время жениха нет; он гостит у своего шафера

[первого] и в весельях в свою честь^{xv} не принимает участия. Когда гости расходятся, группа молодежи с пением приводит в эту ночь жениха в его комнату и расходится.

Некоторое время товарищи жениха еще шумят. Стелит постель обыкновенно шафер первый. Местами еще существует такой обычай. В первую ночь товарищи привязывают жениха слегка и требуют выкуп, три лепешки и араки. Жениха после вталкивают в комнату невесты и заставляют их открыть ставни, ставят их рядом и, как бы в знак ознакомления друг с другом, заставляют их проделать следующее: невесте кто-нибудь задает вопросы: «Отчего у него, – указывая на жениха или называя его по имени, – шапка испачкана?» Невеста собственноручно снимает с головы его папаху и встряхивает, потом надевает обратно. «Почему у него, – имя рек, – кинжал в крови?» Невеста опять подходит, вынимает кинжал из ножен, осматривает и, не найдя ничего, кладет обратно в ножны. «Ну, а отчего, – не унимается молодежь, – у него газыри не в порядке?» Она опять осматривает газыри. Так тешится осетинская молодежь еще некоторое время, к великому смущению молодых, и потом все оставляют их в покое.

Свет чуть брезжит к утру, а осетин-молодожен уже на ногах. Какой позор для него, когда кто-либо из старших увидит его выходящим из своей комнаты: скажут, [что] он женолюбив. Проходит немного времени, и он начинает показываться в обществе, начинает по-прежнему бывать у родственников, у близких знакомых.

Все, здороваясь с ним, между прочим, поздравляют его с законным браком, желают ему найти счастья в жене, любить друг друга до гробовой доски. Он ничего не говорит и смущенно молчит, особенно когда его поздравляют значительно старшие его летами. Благодарить в таких случаях неприлично.

Так оканчиваются свадьбы в большинстве случаев. Но бывают случаи, когда жених не может сговориться с невестой или с ее родными и тогда происходит похищение.

ПОХИЩЕНИЕ

Поводом к похищению бывают: а) отказ со стороны девицы; б) [отказ] со стороны родных девицы при ее согласии.

Причиной отказа со стороны девицы бывает то, что жених не нравится ей ничем: ни внешностью, ни умением танцевать, ни джигитовкой или меткостью в стрельбе. Если же родители отказывают, то обыкновенно считаются с происхождением жениха.

Раз он происходит из более низкой фамилии, то осетин «собаке»¹⁴ не дает свою дочь, какими бы выдающимися личными качествами он ни отличался. Чувствуя за собой силу, осетин старается во что бы то ни стало достигнуть своего. В первом случае ему помогает какая-нибудь общая знакомая, во втором случае невеста сама назначает место, где они должны как бы случайно встретиться. В том и другом случае осетин-жених собирает несколько человек надежных друзей, и отправляются или на конях, или же захватывают с собой одноколку – осетинскую арбу, запряженную парой быстрых коней. Если они хотят похитить невесту против ее желания, то дело похищения более трудное, т. к. долгое время приходится специально выслеживать места, где она бывает без родственников в кругу своих подруг, или при помощи общей знакомой специально заманивают в удобное место для похищения. Тут на нее набрасываются, как бы вырастая из-под земли, всадники, взваливают на лошадь или одноколку к жениху и умчат куда-нибудь в лес.

Если об этом узнают ее родственники, то все в полном вооружении на быстрых конях гонятся по следам за похитителями,

¹⁴ Так называют осетины лиц, принадлежащих к низшему сословию.

чызг скаэфджытæ. Хорошо, если похитители успели скрыть свой след, тогда погоня возвращается домой, горя желанием отомстить. После одной недели скрывательства жених-похититель разыскивает себе влиятельного родственника или вообще влиятельного осетина, даже и не родственника, и, по взаимному предварительному уговору, приводит похищенную в его дом. Это значит, что влиятельный осетин берет на себя миссию уладить дело.

Все дальнейшие хлопоты по поводу примирения ведутся через него и через лиц, набранных им. Случается и так, что осетин-похититель прямо приводит свою жертву в дом влиятельного лица. В том и другом случае большинство таких дел оканчивается благополучно. Уславливаются посредники между тяжущимися сторонами о калыме, выкупе, *иред*, и все дальнейшее протекает мирно. В редких случаях девушка, несмотря на то, что ее обесчестили, все-таки упорствует и категорически настаивает на своем и не соглашается выйти замуж. Тогда она возвращается в свой родительский дом и обыкновенно сидит много лет у своего очага, пока какой-нибудь вдовец не возьмет ее себе в жены.

Однако же похищение не всегда кончается столь благоприятно, особенно когда похитителей нагоняют. Целые драмы – трагедии разыгрываются: происходит жестокая схватка между родственниками девицы и похитителями. Для последних считается несмываемым позором, когда у них отнимают девицу и они ни с чем вернутся домой, побитые и израненные, долго еще на них будут указывать односельчане пальцами, говоря: «Вот те, у которых такие-то отняли похищенную». Поэтому молодежь очень упорно сопротивляется и часто, пока живы, не сдаются. Понятное дело, что при таком положении вещей нередко случаются и смертоубийства. Тогда дело осложняется новым неприятным явлением для той фамилии, член которой совершил убийство: ему грозит месть со стороны потерпевшей фамилии.

КРОВАВАЯ МЕСТЬ — ТУТ ИСЫН

Подобно всем некультурным народам, осетины очень высоко ценят мечь. Часто можно услышать от осетина такую фразу: «Благословен Бог, создавший священную мечь». Иногда похищение девицы кончается убийством кого-нибудь из сражающихся. Тогда начинается переходящая из поколения в поколение кровавая мечь. Всматриваясь в этот гибельный и разорительный для осетина обычай, начинаешь удивляться его живучести. Особенно резко выражается это во время проявления удальства кем-нибудь из осетинской молодежи, которая теперь, мы знаем, выражается в том, что молодой осетин со своими единомышленниками решает украсть лошадь. Иначе говоря, какой-то взбалмошный молодой человек хочет лишиться мирного осетина самого ценного для хозяйства животного. Понятное дело, такой осетин-хозяин охраняет свой домашний скот и, в частности, своих лошадей как зеницу ока; он редкие ночи спит спокойно, если у него недостаточно хорошие запоры; при малейшем лае собак он вскакивает с оружием в руках и, посвистывая, обходит свой двор. И если ему в это время удастся заметить удальца, уводящего его лошадей, то он под влиянием момента ни на что не посмотрит, будет стрелять. Хорошо для обеих сторон, если он промахнулся благодаря темноте и воры бежали, не успев захватить краденых животных.

Но случается, что он убивает кого-нибудь. Тогда, значит, он накликал на свою голову целое несчастье: ему не избежать мести со стороны родных убитого, и с этого дня для него на много лет, иногда до самой смерти, исчезла спокойная жизнь.

Все время он должен быть на страже, днем и ночью не расставаясь с оружием.

Осетины-воры прекрасно знают, как неприятно для осетина убить человека и, отправляясь на свое позорное дело, надеются отчасти на благоразумие мирного осетина. Таким образом, последний поставлен в положение, из которого выхода нет: с одной стороны – мирный человек легко может лишиться самых ценных предметов в хозяйстве, с другой – он должен помнить, какие последствия ожидают его, если он, защищаясь, убьет какого-нибудь вора. И вот тут-то резче всего бросается в глаза отсутствие всякой логики. Но случается и так, что убивают мирного осетина в то время, когда он выходит из своей комнаты на лай собак. Тогда, понятное дело, будут мстить той фамилии, откуда вор-убийца, которого через некоторое время узнают. Мсть выражается в том, что за смертоубийство должно быть заплачено убийством же. Обычно старики, женщины и мальчики до 16–18 лет исключаются как объект мести. Это, по-видимому, объясняется тем, что они являются беззащитными, а нападать на безоружных и слабых осетин считает для себя позорным.

Я ни разу не помню и не слышал от стариков, чтобы жертвой мести сделался мальчик, женщина или беспомощный старик. Что касается остальных, то здесь уже не считаются, будут ли они безоружны или при оружии, а при всяком удобном для себя случае будут стараться убить. Нередко осетин-мститель стреляет из-за угла: для него все равно, лишь бы смыть с себя кровь. Если во время перестрелки убита случайно женщина, то мстители все-таки будут мужчины. Иногда мсть не ограничивается убийством одного человека, и тогда, в редких случаях, число убитых за одного достигает трех и больше. Обыкновенно это случается тогда, когда убийцей является кто-нибудь из слабой фамилии, а мстителями – могущественная фамилия. Мсть переходит обычно не только на всех мужчин

дома, из которого убийца, но и на всех мужчин этой фамилии. То же самое и мстители: не только мстят члены потерпевшего дома, но и вся фамилия.

Я сказал выше, что этот дикий обычай является разорительным для осетина-убийцы; он, особенно в первое время, в течение целого года, покуда рана еще свежа, боится выходить из дому куда-нибудь далеко, поля остаются тогда необработанными, хлеб не собирается или собирается наскоро кем-нибудь из дальних родственников. На зиму для скота нет достаточного запаса корма, ибо никто из чужих не ведет хозяйства, как следует, вследствие чего дела в хозяйстве приходят в окончательный упадок. К тому же посмотрите, что делается в его вечно беспокойной душе! Неуютно в доме убийцы, и тяжело ему на душе.

Если убили славного мужчину, то во время мести должны убить самого влиятельного лица из противной фамилии, если даже он и не будет в особо близком родстве с домом убийцы.

К счастью, в последнее время, по мере проникновения культуры, месть заметно начинает исчезать, хотя есть еще, особенно среди привилегированных фамилий, такие, которые стараются свой престиж поддержать тем, что свято исполняют неславный обычай. Что же! Они еще не дошли до понимания дикости этого обычая. Надо надеяться, что быстро проникающая в среду осетин культура искоренит это варварское наследие наших предков.

Все-таки немало встречается благоразумных осетин, которые, раз случилось несчастье и оно уже непоправимо, находят лучшим мирное разрешение вопроса. Обычай это предвидел, и у осетин имеется следующая форма примирения.

ПРИМИРЕНИЕ – ТУДЖЫ ТÆРХОН

Примирение, смотря по возрасту, обставляется разными формальностями. Обыкновенно сейчас же после убийства, когда еще убитый не похоронен, односельчане собираются и настойчиво упрашивают потерпевшую сторону примириться. При этом многие плачут громко, а более смелый и словоохотливый приговаривает, что было бы лучше, если бы убили сам убийца.

В большинстве случаев получается согласие. Но бывают случаи, когда односельчане получают отказ. Все-таки односельчане не унимаются и время от времени обращаются к потерпевшей стороне с аналогичной просьбой, и примирение в конце концов достигается, за весьма редким исключением.

Процесс обращения односельчан к примирению тяжущихся состоит в следующем: односельчане приходят в дом к потерпевшему и все становятся во дворе на колени.

Пришедшие из своей среды выбирают одного или двух, которые от имени всех просят примириться. Если потерпевшая сторона «имеет совесть», как выражаются осетины, то обыкновенно идет навстречу просьбе односельчан, и тогда старшие просят всех подняться на ноги. «Мы подчиняемся воле народа», – говорит один из старших потерпевшей стороны. Затем обе стороны выбирают судей: трое с потерпевшей стороны, двое со стороны обвиняемой. В настоящее время судей выбирает народ. Число судей раньше ограничивалось пятью – ныне число их достигает семи.

Избранные медиаторы берут расписку с тяжущихся сторон о согласии их на примирение. Раньше все было основано на доверии. По постановлению медиаторов-судей, виновный в настоящее время уплачивает штраф от 1000 рублей до 2000 руб.

Кроме денежного штрафа, виновный обязан устроить особые поминки «*туджы фынг*». На этих поминках режут быка, до 10 баранов, до 200 кур, готовят большое количество осетинского пива, *араки*, браги, сырных лепешек и проч. К этому дню собираются родственники и добрые знакомые обеих сторон, как односельчане, так и из других сел, и начинается поедание приготовленной пищи. Обыкновенно ко дню поминок виновная сторона расплачивается деньгами, но не дает всей суммы денег, а удерживает 200 руб. Когда все собрались на поминки и уже сели за столы, встает старший из посредников виновной стороны и говорит примерно следующее: «Помилуй нас, *Хуцау* (Боже)! Между этими двумя фамилиями произошло несчастье, и пусть *Хуцау* больше не огорчает их, но отныне пусть пошлет Он счастье на их голову; покойному Царствие Небесное. Пусть, пока в горах катится камень, а на равнине вертится колесо, перед ним (покойным) будет полно всякой еды; пусть съестное не гниет летом и не замерзает зимой; пусть никто против воли покойного не тронет его пищи», — заканчивает оратор. В конце речи кладет оставшиеся деньги на стол. Вслед за ним встает кто-нибудь с потерпевшей стороны и говорит ответный тост, благодарит всех собравшихся за теплое участие в постигшем их горе; далее, указывая на деньги, он говорит: 100 рублей прощают потерпевшие во имя всех медиаторов, другие 100 руб. во имя собравшихся. Затем берет тост сам убийца без слов, с плачем направляется к старшему потерпевшей стороны и предлагает ему тост. Последний берет тост и подает убийце в знак примирения руку. То же самое делают все окружающие старики. К этому присоединяется, если убийце не больше 30 лет, акт усыновления убийцы матерью убитого, во время которого (акта) мать дает свою грудь убийце в рот. В старину старики приносили круглый камень и говорили приблизительно следующее: «Круглый камень — знак вечности и прочности, и пусть, подобно этому камню, наш мир будет вечен и прочен».

ГОСТЕПРИИМСТВО

Это одно из самых отрадных явлений в жизни осетин: оно украшает во многом тяжелые условия обыденной жизни и делает пребывание среди осетин в высшей степени приятным.

Редкий образованный турист не восхищался при виде дисциплинированных обычаем осетин, когда они утонченно вежливо, с ласковою предупредительностью, приглашают к себе в *уазагдон* поесть с ними «хлеба и соли» – «*цæхх æмæ кæрдзын*», и когда они, ошастливленные тем, что гость согласился остановиться у них, ухаживают за гостем, всячески ему угождая. По мнению доктора Пфафа, это явление заключает в себе «отражение высочайшей нравственной цивилизации золотого века осетин»^{xvi}. По моему мнению, гостеприимство в таком виде, как оно существует у осетин, прежде всего указывает на ум и нравственную высоту народа.

Гость гостю рознь – не перед всяким гостем стоит осетин-хозяин, и эта сторона гостеприимства многими авторами неправильно истолкована. Если гость одних лет с хозяином или старше его, то гость пользуется всеми правами старшинства: т. е. осетин-хозяин стоит перед гостем, или же, когда разница в годах между ними небольшая, садится по просьбе гостя. Все остальные члены семьи обязательно стоят перед гостем и прислуживают, за исключением женщин, которые в гостиной не появляются. Часто бывает, что гостям прислуживает и девица, если нет сыновей в доме. Но если гость моложе, то не может быть речи, чтобы хозяин, старше его годами, стоял перед ним; в таком случае гость садится перед хозяином по просьбе последнего или же вовсе не садится, если разница больше 10–15 лет.

Во всем остальном гостю оказывают все подобающие почести: готовятся для него специальные лепешки и мясные блюда. Сравнительно со всеми своими ровесниками гость пользуется большими правами: он даже может сесть, правда, по приглашению, со старшими, в присутствии которых его ровесники не смеют даже подумать сесть. При этом старшие приговаривают: «Садись, садись, не стесняйся. У себя дома тебе подобает стоять, но здесь ты гость, садись, мой милый». Встречаются среди гостей такие, которые ни за что не сядут перед старшим хозяином. Тогда хозяин дома встает и уходит, а ровесников оставляют самих, так как иначе гость будет стесняться и не будет ничего есть, уже не говоря о том, что молодой гость из спиртных напитков ничего в рот не возьмет в присутствии старшего, а также не будет и курить. Обычаем строго порицаются те из молодых, которые настолько беззастенчивы, что пьют *араку* и курят папиросы при старших. При случайной встрече с гостем долг каждого совершеннолетнего осетина, если последний моложе, приветствовать его и настойчиво и многократно просить к себе отведать вместе «хлеба и соли». Если не в урочный час осетин встретит гостя, то говорит: «**Фысым дын стæм**», т. е. у нас к твоим услугам и стол, и приют. Случается, что один осетин едет к другому в гости. Если между приехавшим гостем и хозяином есть какая-нибудь родственная связь, то гость может прямо въехать во двор и, не слезая с лошади, попросит к себе хозяина или же сойдет с лошади и, если в доме есть старшие, все равно, будь то мужчина или женщина, сочтет себя обязанным представиться им. Человек же посторонний без приглашения не въедет в дом или во двор, а тем более не имеет права видаться с женщинами. Даже гость-родственник без хозяина не будет видаться с женщинами, невестками. Что касается старших женщин, то ему даже ставится в обязанность представиться им. Раз гость у ворот или во дворе, то моментально к нему

выбегают навстречу хозяин и младшие. Но и тут соблюдается старшинство, и если гость далеко моложе хозяина, то он не сочтет нужным, чтобы ему оказывали какую бы то ни было помощь при слезании с лошади. Но если гость ровесник или старше хозяина, то быстро к нему подскакивают и помогают сойти с коня. У него сейчас же отбирают коня, и уже с этого момента можно о коне не беспокоиться: все будет сделано, коня и накормят, и напоят вдоволь. Далее гостю помогают снять бурку, башлык, ружье и отбирают плеть и просят пожаловать в дом. Если гость редкий или хоть сколько-нибудь почтенное лицо, то обыкновенно вскоре собираются родственники и соседи приветствовать гостя. Каждый, входя в *уазэгдон* – гостиную, подходит и приветливо говорит: «Здравствуй, гость» – *«агас цу, уазег»*. Последний встает, а вместе с ним встают и все сидевшие, а на приветствие отвечают: *«Хорз цер»* – «да живется тебе хорошо». Далее идут продолжительные расспросы о том, что у них делается, какие у них *хабары* (ед. ч. *хабар*, мн. ч. *хаберттице*), вести. А тем временем хозяйки пекут сырны лепешки и варят кур или барашка, смотря по состоянию и времени года. Подают еду младшие. Другой же из младших, держа в левой руке таз, в правой – кувшин с водой, обходит всех сидящих по старшинству и дает им умыть руки. После краткой молитвы старшего приступают к еде по старшинству. Молодежь стоит около них и прислуживает сидящим, при этом один из них, держа в левой руке сосуд с *араккой*, а в другой стакан, обходит всех, поднося всем по порядку старшинства *аракку*. При этом каждый взявший обязательно говорит несколько добрых пожеланий дому и всем присутствующим и, перед тем как выпить стакан, намечает кого-нибудь из сидящих или стоящих и, обращаясь к нему, говорит, чтобы и он присоединился к его благим пожеланиям. «Бог да исполнит твои пожелания», – отвечает тот и берет стакан. Роль стоящего около них *уырдыгыстаг*, [прислуживающего] молодого челове-

ка, одновременно разливать и следить за тем, чтобы все хорошо пили; часто можно видеть такую картину: взявший стакан отпил немного и возвращает стакан, но молодой «виночерпий» усиленно уговаривает допить до конца; многочисленные просьбы не помогают, и раз взявшему стакан приходится допивать. Такой стойкий «виночерпий» достоин похвалы, слабого же, наоборот, поднимают на смех. Благодаря существованию такого обычая, повсеместно сидящим за столом приходится очень много выпивать как *араки*, так и других напитков. Бывает, что кто-нибудь из сидящих за столом искренно не хочет пить и убеждает «виночерпия» взять недопитый стакан. Тогда на помощь виночерпию приходят все сидящие, и ему [отказывающемуся] волей-неволей приходится выпить свой стакан. Но по отношению к молодежи старшие не только не прибегают к убеждениям, но начинают роптать, когда какой-нибудь взбалмошный молодой человек выпьет несколько стаканов *араки* при них. Правда, случается, что старшие спрашивают какого-нибудь молодого человека выпить рюмку *араки*, но при этом старики уверены, что он не выпьет, и своим настойчивым желанием заставить его выпить они как бы испытывают его. Тем временем гость и сидящие закусывают и беседуют. Виночерпий неумолимо наливает стаканы и после того, как все выпьют, начинает опять от старшего. Когда хозяин старше всех, то он должен каждый раз уметь находить тосты и таким образом заставлять присутствующих выпивать все новые и новые (тосты) стаканы *араки*. Дело хозяина последним отстать от питья. Молодежь, стоящая около стола, терпеливо и молчаливо ждет конца еды, которая тянется два-три и больше часов. Бывает, что кто-нибудь из сидящих дает им по ломтику сырной лепешки и маленькому куску мяса. Взявший кусок говорит: «Да будут неисчерпаемы твои дары».

Когда гости поели, то недоеденное передается молодежи. Последние отставляют стол в сторону, и кто-нибудь дает вторично по

старшинству всем мыть руки. Подметают крошки хлеба из-под ног, так как считается грехом наступить на них. Старшие, наевшись и наговорившись, отходят в сторону, а молодежь, по приказанию одного из старших, садится за стол и доедает остатки после взрослых. При этом, когда убирают стол, на нем должна оставаться еда. Объяснение этого оставляемого «обычайного куска» таково: пусть пища у хозяев не истощается. Молодежь недолго заставляет старших ждать и в продолжение каких-нибудь 10–15 минут заканчивают свою еду и опять становится на своих местах. Когда убирают стол, все благодарят дом, который накормил их, и просят у Бога, чтобы он умножил хлеб сего дома. Обычно после еды старшие, за исключением самого хозяина, или гость идут к *хадзару*, чтобы лично благодарить хозяйку дома. Последняя, если еще молода, выходит и становится у дверей с опущенными глазами: по обычаю смотреть смело гостю в глаза считается неприличным. Гость, если нет непосредственного родства с хозяйкой дома, становится на некотором расстоянии от последней и благодарит ее за исключительное внимание. Обыкновенно гость при этом бывает не один, а его сопровождает один из местной молодежи, который и передает от имени хозяйки ответ и пожелания: «Да пойдет вам всем впрок все съеденное у нас наподобие материнского молока». Если же между гостем и хозяйкой есть родственная связь, то они обычно подают друг другу руки. Когда в доме есть старшая женщина, то гость обязан выразить благодарность прежде всего ей, а потом вежливость требует через нее же благодарить младших женщин — невесток и девушку, если таковая имеется. При этом пожелания гостя сводятся к тому, чтобы невестки родили жизнеспособных мальчиков, а девице желают хорошего мужа, самой же старой — наслаждаться счастьем и любовью всех окружающих до гробовой доски. Ко времени ухода гостя ему подается все в исправности: сытый и оседланный конь, придерживаемый

кем-нибудь из молодежи, нетерпеливо ждет своего седока. Вычищенная от дорожной пыли бурка и башлык тут же у него на руках. Выходит гость, облачается в бурку, ловко набрасывает башлык, перекидывает через плечо ружье, еще раз благодарит за гостеприимство и садится на коня. По обычаю, перед тем как гость садится на лошадь, держащий ее под уздцы молодой человек поворачивает ее лицом к дому в знак того, что гость расстается другом дома, и, придерживая стремя левой рукой, а правой держа коня, помогает гостю сесть. Развеселившийся гость сильно и шумно ударяет плетью своего коня и выезжает со двора¹⁵.

Всякий, кто осмелится оскорбить гостя даже вне дома, на дороге, будет считаться отныне врагом хозяев.

¹⁵ У многих авторов встречается такая странная мысль, что гостя, выехавшего из дому, обычай разрешает ограбить. Откуда взята эта неправильная мысль, решительно не могу объяснить.

О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИН

По обычаю, женщина у осетин стоит ниже мужчины, но она не является рабыней. Это несколько приниженное положение женщины имеет здесь своеобразный оттенок, чем резко отличается от многих других племен Кавказа. Те же авторы, которые ограничивались только тем, что называли осетинку просто рабыней, в сущности ничего не сказали. Позволю себе несколько подробнее остановиться на выяснении этого вопроса. Уже к девочке 6–8 лет начинают предъявлять более строгие требования, нежели к однолеткам-мальчикам.

Девочки одного возраста с мальчиками не будут, подобно им, свободно бегать по полям и лугам. Обыкновенно они собираются небольшими группами за домом и здесь упражняются почти целый день в национальных танцах. Иногда девочки забудутся и начинают устраивать совместные с мальчиками игры; в таких случаях старшие дают понять им, что не следует играть с мальчиками, и они мало-помалу начинают обособляться. К 10–12 годам девочки уже не допускают к своей компании мальчиков и с этого времени начинают помогать матери в хозяйстве, обучаются понемногу рукоделию и игре на гармонии под руководством более старших. К 12–14 годам девушка уже выступает на публичных танцах. К этому времени она уже знает, какие требования предъявляет к ней обычай. Она теперь ни в коем случае не позволит себе поговорить с незнакомым мужчиной, а если чужой мужчина и обратится к ней, то она не будет отвечать. Не побежит одна через улицу к соседям, а ее должны сопровождать мать, брат или кто-нибудь из родственников.

Она идет по улице чинно, медленно шагая.

Если мужчина переходит улицу, она должна остановиться и пропустить его и только после этого имеет право перейти улицу. Перед старшими женщинами и перед мужчинами даже своего возраста она должна стоять. В присутствии близких родственников девицы сидят, но если родственник пьет воду, чихает или встает, они должны моментально вскочить со своих мест; встают они также и тогда, когда мужчинам принесли поесть. Во время еды старших девицы ни в коем случае не садятся за одним столом с мужчинами.

К 16-17 годам девушка уже невеста. Теперь от нее требуется, чтобы она умела вышивать золотом, серебром, выкроить и сшить черкеску, бешмет, сафьяновые чувяки, ноговицы, папаху и т. п.; она должна играть на гармонии, уметь доить корову, печь хлеб и вообще быть вполне готовой к самостоятельному ведению хозяйства. Если до сих пор окружающие и могли простить вольность вроде того, что она перебежит через улицу к своей подруге-соседке, то теперь старшие следят со всею строгостью за каждым ее движением. Немало бывает ссор между отдельными фамилиями из-за того, что какой-нибудь несдержанный молодой человек заговорит с незнакомой девицей, и их заметят. В таких случаях есть один благоприятный исход, когда стороны помиряются, т. е. заплатят в тот же вечер выкуп за девицу и возьмут ее в жены тому, кто осквернил ее даже своим разговором.

Если девицы собираются на танцы, которые обычно происходят днем, то их сопровождают молодые мужчины-родственники, хотя не считается предосудительным, если одновременно их сопровождают и не родственники. Девицы, которые в домашних условиях жизни должны относиться с подобающим уважением к мужчинам вообще, на улице или в дороге пользуются особым почетом. Они здесь окружены мужчинами даже в том случае, когда мужчины старше их летами, причем

старшие идут справа, младшие слева. Этот обычай надо понимать как отражение того старого времени, когда наши отдаленные предки хищническим образом выхватывали девиц, случайно оставшихся без защиты, подобно горному орлу, который стремглав уносит цыпленка у зазевавшейся наседки.

Во время езды их сопровождают всадники, джигитуя и стреляя вокруг них, по дороге кавалеры покупают им всякие сладости, и горе тому, кто словом или намеком обидит девиц. По улицам девицы порой встречают сидящих стариков, тогда все девицы, поравнявшись с ними, привстают слегка, в знак уважения к старшим, которые в свою очередь встают со своих мест и благодарят за внимание, желая всем едущим девицам найти хороших мужей.

Начались танцы. Женщины выстраиваются вдоль стены, и одна из них играет на гармонии, мужчины полукругом располагаются напротив них и хлопают в ладоши. Первой выступает одна из самых старших девиц или гостья и ждет кавалера. Мужчина-распорядитель обращается к самому почтенному из кавалеров и просит протанцевать. Во время танцев — полное уважение к девицам со стороны всех мужчин без исключения. Можно сказать смело, что не бывало случая, чтобы кто-нибудь из мужчин оскорбил даже намеком девиц. А ведь не без того, чтобы иногда и не выпила молодежь. Правда, каждому осетину хорошо известно, к каким тяжелым последствиям ведет такая опрометчивость. А в распрях между мужчинами каким сдерживающим элементом являются женщины! Неоднократно бывало, что присутствие женщины предотвращало несчастье: часто мне самому приходилось слышать фразу: «Благодари Бога, что такая-то присутствовала во время нашей ссоры».

В 15–18 лет осетинка выходит замуж. В выборе жениха она не участвует, хотя в последнее время редко с нею не считаются. Первые 4–5 лет, по выходе замуж, она занята с утра до

вечера домашним хозяйством, и ей, обыкновенно, редко приходится покидать новый дом: свобода хождения ограничена еще больше, чем когда она была девицей. Женщина, недавно вышедшая замуж, является больше всего рабыней: она в первые 3–4 года не имеет права голоса в хозяйственных вопросах, а представляет собой безгласную работницу. Ей обычаем запрещено говорить со свекром, свекровью и совершеннолетними братьями мужа. Она всячески должна стараться не встречаться со свекром, а при случайной встрече должна остановиться и пропустить его, не осмеливаясь прямо смотреть ему в глаза. Обычай запрещает ей говорить с мужем, когда посторонние смотрят. С другими младшими членами семьи невестка может говорить, но когда близко находится какой-нибудь из старших членов семьи, ей предписано обычаем говорить шепотом, *уайсадгæ*, иначе ее назовут беззастенчивой. Невестка, согласно обычаю, не имеет права произносить имен свекра, свекрови, мужа и всех совершеннолетних членов, а также свою новую фамилию, в противном случае ей скажут, что она относится непочтительно к старшим. Мне часто приходилось, выдавая рецепты, узнавать фамилию больной у окружающих. Человеку, не понимающему осетинской жизни, невозможно дать верное толкование этому обычаю¹⁶. Хорошая невестка, в свою очередь, пользуется уважением со стороны старших: всякие эксцессы сдерживаются в их присутствии: не достоин уважения тот из старших, который позволяет себе при невестке говорить непристойные слова даже по отношению к другим. Когда невестка входит в комнату, где сидят старшие члены семьи, то последние в знак уважения должны приподняться. Невестка им ничего не говорит, но молча, легким кивком

¹⁶ У д[окто]ра Пфафа («Этнологические исследования об Осетинах», стр. 12) этот обычай ошибочно истолкован: «...женщины, – пишет он, – часто совсем не знают своей фамилии»^{XVII}.

головы опускает взор к земле и приостанавливается, как бы прося их сесть; окружающие понимают ее без слов и садятся. Пробежали годы, и замужняя осетинка захаживает к родственникам, к соседям смелее; появляется на кладбище во время поминок, посещает дома, где есть покойник, а иногда едет с подругами в соседнее селение, в дом покойника, выражать свое соболезнование. Муж-осетин редко бьет свою жену, а если и есть такие, то окружающие знают их и резко осуждают. Иногда, возвращаясь с похорон, осетинки запаздывают, и их застигает ночь в дороге. Не вооруженный осетин на их месте боялся бы быть ограбленным каким-нибудь искателем приключений из осетин или из ингушей, но женщинам это не страшно. Они хорошо знают, что их никто не тронет: кто захочет покрыть свою голову вместо славы позором.

Когда женщины проходят мимо сидящих мужчин, даже глубоких стариков, то последние встают, приветствуя их. Женщины застенчиво приостанавливаются, и если среди них есть старуха, то она довольно громко благодарит их за внимание и просит сесть. Затем продолжают свой путь. Сколько бы ни сидело мужчин, все до единого встают, если проходит даже одна женщина. Когда молодой всадник встречается со старыми женщинами, то долг его соскочить с лошади еще до тех пор, пока не поравнялся с ними, пропустив их мимо себя, и потом снова сесть и ехать дальше. Перед женщинами пожилыми все мужчины моложе их должны стоять и оказывать всяческие почести, как старшим. Правда, юридически женщина у осетин не имеет никаких прав на все то, что имеется в хозяйстве; при жизни мужа все находится в его власти, а после его смерти переходит к старшему сыну. Фактически старуха-мать является полновластной хозяйкой, и редкий сын решится предпринять что-нибудь без ее ведома, без ее совета.

Если в доме после смерти мужа нет взрослых, то старшинство принадлежит ей до тех пор, пока не подрастут сыновья,

коим принадлежит все хозяйство. Сказанного было бы недостаточно, если бы я не упомянул еще о так называемом *накехе* (ир. *начъех*, диг. *наекъех*), выкупе у магометан. Дело в том, что если осетинке-магометанке (у христиан этого нет) при выходе ее замуж часть выкупа родители записывают на ее имя, в ее полную собственность, то это делается на тот случай, когда она получит развод у мужа. Обыкновенно она получает *накех/начех* или деньгами (200–400–500 рублей), или животными (коровами). Если она толковая женщина, то старается всячески увеличить *накех*, т. е. деньги отдает на проценты, за коровами хорошо следит, и всякий прирост является ей своего рода процентом за труды. *Начех* по наследству переходит к женской линии. Бывает, что *начех* передается в пользование мужу, тогда жена имеет юридическое право на сумму своего *начеха* при разводе с мужем. При разводе опять первый голос принадлежит мужу. Но не без того, чтобы муж не считался с родными жены. При согласии на развод надо быть осмотрительным и не давать как-нибудь, наобум: это явление довольно оскорбительно для родных жены и последние отнесутся к нему только тогда спокойно, когда мотивы, побудившие мужа на такой печальный шаг, очень вески.

На основании сказанного будет понятно, если скажу, что случаи развода у осетин довольно редки: из 100 семей развод встречается в одной. Причиной развода бывает прежде всего и чаще всего бездетность, а затем уже редкое непонимание супругами друг друга. Очень редко можно встретить развод по инициативе жены, но это все-таки бывает тогда, когда муж никуда не годится ни как человек, ни как хозяин, ни как общественный деятель. В таких случаях она совещается многократно с братьями и уходит к себе, в родительский дом. Уход такой оскорбителен для мужа настолько, что с ним перестают совершенно считаться и говорят тогда, указывая на него: «Вот тот, у которого жена отняла себя – *“йæ ус йæхийы кæмæн байста, уый”*».

Всматриваясь в разноречивые условия, в которые поставлена осетинская женщина, хочется спросить себя, почему осетинка так бесправна или, вернее, малоправна? Ответом на заданный вопрос может быть только истинное понимание жизни осетинской семьи. Последняя собой представляет как бы одно органически неразрывное целое, в котором отдельные члены неустанно трудятся над тем, чтобы созидать семью. Конечно, раздел бывает и у осетин, но мать, как главный цемент, скрепляющий семью, всегда остается с одним из братьев: какой бы она ни была неуживчивой, ей все-таки не жить самостоятельной жизнью.

Отделившиеся дети до самой смерти не теряют связи с семьей, во главе которой осталась мать. Уважающие себя дети постоянно спрашивают о ее жизни и не позволяют никому обидеть ее, не допускают того, чтобы она голодала или была неприлично одета, обута. Единственный сын при жизни отца может отделиться от него, если отец и сын не сходятся друг с другом, но никогда не бывало, чтобы мать и сын отделялись. Несомненно, сын не был бы таким ответственным лицом, если бы обычай наделил мать какими-нибудь юридическими правами, и ей при правах жилось бы несравненно хуже среди диких наших предков, у которых сила была правом. Теперь про осетинку можно сказать: в ее бесправии ее право.

ЗАНЯТИЕ У ОСЕТИН

Главное занятие у осетин составляет земледелие. В ряду земледельческих растений первое место занимает кукуруза, которой средним числом в конце прошлого столетия жители Владикавказского округа собирали около 107.587 четвертей ежегодно¹⁷.

Второе место по количеству полученного зерна занимает пшеница (41.302 четвер[ти])^{xviii}. Затем следует ячмень (16.836 четвер[тей]), просо (12.565 чт.), овес (5.806 чт.), яровая пшеница (5.413 чт.), наконец, рожь (1.144 чт.), далее следуют картофель, фасоль. В горах преимущественно сеют ячмень, реже пшеницу, овес и картофель. Что касается форм земледелия в горах и на плоскости, то они в каждом из этих двух случаев различны и следует несколько остановиться на этом.

В земельных угодьях всех родов горцы наиболее внимания обращают на пахотные участки. Для того чтобы их создать, приходится затрачивать немало труда и энергии. Участки, ближайšie к дому, подготавливаются к пахоте раньше, так как доставка на них перегноя менее затруднительна. Но более отдаленные пахотные участки в большинстве случаев расположены очень далеко на крутых склонах гор, требуя невероятных усилий.

Начиная с зимы горец со своей семьей подготавливает пахотные участки, и спустя 1–2 месяца участок покрывается небольшими кучами навоза, который в таком виде остается

¹⁷ Терский сборник за 1892 год, ст[атья] Евг[ения] Максимова «Осетины»^{xxi}.

целую зиму. Когда зима кончается и снег начинает таять на склонах гор, горец приступает к разбрасыванию навозных куч. Участок к тому же предварительно очищается от камней, что является также большим бременем для осетина. Собранные камни часто идут на огораживание ближайшего участка. Но прошел снежный или каменный обвал, ливень или бурный весенний поток, и снова засоряется земля, сносится почва и посев, и весь гигантский труд совершенно бесследно исчезает для горца. При таких условиях сельскохозяйственного труда в горах усилий отдельной личности было недостаточно для обеспечения своего материального благосостояния. Даже небольшая семья была бессильна в борьбе с суровыми условиями жизни и труда. Благодаря этому, между прочим, у горских осетин должна была сложиться *родовая община*^{XX}, которая и является господствующей до сих пор.

Общинное владение у плоскостных осетин видоизменено русским правительством по типу казачьих станиц и существенно отличается от горской родовой общины. Земельный надел каждого плоскостного осетинского селения составляет его неотъемлемую принадлежность и находится в общинном владении всего его селения. Распространяться дальше о подробностях общинного землевладения я не буду, так как такое описание имеется у Г. Вертепова¹⁸.

Обрабатывает осетин-горец земельный участок и до последнего времени довольно простым способом: запрягает одну пару быков, прикрепляет к ним небольшой деревянный крюк, на который надет лемех, и, обходя свой участок, попеременно, то с одного края длинника^{XX}, то с другого, царапает землю на 2¹/₂ вершка. Соху, *дывыр*, осетин обыкновенно сам приготовляет, а лемех, в виде заостренной лопатки из железа, заказывается у местного кузнеца. Плоскостные осетины обрабатывают свои

¹⁸ Терский сборник за 1902 год^{XXI}.

поля более культурным способом. Еще лет 10–15 тому назад, да и теперь изредка, можно было встретить на плоскости на пахотных участках по 8–9 пар быков, запряженных в тяжеловесные плуги, *гутон*, заменившие допотопную соху. Эти плуги были тоже местного изделия, но отличались более сложным устройством. Такие плуги уже не всякий осетин мог сделать, появились специалисты, которые изготавливают их за известное вознаграждение.

Большая сложность плуга заключалась в том, что спереди лемеха шел вертикальный узкий нож, который рассекал землю; справа же приделывалась, тоже в вертикальном направлении, доска, которая выворачивала лоскуты земли, отрезанные вышеописанным приспособлением. К тому же плуги забирают землю гораздо глубже – 4–5 вершков. Теперь редко можно встретить осетина, который бы не обрабатывал свои поля современными усовершенствованными плугами. При обработке поля все дело сводится к тому, чтобы разрыхлить землю и уничтожить всякую сорную траву. А для этого вспаханное поле подвергается дальнейшей обработке боронами разного типа, *похци*. Ими же раздробляются большие вывороченные пласты земли и одновременно вырываются корни растений, предотвращая, таким образом, их дальнейший рост, а главное – закрываются зерна, чтобы птицы не поклевали их. Обыкновенно засеет каждый осетин свое поле сам. Для этого осетин берет с собой продолговатую четырехугольную *тауен*, корзинку, сеялку, перебрасывает ремень через правое плечо так, чтобы корзинка висела на левом боку, на уровне пояса, правой рукой забирает из корзинки горсть семян, левой придерживает корзинку и отбрасывает рукой несколько кзади, описывая ею полукруг кпереди. Выброшенные с размаху семена рассыпаются впереди сеятеля на расстоянии $1\frac{1}{2}$ –2 саженой. Сеятель идет дальше вперед равномерными медленными шагами, засевая все новые и новые участки поля.

Проходят 2–3 недели, и осетин снова боронит поле, опять для того, чтобы вырвать сорную траву или, в случае густого всхода, удалить и часть посева. Бывает, что одно поле осетин боронит два-три раза, а иногда и больше, смотря по тому, что посеяно и каково время года: дождливое оно или сухое, а в зависимости от этого, богато ли травами или бедно. Когда уже посев достаточно велик, с $\frac{1}{4}$ арш[ина] высоты, то осетин не станет боронить свое поле, т. к. хорошо понимает, что неподатливый ствол всхода будет легко ломаться, и тогда он сапает^{xxiii} поле мотыгами, *рувентсе* [ед. ч. *рувсен*], когда посеяна кукуруза, или же собирает руками сорную траву, когда посеяно какое-нибудь другое хлебное растение. Очистив таким образом свои вспаханные участки, осетин предоставляет их в дальнейшем воле Провидения.

Кукурузу, *нартхор*^{xxiv}, осетины, живущие на плоскости, собирают так: очищают початки от листьев, отламывают от ствола и бросают в приготовленные корзинки, а затем полные корзинки несут к *кьуту*, сапетке, род большой плетеной корзины, приделанной к арбе. Солому же мнут ногами и оставляют в поле. В последнее время редкий осетин не воспользуется соломой при современном недостатке в сенокосных участках и при значительном увеличении скотоводства. Собранный кукурузу привозят домой и складывают в большие сапетки, где она и сушится целую зиму. По мере надобности сухие початки бросают на особые грубо сплетенные с дном и боками подставки, молотильники, *нартхорхойсен*, и начинают бить с двух сторон поочередно большими палками. От каждого удара сухие зерна легко отскакивают и сыплются через щели на дно подставки на землю. Ныне во многих домах плоскостной Осетии имеются специальные машины кукурузомолотилки. Другие хлеба осетин или жнет серпами, или косит косой. Серпы и косы теперь почти всюду фабричного производства. Собранный хлеб некоторое время лежит на поле копнами, а затем

собирается в гумна, *мустæ* [ед. ч. *мус*], и по мере надобности молотится. Ввиду своеобразного способа молотбы у осетин я позволю себе несколько остановиться на ней. На гумне предварительно подготавливается довольно большой круглый участок около 6 саженой земли в диаметре, и затем на весь этот круг набрасываются развязанные снопы с копен в несколько слоев. После этого 8–10 голов крупного рогатого скота привязывают друг к другу за шею веревкой и пускают по означенному выше кругу со снопами. Скотину, ближайшую к центру круга, легко привязывают к воткнутому здесь столбу и погоняют их. Роль погонщиков обыкновенно исполняют юноши, которые с криком и пением, кувыряясь в хлебе, шагают за скотиной. Скотина идет и дробит ногами солому, выбивая сухие зерна; на обязанности погонщиков лежит также следить зорко за скотиной, иначе она может загадить хлеб, в таких случаях мальчишка ловко подхватывает горсть соломы, быстро подбегает к скотине, подняв хвост, и предупреждает возможность загрязнения хлеба.

Когда видят, что колосья уже без зерен, то заканчивают молотбу. Теперь все зерно лежит под соломой. Скот, усталый от кружения, отводят в тень и приступают к дальнейшей чистке.

Крупную солому снимают вилами, а сильно размельченную солому и шелуху отделяют, подбрасывая лопаткой зерна высоко. До этого момента включительно главная, ответственная работа лежит на осетине, а все остальное, т. е. последовательная чистка зерен вплоть до мельницы включительно, лежит на обязанности женщины. Случается, что осетинки принимают участие и в полевых работах, но это не повсеместно и только в тех семьях, которые очень бедны рабочими руками.

Скотоводство у осетин составляет по важности вторую отрасль промышленности. В последнее время скотоводство достигло значительных размеров, особенно на плоскости:

подъезжая к осетинскому селению на плоскости, можно видеть несколько больших табунов, принадлежащих одному селению. Обзаводятся плоскостные осетины преимущественно крупным рогатым скотом, в горах же преобладает мелкий рогатый скот. Объясняется это, по-моему, тем, что знойное лето, изобилующее всякого рода мухами и оводами на плоскости, плохо переносится мелким рогатым скотом, да к тому же мелкий скот более подвижен и приспособлен для гор. Этой отраслью промышленности главным образом занимаются мужчины: они приобретают скот, они же кормят, поят и, в случае нужды, продают или режут его. Скот пасется обычно тремя отдельными табунами: лошади, крупный рогатый скот и мелкий рогатый скот. Для каждого из них требуется табунщик (пастух) – *фыййау*^{xxv}, который или нанимается обществом за 200–100 рублей в год, или же члены общества сами стерегут по очереди. У осетин пасту стадо может только мужчина. Пастух считается ответственным лицом и, в случае пропажи, отвечает перед потерпевшим тем, что возмещает стоимость скотины.

Каждая семья утром чуть свет должна вручить пастуху весь свой скот, и с этого момента до ранних сумерек, когда пастух пригоняет стадо близко к селу, он один является ответчиком за пропажу. К этому времени всякий домохозяин или кто-нибудь из его домочадцев обязан пойти и принять обратно врученный утром скот, иначе, в случае пропажи после пригона, пастух снимает с себя всякую ответственность. Ввиду трудности передвижения в горах осетины разводят ослов, которые горцам несут огромную службу: на них возят муку, дрова и, если далеко, воду.

В связи со скотоводством стоят два промысла: изготовление осетинского сыра и сукон. Осетинский сыр, *цыхт*, пользуется на Кавказе общео известностью, и приготовление его широко распространено. Лучший сыр изготавливается в верховьях реки

Терека и известен под названием кобинского. Вообще лучший сыр получается в горной полосе.

О том, как осетинки готовят сыр, я уже говорил выше (см. «Пища у осетин»). Высоко достоинство молока, которое дают коровы, пасущиеся в горных местностях, покрытых альпийской растительностью. Сыр осетины часто и охотно употребляют в пищу, но некоторая часть его идет и на продажу.

Садоводство у осетин стало развиваться только в последнее время и то, главным образом, на плоскости. Что касается качества фруктов на плоскости, то оно столь высоко, что не оставляет желать лучшего, несмотря на малый уход за фруктовыми садами. Оллагирские груши и яблоки получили всероссийскую известность. Ныне всякий мало-мальски мыслящий осетин старается сажать фруктовые деревья, и, несомненно, через каких-нибудь 10–15 лет вместе с распространением образования проникнут в среду осетин и сведения по садоводству, и вся плоскостная Осетия покроется большими фруктовыми садами. Многие осетины и теперь без труда получают по 600–900 рублей годового дохода за аренду своих фруктовых садов. Из фруктов разводят различные сорта яблок и груш. Кроме этого, встречаются шелковица, вишни, алыча, кизил, хорошие сорта слив и немного калины.

Огородничество у осетин развито слабее, чем садоводство. Но и оно стало в последнее время значительно разрастаться. Примеры жителей ближайших немецких колоний и города заразили в этом отношении осетин, и они стали сажать у себя картофель, фасоль, помидоры, огурцы, дыни, арбузы, тыкву и т. д. Правда, не все перечисленные овощи получили одинаково широкое распространение, но возделывание картофеля настолько распространено, что смело можно говорить о промышленном характере его. Много тысяч пудов картофеля вывозится на продажу и по качеству относится к лучшему сорту. Из других огородных продуктов почти ничего не идет

в продажу. Многие овощи, требующие умелого ухода, не дают еще осетину хорошего урожая и служат преимущественно для домашних надобностей и то на летнее время, так как сохранение их на зиму или на более значительный промежуток времени требует умения со стороны хозяев и хозяек. Уход за огородом, главным образом, лежит на осетинке. Плодородная почва обильно родит всякого рода овощи и при сколько-нибудь умелом уходе осетин имел бы всего вдоволь не только для своего обихода, но и свободно мог бы сбывать значительную часть излишка урожая. В настоящее время проникающие в среду осетин культурные проблески вызвали в ней стремление к обновлению жизни на новый, лучший лад, осетин перестал гнушаться торговли: материалистический век захватил и осетин в свои железные когти, и они стали жить его интересами. Наравне с культурным человеком осетин начал поклоняться «золотому тельцу». И ныне осетин всеми силами старается обставить себя и свои жилища с внешней стороны как можно привлекательнее, как можно богаче. Словом, деньги нужны, и надо их добывать по мере сил и возможностей. В настоящее время слово «купец» осетин выслушивает с некоторым почтением, ибо связывает его с понятием о богатстве.

Птицеводство также стало развиваться в последнее время. Особенно много разводят индеек, гусей, кур и уток. Часть идет для домашнего употребления, другую часть отправляют в город для продажи. Высокая цена на птицу заставила осетинок более серьезно относиться к этому, до сих пор маловажному, промыслу. Заслуга добывания денег птицеводством принадлежит исключительно хозяйкам, ибо что за мужчина осетин, занимающийся уходом за птицей; такой осетин не достоин почета и уважения со стороны односельчан.

Изготовление сукон лежит почти исключительно на женщинах. Осетин стрижет овец и шерсть отдает осетинке. Последняя взбивает ее особыми взбивалками (наподобие слабо натянутого

лука) и после из взбитой шерсти прядет нитки веретеном. Стоит сказать несколько слов об осетинском веретене; оно имеет вид слегка заостренной вниз палочки, величиной с безымянный палец взрослого мужчины. На верхний головной конец надевается в виде шапочки деревянное колеско, уплощенное снизу и выпуклое сверху; надевается колеско так, что из середины его глядит верхний конец палочки веретена, который заканчивается крюком для зацепки нитки. При работе веретеном женщина, обычно стоя, слегка выставляет вперед правое бедро, ладонью правой руки придавливает часть веретена ниже шапочки к бедру и быстрым движением к себе рукой приводит в вращательное движение его. Для черкески таких веретен ниток нужно много. После того как осетинка напярла достаточно пряжи, она устанавливает несложный станок и приступает к тканью сукна. По качеству своему кавказские сукна и, в частности, осетинские пользуются повсеместно заслуженной славой.

Далее достойно внимания выделывание бурок и войлочных шапок. На рогожу накладывают на глаз слой очищенной и взбитой шерсти; затем все взбрызгивают водой и, смоченную таким образом шерсть начинают катать. Смотря по величине войлока, требуется для катанья одна, две, три женщины. Во время этой процедуры женщины стоят на коленях и катают смоченную шерсть, загибая ближайший конец и накладывая пластом одну часть на другую. При этом все женщины заставляют скользить верхний пласт над нижним, а для этого они легко и быстро передвигают кистью и всем предплечьем по верхнему пласту, вследствие чего верхний пласт скользит по нижнему; от этих движений происходит беспорядочное и прочное сплетение между собой отдельных шерстяных волокон. Время от времени приходится смачивать пласты войлока, и вышеописанная процедура разминания пласта шерсти продолжается 4–5 и более часов. Смотря по тому, насколько

добросовестно обрабатывалась шерсть, качество войлочных производств бывает разное. Из войлока готовят бурки и верхние шляпы.

Кавказские, именно кабардинские, бурки хорошо известны в России и за границей. Осетины изготавливают бурки среднего качества, хотя встречаются бурки и высокого качества. Вся ценность бурки сводится к следующему: а) она не должна пропускать влаги, б) [должна] быть легкой и с) иметь средней длины шерсть на наружной стороне (на внутренней стригут коротко).

Тесемка, алдымбыд, и галуны, хæрдæ. Производство тесемок и галунов одинаково, разница только в том, что берется для работы: простая нитка или серебряная или золотая. В первом случае получается тесемка плоская или круглая, во втором случае – галуны. Самый процесс работы очень интересен: на концах каждого из десяти ручных пальцев надеваются нитки, концы которых зажаты в левой руке помощницы. Последняя держит в правой руке деревянный или чаще костяной, хорошо отполированный, нож. Первая женщина быстро перемещает нитки с пальцев одной руки на другую и наоборот, отчего происходит переплетение ниток в руках второй осетинки, последняя при этом производит удар деревянным или костяным ножом между нитками, и этим движением скрепляет переплет ниток. Иногда такое скрепление производится просто ладонью плашмя. В зависимости от того, как переставляют нитки с пальцев одной руки на пальцы другой руки, получаются то круглые, то плоские тесемки.

Окраска сукна. Временами осетинке приходится красить изготовленные сукна. Красят преимущественно в коричневый или черный цвет.

Чтобы окрасить в коричневый цвет, поступают так: а) сначала воду кипятят и бросают туда смæг, медный купорос^{xxvi}. Когда остывает первая краска, кладут туда сукно на один час. Затем

сушат. После еще раз подогревают краску, опять смачивают в ней сукно и опять сушат; б) готовят сажевую воду и кипятят ее; снимают котел с огня и несколько остуживают, после чего туда кладут сукно. Час лежит сукно в сажевой воде, после вынимают и сушат. После сушки моют. Последнюю процедуру проделывают три раза, при этом обязательно после каждой сушки моют в воде; с) в горячую воду бросают *хьырмыз* (анилиновая краска) и моют напоследок в этой воде. Далее сушат и опять моют. После всего сукно окрашивается прочно в коричневый цвет.

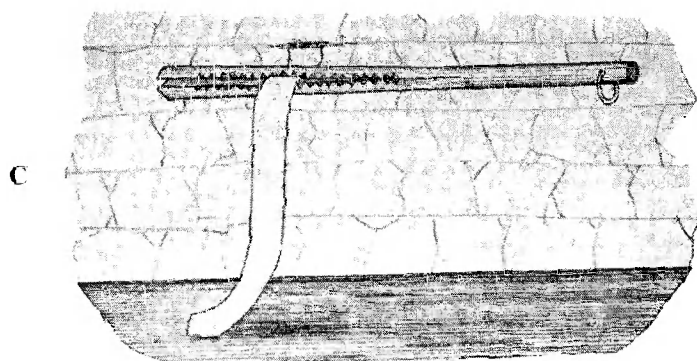
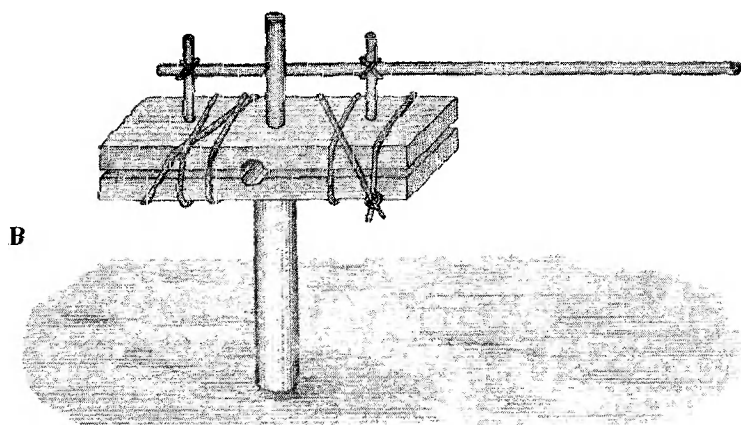
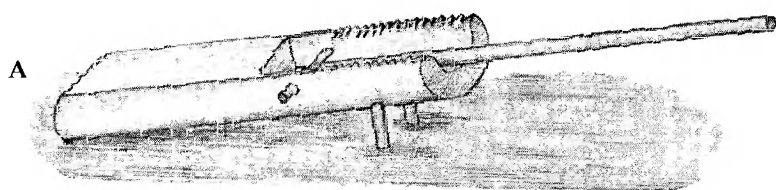
Окраска в черный цвет: а) собирают ольховую кору и сушат, б) бросают высушенные корки в воду и долго кипятят. Затем корки вынимают и бросают в тот же котел с медным купоросом, после чего получается краска, и в эту разведенную горячей водой краску кладут сукно, но уже не кипятят. В таком виде сукно остается на 12 часов. Вынимают. Сушат, опять моют в текущей воде, и сукно становится черным.

ОБРАБОТКА ОВЕЧЬИХ ШКУР И КОЖ ДЛЯ ТУЛУПОВ

Время от времени осетинкам приходится обрабатывать овечьи шкуры для того, чтобы шить из них тулупы. Не лишена интереса процедура обработки. Вот она: [чтобы сделать] *æлдыгъ*^{XXVII} (название смеси), в кислую сыворотку всыпают пшеничные отруби и соль. Когда эта смесь постоит некоторое время и в ней начинается брожение, бросают туда свежие овечьи шкуры. Шкуры там лежат около двух недель; после их вынимают и обсыпают молотым солодом на сутки. Затем их промывают в воде и сушат. Напоследок мнут их особым деревянным, примитивного устройства, аппаратом *наерв*¹⁹ до тех пор, пока шкурки не делаются мягкими, белыми и легкими. После всего этого работа над шкурами закончена, и осетинка может тепло одеть на зиму своих близких.

Тулупы шьют шерстью внутрь. Тяжелая часть работы, разминание, производится исключительно мужчинами. Чтобы было понятнее то, каким образом достигается размягчение шкур, я тут же вкратце опишу указанный выше аппарат. Стоит он из двух частей: из рукоятки и ствола. В стволе, в передних двух третях всего длинника, выдолблено углубление, на краях которого делаются зазубрины. В углубление вставляется толстая часть рукоятки, которая в задней части углубления укрепляется палочкой, продетой через весь ствол и кон[ец] рукоятки. Рукоятка на нижней, обращенной ко дну углубления, поверхности усеяна параллельными поперечными, на 3—4 сантиметра друг от друга отстоящими, зазубринами.

¹⁹ См. рис. А.

Вот этими-то зазубринами и разминаются шкуры при их обработке.

В заброшенных уголках горной Осетии мне приходилось видеть на улице для общего пользования и другой аппарат, но более сложного устройства²⁰. Две толстые доски (до 8 сантиметров каждая), наложенные одна на другую, надеты на ось, зарытую в земле на уровне пахового сгиба, и вращаются то в одну, то в другую сторону. По обеим сторонам от осевого отверстия на внутренней стороне имеются углубления круглой формы, края которой обсажены также зазубринами. В оси имеется отверстие довольно больших размеров. Через него продевается кожа, оба конца которой складываются в углублении, доски накладываются одна на другую, обвязываются крепко веревками и, при помощи горизонтальной палки, весь несложный, в сущности, аппарат вращается попеременно то в одну сторону, то в другую. Часа через 2–3 работа заканчивается, кожа становится мягкой и пушистой. Другой, более примитивного устройства, аппарат²¹ употребляется для обработки небольших, тонких пластов кожи. Этот аппарат представляет [собой] небольшую, в диаметре 3–4 сантим[етра], палку длиной с аршин, расколотую до половины с одного конца. Каждая из расколотых половин по краям усеяна мелкими зазубринами. Один конец кожного пласта плотно прикрепляется, другой свободно свисает. Кожный пласт ущемляется означенной на рисунке ущимкой и у места прикрепления поворачивается на 90° вокруг горизонтальной оси, затем, крепко держа ущимку с обеих концов, тянется до свободного конца.

Ввиду того, что для обработки шкур и кожи требуется грубая сила, то этим занимаются исключительно мужчины. Для этих занятий обычно избирается время, свободное от полевых работ.

<...>

²⁰ См. рис. В.

²¹ См. рис. С.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Из всех проявлений жизни осетинского народа народная медицина – наименее разработанный отдел.

Ни у одного автора нет сколько-нибудь удовлетворяющих ответов на вопросы, касающиеся народной медицины осетин. Если где-либо и встречается упоминание о медицине осетин, то это о той части народной медицины, которая исключительно охватывает болезни, происшедшие вследствие наваждения злого духа. Что касается другого отдела народной медицины, к которой относятся все болезни, так или иначе проявляющиеся какими-нибудь внешними, видимыми на глаз признаками, например переломы, вывихи, поранения, язвы, нарывы и другие болезни, о них, можно сказать, почти нет никаких сведений в литературе.

Народная медицина у осетин распадается на два больших отдела. Один из этих отделов занимается лечением болезней, возникших вследствие наваждения злого духа или посланных богами в наказание людям; сюда относятся все острые инфекционные болезни, как то: скарлатина, корь, оспа, дифтерит, краснуха, тифы: брюшной, сыпной и возвратный. Далее к этой же категории относятся эпилепсия и вообще все формы мозговых болезней, ревматизм, простуда всякого рода и все формы поражения глазного яблока, послеродовые инфекции, воспаление легких, почек и другие внутренние болезни. Борьба с перечисленными болезнями или лечение их сводится главным образом к заклинанию, причитаниям и жертвоприношению животного во имя какого-либо божества^{xxviii}. Богом всех сыпных болезней *Сырх-Аларды* посылаются болезни на детей – то в одну, то в другую семью, смотря по степени греховной жизни

родителей. Если болезнь протекает легко, то и отношение к *Сырх-Аларды* самое простое, т. е. обещают всего-навсего три пшеничных лепешки, но в тех случаях, когда болезнь имеет тяжелое начало и обнаруживается помраченным состоянием во время высокой температуры, то обещаниям не бывает конца. Обычно в таких случаях хотят умилоустивить бога тем, что дают обет принести в жертву быка, барана и т. д.

В громадном большинстве случаев этим способом лечения занимаются женщины, изредка и мужчины.

У постели больного ребенка сидит, не отходя, какая-нибудь из женщин, мать ребенка или бабушка, которая время от времени повторяет в тяжелых случаях: «Тебе, *Сырх-Аларды*, табу», а в тяжелых случаях считает нужным говорить: «*Нывонд дын фæуæд нæ гал, нæ фыс*»^{xxix} и т. д., т. е. пусть обетован будет тебе наш такой-то бык, баран и др., и при этом точно отмечает тот или другой признак одного из домашних животных. После сказанного домашнее животное, которое имелось в виду, становится собственностью божества и рано или поздно должно быть заколото во имя этого божества. Обет, конечно, дается в том смысле, что животное заколется только тогда, когда ребенок выздоровеет. Таким образом, божество, если желает получить обетованное, должно стараться поправить ребенка, в противном случае пусть не ждет никакой жертвы.

Все вышеперечисленные сыпные остроинфекционные болезни находятся под непосредственным заведыванием *Сырх-Аларды*, а главенство над сыпными и всеми другими болезнями принадлежит творцу вселенной единому Богу, *Хуыцау*. Поэтому осетинки обращаются в конце концов к поддержке самого главного Бога *Хуцау*. Обращение же к *Хуцау* в самом начале болезни – излишнее беспокойство: ведь назначил же *Хуцау* заведующим над отдельными отраслями в своей неизмеримо широкой деятельности угодных ему св[ятых] лиц, и религиозный долг всякого верующего в Его всемогущую силу

обращаться с молитвами к тому великому святому, в чьей власти находится данная болезнь.

Болезнь в таких случаях называется именем того бога, кто ею владеет. Но осетины, не будучи в состоянии ориентироваться в различных формах сыпных болезней, обозначают часто группу болезней одним именем, например, большинство сыпных болезней называются *дзуарами*, хотя это название обычно применяется к оспе. Нельзя, однако же, не отметить того, что у осетин есть стремление разграничить сыпные болезни: мы видим следующие названия отдельных сыпных болезней: *дзуар* – оспа, *фадынег* – корь, *Сырх-Аларды* – скарлатина, *дон-хабуз* – ветряная оспа, *хъуырниз* – вообще горловая болезнь, дифтерит в частности.

Каждый осетин при заражении какой-нибудь из перечисленных болезней смотрит на больного как на лицо, находящееся под непосредственным и неотступным наблюдением того или иного святого. А поэтому для благополучного избавления от болезней необходимо вести себя благоговейно, чинно, ничем не осквернять его святого присутствия, не думать и не произносить неподобающих слов, не работать, в особенности не держать в той комнате, где больной, ни самовара горячего, ни утюга. Но отчего могут происходить эти болезни? Кроме общих, обычных прегрешений перед единым Богом, *Хуцау*, бывают прегрешения и против отдельных божеств, например, в день св[ятого] *Уаццлла* не помолился ему должным образом; в таких случаях, хотя бы эти божества и не имели непосредственного отношения к посланной болезни, могут люди заболеть то корью, то скарлатиной, смотря по силе эффекта, которым богам угодно проявить себя в каждом отдельном случае. Лекарями в таких случаях являются *деснытæ* [ед. ч. *десны*]²² – знахари, знахарки, чаще последние, которые сразу узнают, какая в данном случае причина, т. е. какое

²² *Десны* – это значит вообще ученый, в частности знахарь, знахарка.

божество постаралось наказать данное лицо, семью. Долг каждого такого лекаря указать больному и путь искупления своего прегрешения.

Смотря по тяжести болезни и по игривости фантазии знахарки или знахаря, эти пути бывают разнообразны:

1) говорят легковерному пациенту, чтобы он зарезал годовалого барана с белым пятном на лбу, кровь зарыл глубоко в землю, мясо раздал 10 бедным, из шерсти сделал войлочную подстилку и на ней посидел;

2) зарезать черную курицу, кости и кровь зарыть в землю, перья вложить в подушку, на которой лежит голова больного, а суп и мясо съесть больному в три приема;

3) сделать три пшеничные лепешки, захватить одну бутылку араки, один новый носовой платок с 20 копейками серебром, завязанными в одном из концов платка, и приехать в такой-то день к нему, знахарю, на дом. Знахарь берет все, молится сам, съестное, *араку* и платок с деньгами оставляет себе, а родственник больного или сам больной отправляется домой.

При этом для больного еще не имеется определенного ответа: необходимо, чтобы платок с деньгами пролежал под подушкой одну ночь, и тогда только сила высшего найдет на знахаря и он будет знать точно, что нужно делать больному, чтобы избавиться от болезней. Во всех случаях, при условии строгого исполнения предписанных лекарем способов, больному обещают окончательное излечение. Но время идет, предписанное исполняется во всей строгости, а некоторые больные все-таки умирают, и неугомонные родственники осмеливаются выразить свое нерасположение к лекарю; у последнего для таких случаев есть готовые заранее ответы, и он сам начинает нападать на такого смельчака, упрекая его в том, что он, наверное, халатно отнесся к святым предписаниям.

Сплошь и рядом виновными оказываются пациенты, причем последние сами начинают верить в свою виновность,

вспоминая, как когда-то или неточно исполнялось предписываемое, или относился с недостаточным доверием к сказанному знахарем. Кроме вышеупомянутых болезней, есть еще целый ряд болезней: эпилепсия, истерия, бездетность, различные психозы, которые являются, по понятиям осетин, вследствие наваждения злого духа, т. е. дьявола; последний проникает в тело человека и производит то или другое из перечисленных болезней. Лечение этого рода болезней находится во власти некоторых мусульманских мулл и сводится к следующему: больного приводят к мулле, последний пишет раствором шафрана на клочке бумаги молитву из Корана и заставляет выпить воду, в которую предварительно кладет бумагу с молитвой. Во время этого больные впадают в какое-то возбужденное состояние и выкрикивают бессмысленные слова и фразы. Мулла этого и ждет: вооружившись пером и бумагой, начинает записывать эти слова, которые, по словам муллы, обозначают имена дьяволов, поселившихся в данном субъекте. Самая главная цель быть в состоянии записать всех дьяволов, потом отделаться легко: надо только сжечь эту бумагу, и конец как злым духам, так и болезням. Но беда в том, что нельзя иногда заставить больного сказать имена всех живущих [в нем] дьяволов, поэтому не всегда удается излечить такого рода больных.

Все, видевшие момент сжигания имен злых духов, говорят, что с больными творится нечто неопишное: они бросаются, кричат до изнеможения с пеной у рта и, наконец, обессиленные, впадают в обморочное состояние.

В момент самого сильного возбуждения, по словам муллы, черные силы покидают тело человека. К этому способу лечения относятся с большим доверием как магометане, так и христиане.

Лечение бездетности двоякое – так сказать, божественное и физическое. Первое сводится к жертвоприношению или

посвящению трех пшеничных лепешек во имя какого-либо божества; второе – к целому ряду беспорядочных манипуляций в нижней части живота: большими пальцами сильно надавливают в области яичников и производят движения вверх и вниз, и это повторяют несколько раз подряд; то начинают давить концами пальцев в области мочевого пузыря, то в области крестца, то поворачивают больную на бок, то сажают, то заставляют лежать с резко поднятым тазом и ногами. Все это делается до тех пор, пока лекарь не найдет свою миссию законченной. Во время такого массажа с некоторыми делается дурно, до такой степени он мучителен; некоторые мне жаловались, что они вот уже 4 года не могут избавиться от болей после лечения у такой лекарки, другие, наоборот, расхваливают и говорят, что после трехнедельного лечения они вошли в положение и благополучно родили.

Лекарки-гинекологи – исключительно женщины, но их очень мало: в двух-трех селениях не больше одной, и надо ездить к ней не просто [так]: необходимо захватить с собою пшеничные лепешки, араки, вареную курицу и деньги, смотря по состоянию и по роду болезни от 5–10 руб. до 50–70 рублей. После того как все средства использованы, больные отправляются к врачу.

Надо тут оговориться, что женщины неохотно показываются врачам-гинекологам, вследствие сильно развитого чувства стыда перед мужчиной. К счастью, в последнее время все реже и реже встречаются такие лица, наоборот, с каждым годом число женщин, обращающихся к врачам-гинекологам, все более и более увеличивается. Особенно резко осуждали еще недавно родильницу ее подруги, когда она рожала в присутствии врача.

Ныне обращение к врачу с просьбой принять роженицу^{xxx} считается фактом большой важности, недоступной всякому, и об этом говорят с завистью; хотя в горах, да и на равнине еще много женщин, которые скорее умрут от родов, чем

пригласят к себе врача-акушера; к акушеркам охотнее обращаются, но и питают меньше доверия.

Небезынтересным представляется распознавание способов лечения в каждом отдельном случае при помощи измерения шелковой лентой длиной 3–4 локтя. Обыкновенно этим занимается лекарка. Она берет шелковую ленту и, засучив рукава выше локтя, начинает ее мерить. Мерит три раза. Причем каждый раз получается разный остаток, то больше, то меньше, бывает и так, что остатка вовсе не получается. В последнем случае прогноз безусловно благоприятный, в противном случае назначается один из вышеописанных способов жертвоприношения или посвящения пшеничных лепешек во имя того или другого божества.

Откуда берутся некоторые болезни?

У осетин есть легенда о черте, которого один умный осетин перехитрил и заставил служить себе и, «надо отдать справедливость», он служил добросовестно и был предан своему господину.

Бывало, что черта посылают за водой, и «надо было видеть тогда» (говорится в легенде), с какой необыкновенной осторожностью он черпал воду: сидит, ждет часами, пока черпнет воды, потом опять ожидание и т. д.

На вопрос, почему это он так поступает, черт каждый раз отвечал, что в воде очень много болезней и что только небольшие порции ее чисты, каковые порции он и выбирает.

Таким образом, народная мудрость чувствует, хотя и не понимает, что через посредство воды получают многие болезни. Но все-таки, если *Хуцау* не угодно, то никакие болезни ничего не сделают человеку.

Но есть целая категория болезней, среди них имеются и некоторые из вышеописанных, которые могут насылаться на отдельных лиц или на целые семьи особыми людьми, известными под названием *калменганег*.

Последние обладают какой-то таинственной силой и могут употреблять ее во зло другим или по своему желанию, или просто когда их подкупают другие по соображениям личного характера.

При этом *каланганаги* могут сделать свое злое дело даже и на расстоянии, но тогда необходимо^{xxxI} в самых тайных закоулках дома лица, которому желательно причинить неприятность, спрятать следующие предметы в виде маленького свертка: обрезки человеческих ногтей, волосы человека, закрытый на ключ замок, куски каких-то тряпок и кожи. Все эти предметы, вместе взятые, носят название *каелентасе*. Бывает, что для этой же цели вырезают волосы, части носильного платья и т. д.

Какие болезни можно получить при посредстве *каланта*? Болезнями, которые можно получить благодаря постоянному присутствию в доме *каланта*, нет конца. Особенно приписывают *калантам* такого рода болезни: внезапная потеря речи, зрения, слуха, судороги, параличи – словом, все то, что случается сразу.

Лечение во всех подобных случаях такое же, как и раньше [описано]. Случается, что знахарки или знахари назначают изредка лечение настоями трав, при этом состав трав держится в строгой тайне. Но и в этих случаях знахарки предварительно видят сон и во сне необходимый для данного случая состав трав. Далее, кроме перечисленных способов лечения, при означенных выше болезнях прибегают и к такому средству: больному вдруг заблагорассудилось выпить браги или наесться полусырого теста особой осетинской кислой каши, и это, раз больной желает, оказывает, по мнению осетин, благоприятное действие на ход болезни.

Есть целая категория болезней, которые возникли оттого, что на человека плохо посмотрел чей-то завистливый глаз, – как говорят, сглазил кто-то. Лечение и в таких случаях может быть как божественное, так и лекарственное. Заслуживает

внимания лечение кровопусканием. Осетины охотно подвергают себя и поныне этой операции. Стоит только подняться высоко температуре, как осетин просит выпустить ему кровь. Обычно в каждом селении есть два-три человека, которые научены этому искусству или кем-нибудь из своих предков, или оно является просто благоприобретением.

С аналогичной просьбой осетины обращаются и при всякого рода сильных головных болях. У многих с течением времени приобретается привычка и появляется потребность к повторным кровопусканиям: «Если я ежегодно не пускаю крови, — заявляют некоторые осетины, — я несчастный человек, так как не смогу тогда избавиться от головных болей, или настроение пропадает на долгие месяцы». Инструментом для кровопускания служит крохотный металлический, сильно заостренный, топорик, который постоянно носят такие лица с собой в газырях. Пускают кровь при головных болезнях из *vena frontalis*^{xxxii}, при всякого рода повышении температуры из *vena cephalica* или из *vena basilica*^{xxxiii} на руке.

Кроме того, осетины любят кровопускание с насечками после предварительного действия рогов, сухие банки.

Перехожу к другому большому отделу медицины осетин. Сюда относятся: переломы, вывихи, дисторзии^{xxxiv}, ожоги, поранение огнестрельным и холодным оружием, фурункулы, зубная боль, насморк, конъюнктивиты, туберкулез костей, кожи и др. Этот отдел почти исключительно находится в ведении знахарей и лекарей, и здесь, в качестве лечебных средств, преобладают травы над всеми другими методами лечения.

Собрать травы очень трудно, так как знатоки их всячески стараются не посвящать в свои тайны посторонних лиц, какими особенно являемся мы, врачи, их противники; с другой стороны, таких знатоков очень мало теперь на равнине, и мне пришлось для собирания трав специально выехать в горы, где мне посчастливилось близко сойтись с нужным в этом отношении

человеком, Мирзабеком Фидаровым. Человек он толковый, и на него мне все указывали как на лучшего знатока трав. Почти все знатоки трав, так же как и знахари вообще, получают свои познания по наследству или от отцов, или от матерей, бабушек или дедушек. Мне удалось собрать 20 различных видов трав. Привожу ниже их названия на осетинском, русском и латинском языках²³, а также способ употребления их.

Ризеджы хос. Полынь [горькая]. *Artemisia Absinthium L.*

Трава эта употребляется в мелко изрубленном виде в настоях на араке. Настаивается 2–3 суток и затем дается по 1 рюмочке 2–3 раза в день.

Употребляется против болотной лихорадки.

Цъахгæр. Окопник. Живокость. *Symphytum Asperinum Sims.*

Употребляется при переломах, считается лучшим из всех существующих средств.

Достают корень этой травы, обильно соскабливают ножом и намазывают соскоб на полотно. Получается клейкая масса в виде небольшого слоя на полотне, и этим обвязывается переломанная конечность.

Повязка крепко пристаёт к телу в случаях перелома, как говорят осетины, в противном случае отклеивается на второй, третий день. Повязка оставляется по мере надобности 3–5–6 недель и снимается только тогда, когда сама повязка отстанет от тела. Это явление, по уверению осетин, совпадает непременно с окончательным срастанием переломанных концов.

Æхсынæны хæд. Подсолнечник [*Helianthus L.*]

Мелко изрезают кожицу и мякоть подсолнечника, бросают в араку на 1–2 суток. Полученный настой принимается при болотной лихорадке по 1 рюмке 1–2 раза в день.

²³ Названия некоторых растений мне не удалось определить на всех вышеуказанных языках, и их привожу на том языке, на котором определил^{xxxv}.

Къусбын. Белена. *Nyoscyamus niger* L.

Применяется против зубной боли.

Зрелые семена белены бросают на раскаленные угли и во время горения их держат опрокинутый медный таз над дымом до полного сгорания семян. Затем, быстро удалив таз, наливают в него немного кипятку, и над парами держат раскрытый рот, голову же прикрывают шалью. Поверхность воды, по уверению осетин, покрывается вскоре мелкими черными червячками из больного зуба.

Цесты низы хос. [Первоцвет снежный.] *Primula nivalis* Pall.

Пыль от листьев этой травы употребляется при конъюнктивитах.

Проводят мякотью одного из пальцев по листу, и после этим пальцем касаются конъюнктивы больного глаза. Вскоре вслед за этим появляется сильное жжение, сопровождаемое слезотечением. Боль продолжается несколько минут и затем утихает; конъюнктивa при этом наливается кровью, и появляется отек век. Спустя 1–2 дня болезнь, по уверению осетин, исчезает раз навсегда.

Цефы хос. Древей, Тысячелистник. *Achilleo Millefolium* L.

Высушенные листья и цвет превращаются в порошок, и им посыпают гноящуюся рану. Рана быстро очищается и гранулирует.

Бæхы рагъы хос. *Anstone albaia* Ster.

Листья растираются в порошок, и им присыпается рана.

[?Скъæлдзой] [Полюнь ромашколистная.] *Artemisia chamaemelifolia* Vill.

Листья и стебелек превращаются в порошок; им присыпают гноящиеся раны.

[?Цъамалæг.] [?Маун. Валериана.] *Valeriana sisymbrii folia* Dest.

Листья высушиваются, превращаются в порошок, и им посыпается гноящаяся рана. Рана быстро гранулирует и заживает.

Бур дидинсег. Лютник. *Camunculus polyanthemus L.*

Цвет и листья высушиваются, превращаются в порошок, и им посыпается гноящаяся рана. Наступает быстрое гранулирование и заживление раны.

Кислородчик. *Tragopogon sp.*

Корень и листья сушатся, превращаются в порошок. Гноящаяся рана при лечении этим порошком быстро заживает.

[Къаднизы хос.] Горечавка. *Gentiana septemfida Poll.*

Свежую или сухую горечавку кипятят с водой некоторое время, затем студят, процеживают, и водой этой ежедневно обмывают раны.

Хорошо действует при гноящихся ранах.

Дугъысыф. Подорожник. *Plantago maior L.*

Свежий лист кладут на фурункул, вследствие чего происходит быстрое созревание его и вскрытие.

[Галы 'взаг.] Коровяк. *Verbascum orientale M. B.*

Порошок из листьев, цветов или корней убивает червей в ране и способствует быстрому заживлению раны.

Богородская трава. *Thymus serpyllum L.*

Порошок из листьев и цветов быстро очищает рану от гноящих отделений.

[Володушка серповидная.] *Vupleurum falcatum L.*

Сухие листья и цветы растираются в порошок, и им присыпают гнойные раны. Способствует быстрому заживлению ран.

Тъупгенаг. Дурман. *[Datura L.]*

Листья дурмана употребляются и в сухом, и в свежем виде; порошком из листьев посыпают рану, после чего происходит скорое заживление. Свежий лист растирают и соком

поливают рану, которая на глазах очищается. Больные ощущают сильное жжение.

[Ахсыраг.] Молочай. [Euphorbia]

Употребляют сок для лечения гноящихся ран.

Нуры. Чеснок. [Allium sativum]

Берут мелко изрубленную луковицу и кипятят с молоком. Остудив молоко, дают больным чахоткой по одной маленькой рюмке 1–2 раза в день; средство это, по уверению осетин, хорошо помогает.

Бырц. Перец, красный, черный. [Piper L.]

Смешивают с медом, месят некоторое время и вливают туда же араки, затем всю смесь кипятят. Жидкость студят и дают по 1 рюмке в день при глистной болезни и при всякого рода вздутиях живота.

Еуу. Просо. [Panicum L.]

Просяной солод жуют некоторое время и затем, вынув изо рта, прикладывают при пузырьчатых дерматитах к пораженным участкам кожи.

Маенæу. Пшеница. [Triticum]

Пшеничный саман с солью всыпают в большой котел с водой и кипятят с час, затем наливают горячую воду в широкую бочку, туда кладут скамейку, и на нее сажают больных ревматизмом. Больного покрывают одеялом и заставляют сидеть до тех пор, пока выдержит. Желательно повторить эту процедуру 2–3 раза.

Такой способ лечения применяется также при всякого рода отеках тела и шанглоте у мужчин, но только с другой травой, по-осетински называемой *тымбыл хъонтхора*²⁴, по-русски не удалось определить.

²⁴ [Кориандр посевной. Кинза.] Coriandrum sativum L.

Хъэбсэрхор. Ячмень. [Hordeum L.]

Ячменная мука всыпается в кислую сыворотку *хуырх*, и эта смесь кипятится на медленном огне до получения жидкой каши. Эту кашу намазывают на холст и прикладывают к запятым участкам между складками кожи, в сутки 1 раз.

Картоф. Картофель. [Solanum tuberosum L.]

Ожоги лечат картофельным соскобом, прикладывая свежий соскоб к больному месту. Тут же упомяну о другом способе лечения ожога:

Берут 10 яичных желтков и медленно кипятят на огне. При этом получается сок, который и применяется для вышеуказанной цели.

Ладан

Продажный ладан смешивают с медом, солью и маслом. Смесь кипятят некоторое время. По охлаждении смесь прикладывают к гноящимся ранам. Последние заживают скоро, по уверению осетин.

Вот все то, что мне удалось собрать относительно лечения у осетин травами, растительными камедями.

Перехожу к другим способам лечения болезней, названия которых привожу ниже.

Жук из рода Paederus, сем[ейства] Staphylinidae

Мусы маэдзыг ловят и бросают в небольшую склянку, в которой уже собрано некоторое количество слюны, взятой натощак. Там насекомое остается 1–2–3 дня. Затем насекомое со слюной берут и растирают между пальцами и намазывают больное место. Рекомендуется повторить 3 раза, причем каждый раз надо брать новое насекомое и не мыть пораженный участок кожи. Так лечат всевозможные экземы.

Анурия. При задержке мочи дают больному с пищей божью

коровку. Средство это действует, по уверению осетин, быстро и непременно.

Свежие раны лечат присыпкой солью или прикладывают паутину. Последняя считается хорошим кровоостанавливающим средством.

Бальнеотерапия

Лечение водами среди осетин довольно распространено и пользуется большим доверием. Малейшее исхудание, побледнение истолковывается как чахотка, и таких лиц стараются немедленно направить на знаменитый Цейский ледник, находящийся от урочища Св. Николая (по Военно-Осетинской дороге) приблизительно в 17–18 верстах. Местность лежит над уровнем моря на [высоте] 7000 футов.

Местность покрыта вечными снегами. Снега эти дают начало реке Цейдон, которая впадает в Ардон, приток Терека.

Лечение заключается в том, что больные идут к реке Цейдон и купаются в ней у самого ледника. Температура воды здесь не бывает выше + 2, + 3° в июне и июле месяцах.

Больные стараются высидеть в реке по возможности дольше, причем и пьют воду. Результаты такого лечения для чахоточных бывают благоприятными, благодаря пребыванию в безупречно чистом горном воздухе, жизни вдали от домашних хлопот и семейных тревог. Да к тому же больных здесь никто не станет упрекать в том, что они следят за своим желудком и заботятся о нем. Случаи выздоровления поддерживают и поныне добрую славу реки Цейдон как целительницы.

На основании слов больных можно сказать, что многие из посещающих, часто без разбора, эту местность возвращаются в худшем состоянии. Причина этого явления заключается в том, что среди приезжающих больных некоторые страдают малокровием, другие сифилисом, а иные даже и ревматизмом.

Другое место, у истоков реки Ганалдон, называется *Кармадон [Хьсермедон]* (Теплый источник). Местность также лежит высоко над уровнем моря и покрыта вечными снегами. Отличается от предыдущего источника противоположными качествами и своим резким контрастом с окружающими ледниками, поражает умы приезжающих больных: источник вытекает из-под ледника до такой степени горячим, что немислимо купаться; поодаль от начала источника, где температура воды достигает 33°, можно выдержать некоторое время. Народ считает полезным и пить воду; «характерно, – говорят больные, – что сколько бы ни пить этой воды, ни разу не замечаешь вздутия живота». На вкус вода горьковата и отдает серой. Здесь так же, как в предыдущем случае, контингент больных один и тот же: туберкулезные, ревматики и всякого рода малокровные. Результат лечения ревматиков в Кармадоне несравненно лучше, и этот источник издревле пользуется у осетин заслуженной славой. Туберкулезные здесь имеют те же благоприятные климатические условия, что в Цейдоне; а купанием в горячей воде ревматики почти все получают если не исцеление, то, во всяком случае, значительное облегчение своих недугов. Что касается малокровных, то они также получают большое облегчение благодаря пребыванию в горном климате, как известно благоприятно отражающемся на такого рода больных.

Ежегодно число посещающих Цейдон и Кармадон резко увеличивается; между добровольно приезжающими много больных, посылаемых врачами, которые устраняют на своих больных дефекты народного способа лечения означенными водами.

Появились уже и в Цейдоне, и в Кармадоне деревянные постройки и лавчонки со съестными продуктами. Улучшение путей сообщения могло бы значительно увеличить посещаемость вышеозначенных источников, поднять материальное благосостояние близлежащих бедных аулов, а также способствовало бы развитию туризма. Туристы же могли бы наслаждаться

созерцанием живописнейших и величественнейших картин Кавказа.

Кроме перечисленных источников, есть ряд других, пользующихся меньшею известностью, но не потому, что они качеством стоят ниже, а потому, главным образом, что недоступны благодаря отсутствию удобных путей сообщения.

Вообще лечение водами у осетин пользуется большим доверием.

Для ванн осетины берут смесь разных трав²⁵ непостоянного состава, наливают их водой и кипятят с час, затем эту воду выливают в широкий таз или бочку, ставят туда скамью и сажают больного, обкладывая бочку теплыми одеялами.

В таком положении больного держат от полу[часа] до 1 часа, или сколько выдержит. Этот способ лечения применяется при сифилисе, ревматизмах и других неопределенного характера болях.

Способ лечения носит на осетинском языке название *кæрдæджытыл бадзын*, т. е. садиться на травах^{xxxvi}.

<...>

²⁵ а) *Тымбыл хъонтхора*. [Кориандр посевной. Кизза.] *Coriandrum sativum* L. Одна из трав, которая при ваннах действует целительно; б) *Залгъед*. *Азалия*. *Asalea pontica* L.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее научно-популярное издание вошла этнологическая часть труда М. А. Мисикова «Материалы для антропологии осетин» (Одесса, 1916). Специальные биологические и медицинские главы, а также компилятивные материалы в издание не включены. «Что касается истории и географии Осетии, то представляемый очерк имеет компилятивный характер», – пишет М. А. Мисиков. Издавая свой труд вдали от родины, делая его доступным для читателя, незнакомого с Осетией, автор предупреждает, что был вынужден воспроизводить общие места из предшествующей литературы. По прошествии целого столетия не осталось никакого смысла в тиражировании безнадежно устаревших описаний.

Этнологический раздел книги был назван автором «Этнографические сведения об осетинах». В качестве авторского предисловия к настоящему изданию использованы не потерявшие актуальности отрывки из двух небольших начальных разделов книги – «Предисловие» и «Историко-географический очерк Осетии».

Текст печатается по единственному изданию 1916 г., осуществленному Новороссийским университетом в Одессе. Текст книги 1916 г. был издан в авторской редакции, то есть не подвергся необходимой издательской обработке. Подобный подход был обычным для университетского книгоиздания начала XX в. При подготовке настоящего издания все особенности стиля сохранены, однако понадобилась небольшая редакторская правка – текст приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации; в нескольких случаях в соответствии с контекстом в квадратных скобках восстановлены недостающие слова; в четырех случаях в соответствии со стилистической нормой переставлены слова внутри предложения; в четырех же случаях, специально отмеченных в примечаниях, пришлось удалить слово или заменить его в целях согласования.

Сокращенные в издании 1916 г. слова восстановлены в квадратных скобках.

В главе, посвященной народной медицине, в квадратных скобках приведены некоторые из недостающих латинских, осетинских, русских названий упоминаемых растений.

Осетинские термины приведены в соответствие с современными правилами осетинской орфографии и сложившейся традицией осетинско-русской конверсии (транслитерации). В тексте издания 1916 г. осетинские термины используются в их конвертированном варианте, в большинстве случаев они выделяются курсивом. Надо полагать, важнейшим условием, предопределившим такой подход, было отсутствие в наборной кассе одесской типографии специфических знаков осетинского алфавита. В тексте настоящего издания каждый термин, используемый впервые в именительном падеже или инфинитиве, переведен в осетинское написание, в случаях использования формы косвенного падежа или множественного числа осетинский вариант написания восстановлен рядом в квадратных скобках в именительном падеже единственного числа. Для полного единообразия оригинальная лексика выделена полужирным курсивом, а конвертированные осетинские термины – обычным курсивом.

Купюры показаны угловыми скобками.

В Приложении № 1 публикуется составленный М. А. Мисиковым «Производственный план Естественно-исторического отделения Осетинского научно-исследовательского института краеведения» (текст воспроизводится по подписанному автором машинописному оригиналу, хранящемуся в Центральном государственном архиве РСО-А, ф. Р-49, оп. 1, д. 593, л. 108–112).

В Приложении № 2 публикуются портреты М. А. Мисикова и его близких.

I. Перечень административных подразделений, между которыми была разделена территория Осетии, здесь неполон. Юго-западные окраины Осетии находились в составе Рачинского и Шаропанского уездов Кутаисской губернии.

II. Впоследствии закрепилась другая русская форма, произведенная от осетинского названия *Уæлладжыр/Уæллагир* – «Алагирское общество», однако используемый автором вариант также возможен.

III. «Общего этнического названия ни в прошлом, ни в настоящем у осетин не имеется» – распространенное поныне заблуждение, исходящее из использования осетинами двух диалектных (областных) самоназваний – «*ирон*» и «*дигорон*». При этом упускается из виду единое самосознание народа и тот непреложный факт, что в осетинском языке сохранилось древнейшее обобщающее самоназвание – «*аллон*». Нет ничего удивительного в том, что после гибели средневековой Аланской державы в обиходной речи на первый план вышли уточняющие областные названия жителей Аланского царства, делившегося на восточную (Ир) и западную (Дигор) половины. Как известно, в средневековом мире осетины были известны под именами «алан» (на Западе), «ас» (на Востоке), «яс» (в Восточной Европе), «ос» (в Закавказье). Слова же «Осетия» и «осетины» – русское изобретение XVIII в., когда после трех веков перерыва аланы вновь установили отношения с Россией. К тому времени русские успели забыть их славянское имя – «ясы» и, осваивая Кавказ, заимствовали грузинский вариант названия Алании – «Осети».

IV. Классические исследования В. Ф. Миллера – «Осетинские этюды» (Т. 1–3. М., 1881–1887), «Язык осетин» (на немецком языке – в 1903 г. Пер. с нем. М.–Л., 1962) и др.

V. Средней аксиллярной (от латинского *axillaris* – «подмышечный») линией в медицине называется линия, мысленно проведенная через середину подмышечной впадины по боковой поверхности грудной клетки.

VI. В издании 1916 г.: «мешгата».

VII. Мыщелками в анатомии называются входящие в состав сочленений выступы на расширенных концах трубчатых костей.

VIII. Высококачественная ткань из шерсти (изначальный смысл названия связан с шерстью южноамериканской ламы).

IX. В издании 1916 г.: «лыбжа», т. е. «*лыбже*» – по-видимому, это старая форма современного «*лывзе*», более близкая к кабардинскому названию блюда, заимствованному в осетинский язык.

X. В издании 1916 г.: «кулыг».

XI. В издании 1916 г.: «...стоят выборные старшины и его помощники».

XII. В издании 1916 г.: «переговора».

XIII. «Товарищ» в этом контексте, согласно русскому словоупотреблению начала XX в., означает «заместитель». Упомянутый заместитель («товарищ») шафера ниже называется также вторым шафером. Имеются в виду ритуальные роли, которые по-осетински именуются соответственно *кбухылхецег* и *семдзуарджын* (или *очил*).

XIV. Мулла в описываемой ситуации характерен лишь для мусульманского меньшинства, к которому принадлежало и родное селение автора. В православной осетинской среде все формальности совершал приходский священник.

XV. В издании 1916 г.: «...в весельях в его честь...».

XVI. Здесь приведена неточная цитата из следующего пассажа В. Б. Пфафа: «Формы обращения хозяина с гостем и гостя с остальными членами семейства совершенно аристократические, даже у простых мужиков. Уже многими замечено, что кавказские горцы, преимущественно осетины, какого бы происхождения они ни были, чрезвычайно легко и скоро свыкаются с формами обращения высших кругов европейского общества. Это объясняется именно тем, что у осетин сохранились до сих пор, как бы глубоко они ни упали в других отношениях, некоторые следы высочайшей цивилизации доисторических веков. Фразы и стереотипные поговорки при встрече гостей проникнуты каким-то гуманным духом и предупредительностью, совершенно не соответствующею свойственной осетинам грубости нравов. Из этого я именно заключаю, что подобная черта составляет остаток времен высочайшей нравственной цивилизации золотого века» (В. Б. Пфаф. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. Т. 2. Тифлис, 1872. С. 142–143).

XVII. Ссылка на В. Б. Пфафа сделана, видимо, по отдельному оттиску «Этнологических исследований об Осетинах», имеющему самостоятельную пагинацию. В типовом издании (см. примечание XIII) приведенные слова расположены на с. 91.

XVIII. Четверть – русская мера емкости для жидкостей, в сокращенном написании «чт.», равна 3,08 литра.

XIX. Упоминание «родовой общины» – вполне абстрактная дань родовой теории М. М. Ковалевского, долго господствовавшей в отечественном кавказоведении. На самом деле традиционная осетинская община – территориальная, соседская. Сегментом соседской общины была и родственная группа (фамилия), проживающая в определенном селении. К чести автора, когда речь идет о реальной жизни, он неизменно пишет о семье, фамилии, сельском обществе, поскольку не находит в Осетии никакой «родовой общины».

XX. Вышедшее из широкого употребления слово «длинник» означает протяжение в длину.

XXI. Имеется в виду статья: Максимов Е. Осетины: Историко-статистический очерк // Терский сборник. Вып. 2. Владикавказ, 1892.

XXII. Здесь, видимо, опечатка. В 1902 г. «Терский сборник» не выходил, четвертый выпуск вышел в 1897, пятый и шестой – в 1903 г. Возможно, имеется в виду статья: Вертепов Г. В горах Кавказа // Терский сборник. Вып. 6. Владикавказ, 1903.

XXIII. *Сапать* – рыхлить землю, от южнорусского слова «сапа» – кирка для земледельческих работ.

XXIV. В издании 1916 г.: «натхор».

XXV. В издании 1916 г.: «файау». Дело, однако, в том, что так называют только человека, пасущего мелкий рогатый скот. Пастух для крупного скота – *хьомгаес*, табунщик для лошадей – *блехгаес*.

XXVI. Здесь, видимо, ошибка с русским названием вещества. *Смаг* – железный купорос, название медного купороса – *цъаеххос*. Для того чтобы получить коричневый цвет, использовали, естественно, железный купорос.

XXVII. В издании 1916 г.: «уалдыг».

XXVIII. В издании 1916 г.: «...и жертвоприношениям во имя какого-либо божества животного».

XXIX. В издании 1916 г.: «Нывонд дын фод на гад, на фыс».

XXX. В издании 1916 г.: «...с просьбой для приема к роженице...».

XXXI. В издании 1916 г. далее следует лишнее слово «чтобы»: «...необходимо, чтобы в самых тайных закоулках...».

XXXII. *Vena frontalis* – лобная вена.

XXXIII. *Vena cephalica* и *vena basilica* – вены руки: соответственно, подкожная (головная) латеральная и подкожная (основная) медиальная.

XXXIV. Дисторзия – медицинское название растяжения связок сустава.

XXXV. Те из недостающих латинских, осетинских, русских названий упоминаемых растений, которые удалось установить при подготовке настоящего издания, приведены в квадратных скобках.

XXXVI. Буквальный перевод выражения «*кæрдæджытыл бадъи*» – «сидеть на травах».

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПЛАН
ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ОСЕТИНСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ**

Почти вся сознательная Осетия охвачена стремлением путем научных изысканий краеведческого характера поднять страну в отношении экономическом, хозяйственном и культурном. Выдвинутые жизнью требования перед заинтересованными работниками в области краеведения вначале не могут быть ясно осознанными и будут, естественно, носить характер ориентировочный, самобытный, но с течением времени по мере вхождения в гущу работы прояснятся туманности в плане деятельности и коллективными усилиями удастся наметить верные пути. В отношении предупреждения неправильности или отклонения в работе аналогичных государственных учреждений необходимо поддерживать между ними постоянный контакт в виде письменных сношений и прочее, т. е. иметь организационную увязку.

Продуктивность краеведческой работы О.Н.И.К. требует: 1) широкого вовлечения в краеведение могущих быть полезными трудящихся масс, организовав из них низовую краеведческую ячейку. Последняя должна иметь выработанные центральным органом программы и по ним собирать материалы, поступающие для целей научной обработки обратно в Осетинский научно-исследовательский институт краеведения; 2) наличия областной или окружной краеведческой организации, каковым является Осетин. научно-исслед. ин-т краеведения, ведущий определенную работу в областном масштабе и направляющий работу низовых краеведческих ячеек.

Задачи, которые ставит перед собой Естественно-историческое отделение О. н.-исслед. и-та краеведения, очень обширны и охватывают многие стороны сложной жизни Осетинской Автономной

Области. Часть вопросов, напр., геология, будут при рассмотрении выходить за пределы намеченной области, другая часть вопросов ограничится изучением Осетии, иногда попутно захватывая соседние области.

В отношении изучения Осетии подлежат освещению:

- 1) геологическое прошлое и ископаемые богатства;
- 2) флора;
- 3) фауна;
- 4) метеорологические условия;
- 5) медицина;
- 6) антропология (сюда же относится соматическая антропология);
- 7) ветеринария;
- 8) музейное дело;
- 9) издательское дело по программным вопросам;
- 10) кроме того, необходимо составить библиографический указатель литературы по осетиноведению.

Ввиду разнородности и многочисленности отраслей знания, подлежащих исследованию Естественно-исторического отделения, является необходимостью на первое время создать две секции, каковые по мере надобности могут быть увеличены и расширены, именно: 1. Геолого-ботаническую и 2. Медицинско-ветеринарную.

Детальный план работ каждой секции

I. Геолого-ботаническая секция будет занята изучением:

- а) горных пород в отношении их хозяйственной пригодности;
- б) почв в отношении морфологическом и физико-химическом;
- в) рек, озер, ключей, колодцев в смысле возможности их эксплуатации для питья, орошения, сплава леса, рыболовства, электрификации как движущей силы для мельниц, выяснением лечебного значения их и проч.;

г) болотистых мест области, их расположения и происхождения, как очагов размножения комаров, с целью определить их значение в распространении малярии;

д) оврагов, балок, пещер, их происхождения, состава стен, изучением того, нет ли в пещерах остатков доисторического человека и вымерших животных, местоположение их;

Ударными вопросами в отношении чисто геологическом должны быть изучение почв, рек, ключей, родников.

Изучение в первое время будет носить характер разведывательный (см. проект и смету по геологии проф. Панкова).

Проект должен быть пополнен особой сметой и программой исследования движущей силы вод для целей электрификации Осетинской Автономной Области, а также изучением болотистых мест Осетии для распознавания малярийных очагов.

2-я половина секции – ботаническая представлена проф. В. Раздорским в таком виде (см. проект и смету).

Ударным вопросом является изучение полевых культур (см. проект доц. В. Берг).

II. *Медицинско-ветеринарная секция* будет занята:

1) исследованием в отношении фаунистическом (см. проект сметы исследования, представленный проф. С. С. Туровым);

2) исследованием в отношении антропологическом. Тут особое внимание надо уделить антропологии дигорцев, иронцев и южных осетин. Работа в этом смысле должна охватывать, главным образом, соматическую антропологию. Последняя, не затронутая еще никем, будет в научном отношении представлять громадный интерес, особенно если выводы последуют из большого материала.

Далее, несмотря на ряд исследований черепов из древних могильников Кани, Саниба, Даргавса, Кобани и проч., следует предпринять несколько лет подряд экскурсии в эти районы в летнее время (2–3 мес.) для дальнейшего производства измерения не только

краниометрического характера, но и антропометрические, по программе международного соглашения антропологов 1906 и 1912 годов. Лица, кои будут производить только что упомянутую работу, должны заняться исследованием надземных могильников сначала в одной местности, потом, по мере накопления значительно материала, перейти в другую и т. д.

3) Далее необходимо собрать весь археологический и этнографический материал в горах и на плоскости Осетии для тщательной обработки при Осетин. н.-исследов. и-те краеведения.

4) Должны быть начаты систематические раскопки многочисленных курганов в Осетинской Автономной Области; раскопки до сих пор носили характер случайный или вовсе не производились.

5) Важно начать собирание материалов по устройству жилых и хозяйственных построек в Осетин. Авт. Области по определенной программе, каковую можно свободно поручить исследовательской группе, которая займется антропометрическими измерениями.

6) Необходимо немедленно же начать работу над выработкой медицинской научной терминологии на осетинском языке.

7) Следует также собрать материалы по изучению народной медицины в Осетии, дабы оттенить недочеты и вред ее, вести борьбу со знахарством, гадалками, муллами и другими обманщиками. Конечно, такое исследование представит большой научный интерес как самобытное явление у народа.

8) Крайне важно начать тщательное исследование курортных местностей в Осетии в отношении климатическом, целебных сил минеральных источников, в них находящихся. Следует, наконец, решить вопрос, какие курорты Осетин. Авт. Области полезны и именно для каких заболеваний. Врачи медицинской секции должны принять самое живое участие в изучении острых и хронических заразных болезней в условиях жизни Осетин. Автон. Области и всеми силами помочь Осетин. Отделу Здравоохранения в

борьбе с болезнями. Особое внимание надо уделить острым инфекционным заболеваниям, которые при почти полном отсутствии медицинских знаний, снимают свою обильную жатву среди детей. Недаром поныне осетины-родители не считают жильцами этого света тех из своих детей, которые не закончили полного цикла острых инфекционных болезней. Громадный вред приносят Осетии конституциональные болезни чахотка и сифилис, а также алкоголизм, – благодаря своеобразным условиям жизни осетинского народа.

В этом отношении можно многое сделать путем чтения лекций по селам, сопровождаемых световыми картинками и передвижными музеями и картограммами.

Особо надо выделить малярию, дающую почти 80 % заболевания и довольно значительный % смертности. Если принять во внимание то обстоятельство, что малярия в Осетии часто предрасполагает к туберкулезу, то понятно, как важно исследовать особо малярию и повести с нею энергичную борьбу, знакомя население области с этим злым роком болотистых мест, дабы осетины лечились вовремя и не истощали бы себя. Особая разведывательная комиссия из одного бактериолога и служителя должны начать порайонное исследование этой болезни с целью выяснить очаги заразы и местные причины к этому. Население, познакомившись с ролью комара анофелес в разносе болезни, может принять участие в борьбе с заразой.

Этой же секции надлежит выработать программу профилактических и санитарно-гигиенических мероприятий.

9) Необходимо заняться в медицинской секции изучением и ветеринарного дела в Осетии. Для этого следует сосредоточить всех ветеринарных врачей и их помощников в этой подсекции.

10) В первую голову тут должны быть выдвинуты такие неотложные вопросы, как изучение пироплазмоза (кровавая моча), далее сибирской язвы, чумы, туберкулеза, сапа и т. д., куриной

холеры и проч. эпизоотий в Осетин. Автоном. Обл., особенностей их течения и распространения в этой стране.

11) Важно путем особых исследований узнать районы, наиболее зараженные ими, и пути разноса заразы.

12) Следует обратить внимание на клеща, разносчика пироплазмоза, этого страшного бича рогатого скота, изучить его биологию, выделить наиболее действующий вид клеща.

13) Ветеринарной подсекции надлежит организовать разведывательную экскурсию из одного ветеринарного врача, терапевта и бактериолога на предмет выяснения больных хронической формой пироплазмоза путем поголовного исследования крови у всего рогатого скота определенного района.

14) Это важно: а) для выяснения района, пораженного пироплазмозом, б) для производства противочумных прививок, как известно, дающих при наличии в крови пироплазмоза громадный % гибели скотины, что дискредитирует ветеринарную врачебную помощь в глазах населения.

15) Эта группа врачей произведет и запишет клинические наблюдения над больным рогатым скотом, так мало еще изученным.

16) Широкое распространение сапа, ящура, туберкулеза, сибирской язвы крайне опасно как для скотины, так и для людей, потому крайне желательно изучение их в отношении особенностей проявления этих заболеваний в Осетин. Автоном. Области, написав о них специальные, научно-популярно составленные, брошюры и листовки.

17) Немаловажным вопросом для Осетии является вопрос зоотехнический: изучение домашних животных в отношении их продуктивности и полезности в хозяйственном обиходе имеет громадное значение, т. к. выясняет, какой скот наиболее соответствует местным условиям в смысле работоспособности, молочности, мясистойности.

18) Исследования в указанном направлении нужно поручить

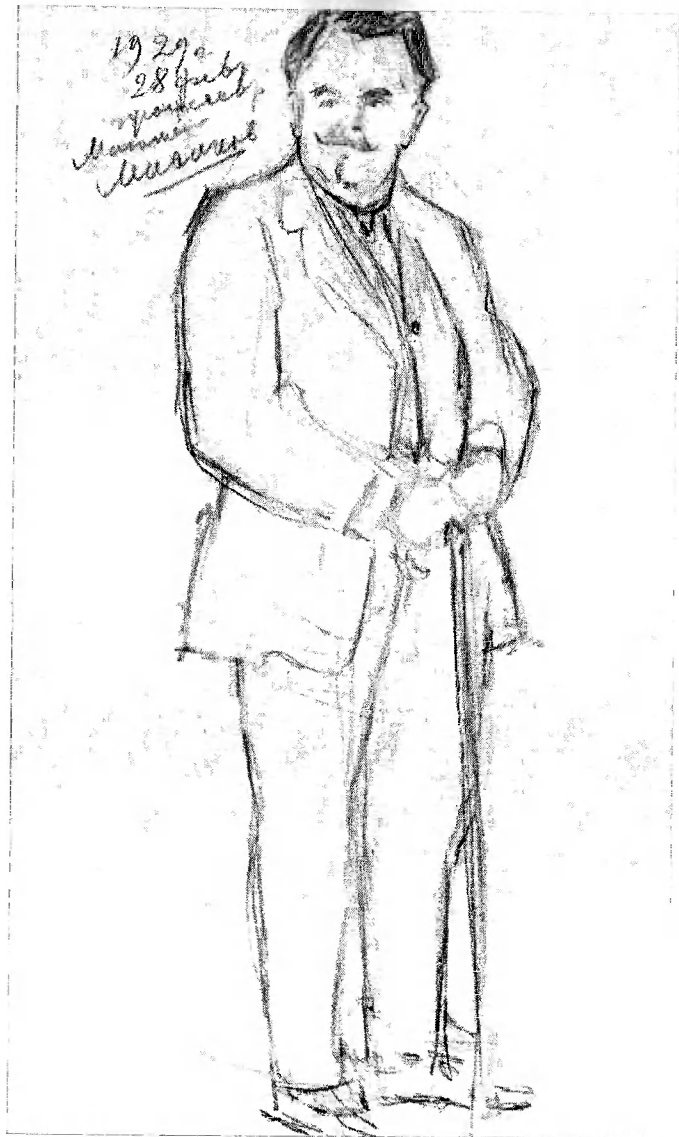
агроному-животноводу и ветеринару-зоотехнику. Они производят исследования в 2-х густо населенных пунктах горной и плоскостной Осетии.

19) Как результат этой работы должна быть забота об улучшении породы: а) путем разведения в чистоте и б) путем скрещивания.

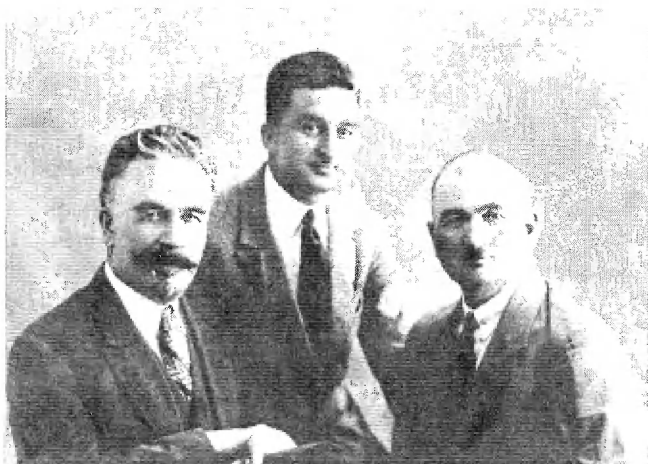
Зав. Естественно-историческим отделением М. Мисиков

[Владикавказ, апрель 1925 г.]

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

*Карандашный портрет М. А. Мисикова,
сделанный Махарбеком Тугановым 28 февраля 1929 г.*

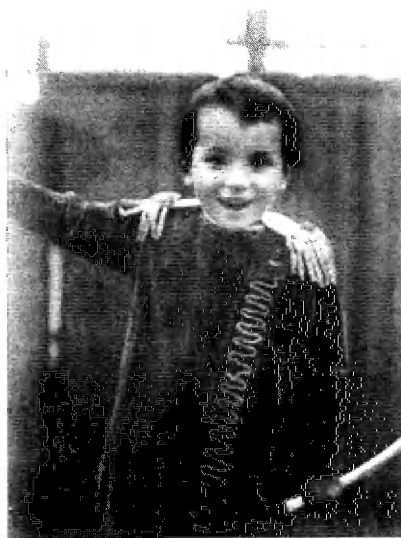
М. А. Мисиков с родственниками Бимболатом (Борисом) и его сыном Сосланом (Валентином) Мисиковым

М. А. Мисиков с родственниками. Слева направо стоят: Ахмат Мисиков (брат Магомета), Саукудз Козырев (муж его сестры) и Елимурза Мисиков; сидит: Крым Мисиков

М. А. Мисиков с сыном Георгием

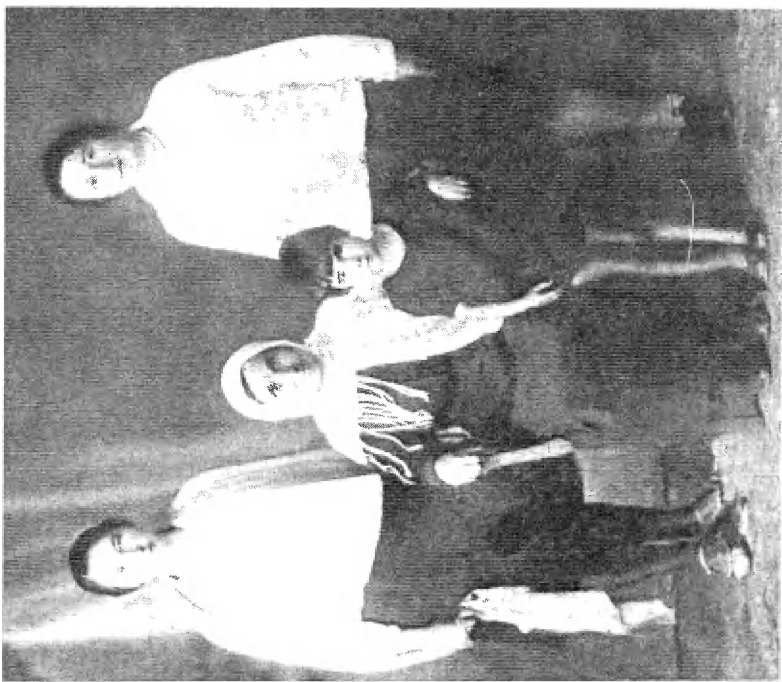
Георгий в детстве

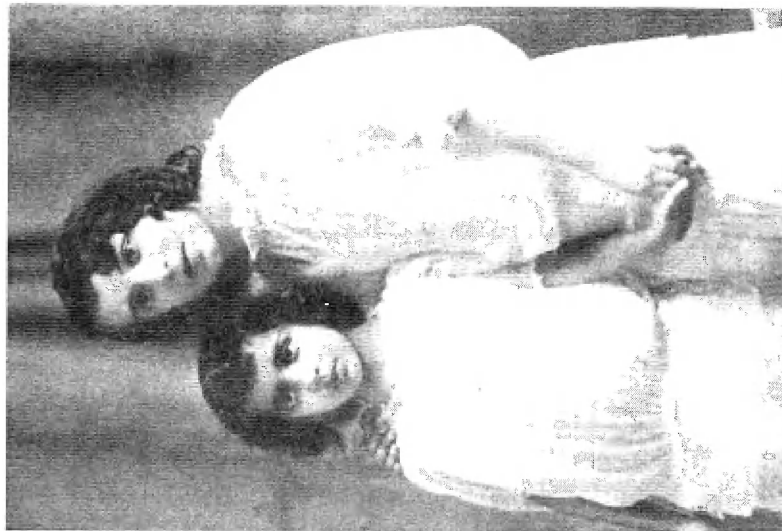
Георгий (Жорж) Мисиков

М. А. Мисиков с женой Ф. М. Газдановой

*Сестры М. А. Мисикова Годта Мисикова-Козырева
с дочерьми и внучкой*

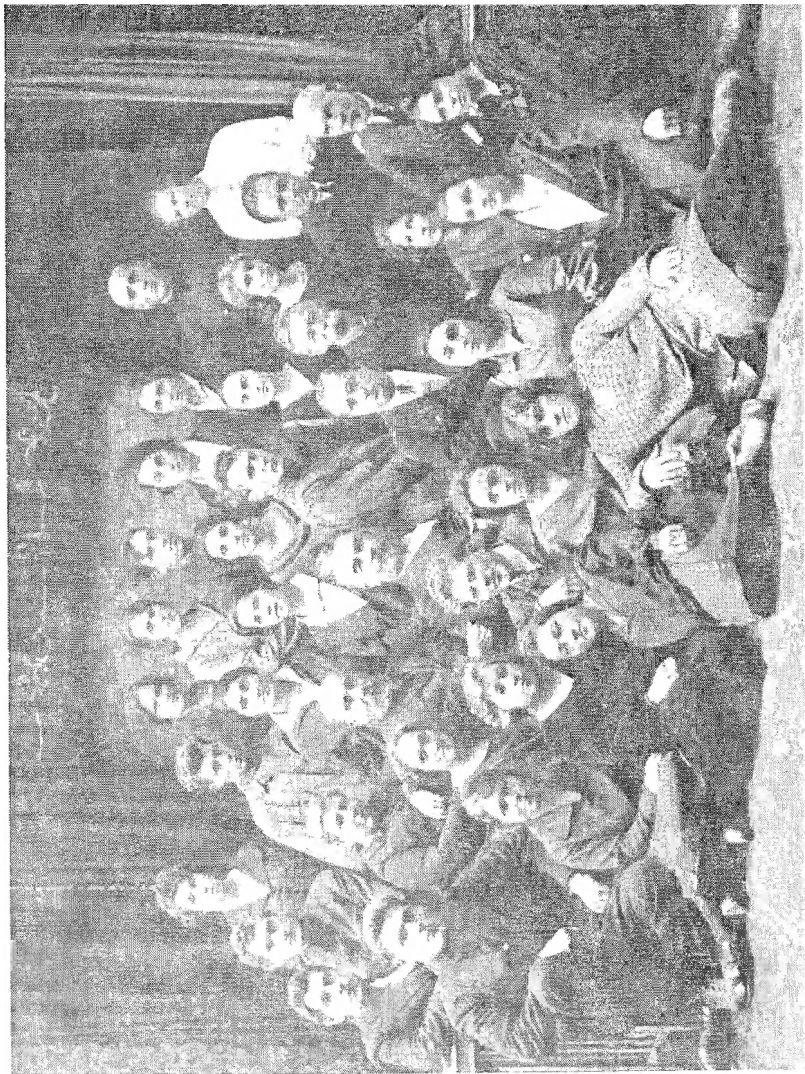
*Подчерницы М. А. Мисикова (дочери Ф. М. Газда-
новой) Фатима (справа) и Зарифа Хетагуровы*

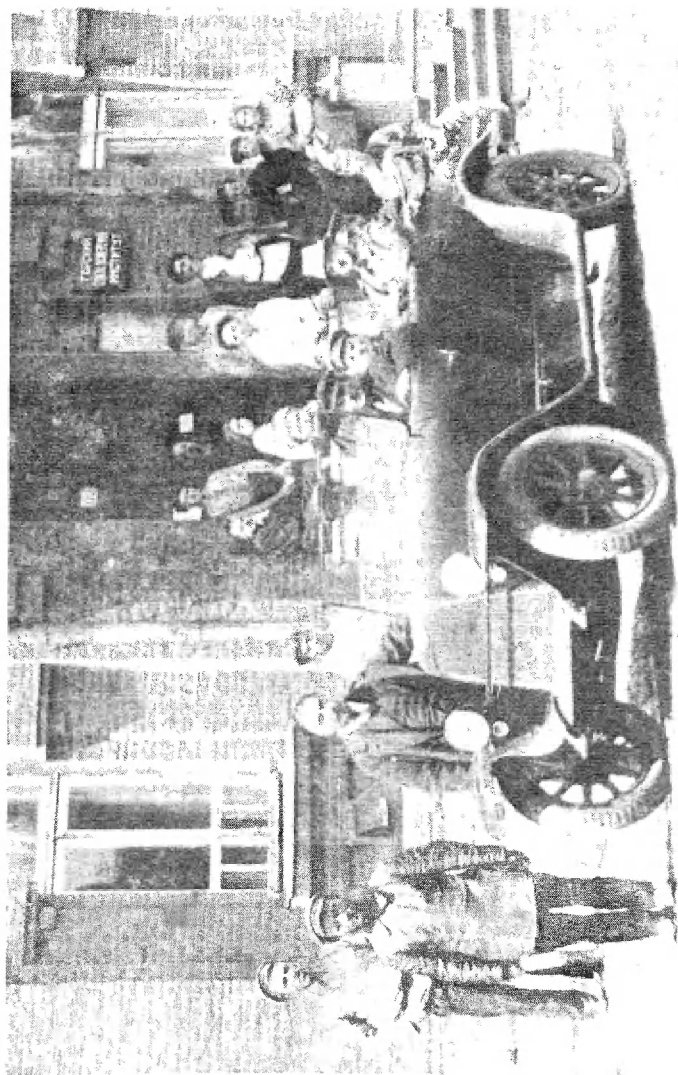
Исследователи осетинского языка и культуры, завершившие работу над Осетинско-русско-немецким словарем В Ф. Миллера. Слева направо сидят: И. Собиев, Ц. Амбалов, А. Фрейман, М. Гарданов, стоят: М. Мисиков, Г. Бекоев, Г. Дзагуров, Г. Гуриев

*М. А. Мисиков (в центре) среди членов бюро секции научных работников
Владикавказского отделения профсоюза работников просвещения («Работрос»)»*

Профессор М. А. Мисиков (в центре) среди преподавателей и студентов педагогического

М. А. Мисаков (стоит у автомобиля) после пленума бюро секции научных работников Северо-Осетинского отделения «Рабпрос». Горский сельскохозяйственный институт. Владикавказ, 1929 г.

Изъ Института Нормальной Анатоміи при Медицинскомъ
Факультетѣ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ АНТРОПОЛОГИИ ОСЕТИНЪ.

Диссертація на степень доктора медицины

М. А. МИСИКОВА.

ОДЕССА - 1916.

Титульный лист книги М. А. Мисикова «Материалы для антропологии осетин», вышедшей в Одессе в 1916 г.

СОДЕРЖАНИЕ

О профессоре М. А. Мисикове. <i>Р. Бзаров</i>	5
Этнографические сведения об осетинах	
Предисловие	29
Жилища и домашняя утварь	33
Одежда	41
Оружие	50
Пища — <i>Хæринаг</i>	53
Напитки	60
<i>Бæггены</i> — пиво	63
Общественный быт и внутренняя жизнь	65
Женитьба — <i>Ускурсен</i>	72
Отправка невесты — <i>Чындзæрвитыны хъуыддаг</i>	74
[Свадьба в доме жениха] — <i>Чындзæхсæв</i>	76
Похищение	78
Кровавая месть — <i>Туг исын</i>	80
Примирение — <i>Туджы тæрхон</i>	83
Гостеприимство	85
О положении женщин	91
Занятие у осетин	98
Обработка овечьих шкур и кож для тулупов	109
Народная медицина	112
Примечания	129
Приложение 1. Производственный план Естественно-исторического отделения Осетинского научно-исследовательского института краеведения	135
Приложение 2. Портретная галерея	143

Научно-популярное издание

Мисиков Магомет Асланикоевич

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОСЕТИНАХ

Редактор *И. Н. Кантемирова*

Компьютерная верстка *И. А. Кодзати*

Подписано в печать 04.10.2011. Формат 60x84/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура шрифта «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,30. Учетно-изд. л. 5,63. Тираж 500 экз. Заказ № 1512

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева». 362011, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16.